



Московский государственный университет  
имени М.В. Ломоносова

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра философии политики и права

ISSN 2500–2104

Посвящается 10-летию кафедры  
философии политики и права  
философского факультета  
МГУ имени М.В. Ломоносов

# ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Ежегодник  
научных  
работ

Изменения  
в философии  
XXI век

ВЫПУСК 9

Москва. 2018



Учебный корпус МГУ №1

Девятый выпуск ежегодника «Философия политики и права» («Изменения в философии — XXI век») посвящен 10-летию кафедры философии политики и права. В этом выпуске опубликованы статьи преподавателей, соискателей и аспирантов кафедры, в которых авторы представили свои достижения в определенной области философии политики и права. Философия политики и права в наши дни вынужденно поворачивается к злободневным проблемам современности, и прежде всего в области политики, к анализу и интерпретации катастрофических политических процессов, которые с нарастающей силой происходят в последнее время в мировом развитии.

Ежегодник может быть полезен всем интересующимся актуальной философско-политической проблематикой.

ISSN 2500-2104



МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА  
**ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**  
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

---

ISSN 2500–2104

# **ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ и ПРАВА**

Ежегодник научных работ  
Выпуск 9 (2018)

**Изменения в философии — XXI век**

*Посвящается 10-летию кафедры философии политики и права  
философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*



Москва  
**Издатель Воробьев А.В.**  
2018

УДК 1:32:34  
ББК 87:66:67  
Ф56

Печатается по решению Ученого совета  
философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕЦЕНЗЕНТЫ

доктор философских наук *М.А. Маслин*  
доктор политических наук *А.И. Соловьев*

*Главный редактор* — Мошелков Е.Н.

Члены РЕДКОЛЛЕГИИ: Бойцова О.Ю. (зам. главного редактора),  
Жуков В.Н., Козырев А.П., Мчедлова М.М., Никандров А.В. (научный редактор),  
Расторгуев В.Н., Федорова М.М., Щипков А.В., Яковлев М.В.

**Ф56 Философия политики и права:** Ежегодник научных работ.  
Выпуск 9 (2018). Изменения в философии — XXI век. *Посвящается 10-летию кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова* / Под общей редакцией доктора политических наук, профессора Е.Н. Мошелкова; научный редактор — доцент А.В. Никандров / МГУ имени М.В. Ломоносова. Философский факультет. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2018. — 272 с.

**ISSN 2500–2104**

Девятый выпуск Ежегодника «Изменения в философии — XXI век» (2018) посвящен 10-летию кафедры философии политики и права. В этом выпуске опубликованы статьи преподавателей, соискателей и аспирантов кафедры, в которых авторы представили свои достижения в определенной области философии политики и права. Философия политики и права в наши дни вынужденно поворачивается к злободневным проблемам современности, и прежде всего в области политики, к анализу и интерпретации катастрофических политических процессов, которые с нарастающей силой происходят в последнее время в мировом развитии.

Ежегодник может быть полезен всем интересующимся актуальной философско-политической проблематикой.

© Коллектив авторов, 2018

**ISSN 2500–2104**

© Воробьев А.В. & ЦСК, оформление, 2018

---

Подписано в печать 22.04.2018. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс»  
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 13,82. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 500 экз. Заказ № 338.

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым* и *Д.А. Гавриловым*

Издатель Воробьев А.В. г. Москва, ул. Профсоюзная, 140–2–36. **8(495)772–03–76**

Типография ООО «Поли Принт Сервич». г. Москва, ул. Бутырская, д. 86. Тел. **8(495)191-11-95**  
Изготовление любой печатной продукции // **info@ppsprint.ru** // **ppsprint.ru**



МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ПРИКАЗ

*10 октября 2008г.*

Москва

№ *944*

О создании кафедр на философском факультете

В соответствии с решением Ученого совета МГУ от 10 ноября 2008 года, протокол № 4

приказываю :

1. Создать на философском факультете:
  - кафедру философии образования,
  - кафедру философии языка и коммуникации
  - кафедру философии политики и права (на базе штатного состава кафедры теоретической политологии и части штатного состава кафедры истории социально-политических учений)
2. Возложить исполнение обязанностей заведующих на следующих сотрудников:
  - на доцента Брызгалину Елену Владимировну – заведующего кафедрой философии образования;
  - на доцента Костикову Анну Анатольевну – заведующего кафедрой философии языка и коммуникации;
  - на профессора Мошелкова Евгения Николаевича – заведующего кафедрой философии политики и права.
3. Внести соответствующие изменения в структуру МГУ.
4. Контроль за исполнением настоящего приказа оставляю за собой.

Ректор  
Московского университета  
академик

*В. Садовничий*  
В.А.САДОВНИЧИЙ



Проект приказа вносит:  
Декан философского факультета  
*В.В.Миронов*  
« » 2008г.

Согласовано:

Проректор МГУ  
*П.В.Вржеш*  
« » 2008г.

Проректор МГУ  
*В.А.Мамонтов*  
«31» 12 2008г.

Главный ученый секретарь МГУ  
*О.В.Раевская*  
« » 2008г.

Зам. проректора – начальник  
планово-финансового управления МГУ  
*Г.А.Савицкая*  
«03» 12 2008г.

Юридическое управление МГУ  
*А.С.Ивлев*

# СОДЕРЖАНИЕ

<i>Моцелков Е.Н.</i> Ежегодники «Философия политики и права» (2010–2018) как зеркало изменений в современной философии. <i>Вместо предисловия</i> .....	6
<i>Аласания К.Ю.</i> Биополитика как реальность и стратегия. Взгляд М. Фуко .....	33
<i>Артёмкин А.Н.</i> Дискуссия о новом университетском уставе в начале XX века в России: актуальные идеи и проекты .....	41
<i>Бойцова О.Ю.</i> Теоретические модели солидаризма в политической мысли рубежа XX–XXI вв.....	61
<i>Лекарева А.О. П.И. Новгородцев и К.П. Победоносцев</i> об особенностях русского православного сознания .....	76
<i>Никандров А.В.</i> Американский гегемонизм и мессианская риторика .....	87
<i>Расторгуев В.Н.</i> Цивилизационное наследие: что понимает под ним школа, наука и политика?.....	121
<i>Соловьев А.В.</i> Полемика во Франции на рубеже XX–XXI вв.....	133
<i>Сытин А.Г.</i> Проблематика «кризиса демократии» в современной политико-философской литературе.....	152
<i>Шамиурин В.И.</i> Проблема значения в политическом знании ....	161
<i>Щипков А.В.</i> «Догоняющее развитие»: из ниоткуда в никуда. От идеи «Москва — Третий Рим» к идее «Россия — неполноценная Европа» .....	171
<i>Юрина Н.С.</i> Трактровка политического актора в теории общественного выбора.....	183
<i>Яковлев М.В.</i> Идеи демократии русских политических философов в концептуальной призме социального конструкционизма.....	191

## ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Семинары-дискуссии по актуальным проблемам философии политики на основе книжных новинок зарубежных авторов .....	203
СЕМИНАР-ДИСКУССИЯ № 1	
СОЛОВЬЕВ А.В. Западное общество: назревающий кризис (Ж.-П. Ле Гофф. «Недомогание демократии») .....	203
СЕМИНАР-ДИСКУССИЯ № 2	
АЛАСАНИЯ К.Ю. Мир политики в эпоху перемен (Дж.С. Най-мл. «Закончился ли американский век?») .....	207
СЕМИНАР-ДИСКУССИЯ № 3	
МИРОНОВА Д. Неудобная свобода (Т. Саррацин. «Новый нравственный террор. О границах свободы мнений в Германии») .....	211
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. РАСТОРГУЕВ В.Н. Личностное измерение цивилизации и «незаемные смыслы» политики: школа А.С. Панарина и ежегодные Панаринские чтения...	215
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. МОЩЕЛКОВ Е.Н., СЫТИН А.Г. Развитие направлений политической науки на философском факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в период 1998–2017 гг. (на примере деятельности диссертационного совета Д 501.002.14)...	234
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Выпускники кафедры философии политики и права (2012–2018) .....	260
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Аспиранты и соискатели кафедры философии политики и права, защитившие кандидатские и докторские диссертации (2008–2018).....	267
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ .....	270
SUMMARY .....	272

Моцелков Е.Н.

Ежегодники «Философия политики и права»  
(2010–2018) как зеркало изменений  
в современной философии

*Вместо предисловия*<sup>1</sup>

В 2008 году на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова была создана новая кафедра — **кафедра философии политики и права**. В процессе разработки планов становления и развития кафедры родилась идея создания Ежегодника научных работ с одноименным названием. В период с 2010 года по настоящее время увидело свет **девять** выпусков. Сделаем краткий обзор авторов и тематики опубликованных в Ежегодниках на протяжении 10 лет научных исследований, которые показывают разноплановый и изменяющийся диапазон научных интересов отечественных философов.

В **ПЕРВОМ** выпуске Ежегодника (2010) было анонсировано создание новой кафедры для профессионального сообщества и обозначены задачи, которые мы ставим для развития новой дисциплины университетского образования. В состав Ежегодника вошли 12 статей в основном профессоров и доцентов философского факультета МГУ: *В.Н. Расторгуева* («Предметная область философии политики как научной и вузовской дисциплины»); *Е.Н. Моцелкова* («История философии права как академическая дисциплина в университетском образовании России (XIX — нач. XX в.)»); *О.Ю. Бойцовой* («Политическое познание в XX в.: в поисках образца научного исследования»); *В.И. Шамигурина* («К вопросу о взаимосвязи философии политики и права с философией, политикой и правом»); *И.А. Гобозова* («Философское обоснование права»); *С.А. Хмелевской* («Национальная система права: явные и скрытые философские

---

<sup>1</sup> В составлении отдельных фрагментов данной статьи приняли участие профессора О.Ю. Бойцова и В.Н. Расторгуев.



основания»); *Е.А. Войниканис* («Парадигмальный сдвиг в современном праве»); *А.В. Соловьева* («Как возможна философия войны?»); *А.Г. Сытина* («Судьбы идей демократии в западноевропейской политико-философской мысли XIV–XVII вв.»); *В.Н. Жукова* («П.И. Новгородцев как философ права»); *В.С. Кржевова* («Концепция государства и права К. Шмитта: место и роль в политической теории и практике XX в.»); *К.Ю. Аласани* («Постмодернистская концепция власти во французской политической философии второй половины XX — начала XXI вв.»).

В этих статьях отмечалось, что созданием в Московском университете кафедры философии политики и права делается важный шаг в сторону интеграции целого ряда гуманитарных наук, единого образовательного и научно-исследовательского поля, в котором интегрируются проблемы политики и права. При этом исходная идея основывается на том убеждении, что политика и право являются двумя важнейшими взаимосвязанными регуляторами современной общественной жизни.

В историческом процессе дифференциации гуманитарного знания политика была отнесена к предметной области политических наук, право — к юриспруденции. Указанные науки достигли на протяжении многих десятилетий и даже столетий своего развития существенных достижений в изучении и понимании данных общественных феноменов. Но, видимо, в этом процессе объективно существуют свои пределы, за которые эти науки выйти не в состоянии. Не случайно, кстати, каждая из этих наук (особенно политология и правоведение) до сих пор не имеют общепринятого предмета, единого понимания сущности искомых феноменов, а объект-предметные области этих (как, впрочем, и других социальных наук) сильно пересекаются<sup>1</sup>. Многие современные учебники

---

<sup>1</sup> О единстве объекта и о взаимосвязанности предметов социальных наук говорилось на встрече ученых-обществоведов в конце 2016 г. в Институте всеобщей истории РАН. См.: *Чубарьян А.О., Исэров А.А.* Большая история: от Большого взрыва до глобализации. О приоритетах развития гуманитарных и общественных наук в России // НГ-Наука. 11 апреля 2018 г. С. 1–2. Справедливости ради надо отметить, что западные ученые (например, И. Валлерстайн) на это указывают уже с 1990-х гг. — См.: *Валлерстайн И.* Письмо членам Международной социологической ассоциации // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1995. № 3. С. 128.

по политологии и праву начинаются с констатации того, что в этих науках нет более многозначных и неопределенных понятий, чем «политика» и «право».

Это не случайно. Разные науки (политология и правоведение) отдельно друг от друга изучают политику и право, как отдельные и самодостаточные сущности, тогда как в реальности они взаимно дополняют и взаимно обуславливают друг друга. Поэтому **концептуальная задача новой кафедры состояла в создании интегративной философской теории политики и права.**

Выделялось несколько направлений реализации данной задачи.

1. Институционализация философии политики и права как нового направления университетского философского образования; определение ее места, роли и эвристических функций в контексте вызовов современной цивилизации.

2. Осмысление основных этапов и направлений исторической эволюции философских интерпретаций политики и права, особенно в аспекте взаимодействия этих двух феноменов общественной жизни.

3. Анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, социокультурных и прогностических проблем философии политики.

4. Анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, культурологических и праксиологических проблем философии права.

5. Исследование философских проблем взаимодействия политики и права, к числу которых можно отнести такие темы, как норма и нормативность в политике и праве; взаимовлияние и взаимоограничение политики и права в современном общественном развитии; взаимосвязь политического и правового факторов в минимизации и разрешении национальных, региональных и глобальных проблем современного общества.

6. Создание инструментов (механизмов) получения нового знания в политико-правовой сфере, обоснование принципов формализации и схематизации политико-правовых объектов, а также теоретических моделей политико-правового развития, изменений, модернизации, транзита, прогресса и регресса в политике.

На реализацию данных задач и была направлена учебная и научная деятельность кафедры философии политики и права в последние годы.

Содержание **ВТОРОГО** выпуска Ежегодника (2011) является панорамой современной философско-политической мысли. В нем представлены современные разработки в данной области в российских гуманитарных науках. Наряду с профессорами философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в нем участвуют коллеги, работающие в других учебных и научных центрах России. В сборник включены статьи авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Твери, Екатеринбурга. Столь обширная география свидетельствует о достаточно широком интересе современных российских исследователей к проблемам философии политики и права.

В сборнике три раздела — **«Актуальные проблемы философии политики и права»**, **«Дискуссии о политической философии»** и **«История философии политики и права»**.

В *первый раздел* вошли статьи, в которых анализируются онтологические, гносеологические, аксиологические и социокультурные проблемы, возникающие при философском осмыслении политико-правовой реальности. В центре внимания авторов — понимание политического (и связанных с этим вопросов) соотношения политики, права и морали в контексте трансформации современного мира, роли рациональности в обосновании легитимности, проблем символического и языкового ресурсов политико-правовой деятельности.

Раздел открывается статьей главного научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН, профессора *К.С. Гаджиева* «Морально-нравственное измерение мира политического», посвященной рассмотрению взаимовлияния морального и политического. Далее представлена статья зав. кафедрой, профессора Казанского государственного энергетического университета *Н.М. Мухарямова* «Тема языка в философии политики (важнейшие подходы)», где ставится вопрос о роли языка в мире политического, выявляются различия языка власти и языка политики, показывается значимость данных явлений в рамках по-

литической системы. В статье профессора МГУ *В.Н. Расторгуева* «Философия умной политики» обсуждаются проблемы значения, места, функции философии политики в современную эпоху, выявляется связь между содержанием политического знания, познающим субъектом и объектом познания. В статье зав. сектором истории политической философии Института философии РАН, профессора *М.М. Федоровой* «Истина и легитимность» дается характеристика философских оснований политической рациональности, анализируется трансформация статуса субъекта в пространстве политического, вскрывается значение данного изменения для современной политической философии. В разделе помещены также статьи профессоров МГУ *С.А. Хмелевской* «“Коллизия жизней” как философско-правовая проблема» и *В.И. Шамиурина* «Проблема символа в политике и религии». Первая посвящена раскрытию философских оснований проблемы коллизии жизней в социальном контексте, вторая — рассмотрению аксиологических, онтологических и гносеологических оснований проблемы символа в политике и религии.

**Второй раздел** посвящен проблемам политической философии — ее места и роли в современном познании и взаимосвязи с политической и правовой науками. Стимулом к обсуждению этих вопросов послужили не утратившие остроту дискуссии о соотношении понятий «политическая философия» и «философия политики», «политическая теория» и «политическая философия». Немаловажным поводом для размышлений стала вышедшая в свет антология «Политическая мысль в России. От истоков до февраля 1917 г.», которая вызвала заинтересованные отклики специалистов. В ходе обсуждения этого издания были затронуты вопросы о принципах научного подхода к анализу философских интерпретаций политики и права, и, в частности, о характеристике источников, разработка которых обеспечивает фундированность подобных исследований.

Открывается раздел статьей зав. кафедрой, профессора МГИМО *Т.А. Алексеевой* «Некоторые соображения о предметной области политологических дисциплин», посвященной сопоставлению предметов изучения политической философии, политологии и политической теории, а также анализу методологии, используемой при

исследовании проблематики различных областей политической науки. В статье главного научного сотрудника Института философии РАН, профессора Йельского университета (США) *Б.Г. Капустина* «О политическом философе и политической философии» раскрываются основные аспекты политической философии, понимаемой как способ отношения к действительности; исследуется значение понятия «политика» как вида духовно-практической деятельности. Статья зав. кафедрой, профессора Санкт-Петербургского университета *Л.В. Сморгунова* «Событийная природа политики, или как политическая философия отвечает на кризис политической науки» обращена к проблематике, связанной с кризисом современной политической науки и необходимостью переосмысления в современных условиях понятия политического. В заключительной части раздела представлена статья зав. сектором философских проблем политики Института философии РАН, профессора *В.Н. Шевченко* «К вопросу о видах, источниках и принципах исследования отечественной политической мысли», посвященная аналитическому разбору антологии «Политическая мысль в России. От истоков до февраля 1917 г.». В ней высказываются мысли о роли подобных изданий в изучении политической мысли, анализируется методология составления, достоинства и недостатки структурного и содержательного характера рассматриваемой антологии.

В *третьем разделе* представлены исследования, посвященные осмыслению различных этапов эволюции философии политики и права в России и за рубежом.

Здесь публикуется статья профессора МГУ *О.Ю. Бойцовой* «Проблема консенсусных стратегий в политической мысли XX в.: позиция неоконтрактуализма», в которой анализируется проблема поиска и путей согласования политических интересов в концепциях представителей западной политической мысли XX века. В статье бывшего профессора Тверского государственного университета *В.А. Гусева* (к сожалению, недавно умершего) «Сравнительный анализ французской и русской форм консерватизма» проводится сопоставление французской и русской форм консерватизма, выявляются важнейшие черты русской политической культуры, сближающие ее с французской. Продолжается раздел статьей ученого

из Екатеринбурга *В.О. Лобовикова* «Фундаментальное структурно-функциональное единство естественного и позитивного закона в философии права Аристотеля с точки зрения ее дискретной математической модели (кванторные, привычные и частотные модальности деятельности как морально-правовые ценностные функции от двух переменных в алгебре естественного права)», представляющей собой оригинальное исследование математической модели философии права Аристотеля. В статье зав. кафедрой, профессора МГУ *Е.Н. Моцелкова* «Политическое в историософии В.О. Ключевского (к 170-летию со дня рождения и к 100-летию со дня смерти выдающегося русского историка)» анализируется проблема политического в трудах выдающегося историка В.О. Ключевского, раскрываются его идеи и концепции по проблемам политической власти, политического порядка, государственного устройства, взаимосвязи политики и нравственности. Завершает раздел статья главного научного сотрудника Института философии РАН, профессора *И.Г. Пантина* «Русская политическая мысль в историческом измерении», посвященная рассмотрению особенностей развития политико-философской мысли России.

В «**Приложении**» публикуется **Программа нового учебного курса «Философия политики и права»**, представляющая собой инновационную разработку кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В анонсе говорилось, что Программа утверждена Учебно-методической комиссией философского факультета МГУ, а данный курс является обязательной дисциплиной для обучения философов, религиоведов и культурологов в рамках нового образовательного стандарта МГУ, реализация которого начнется на философском факультете с сентября 2011 г.

**ТРЕТИЙ** ежегодный выпуск сборника научных работ «Философия политики и права» (2012) посвящается 200-летию Отечественной войны 1812 года. Его тематическое название: *Отечественная война 1812 года в философско-политической мысли*. Нас, конечно, интересует не только и не столько событийная канва того знаменательного и во многом переломного периода отечественной истории, сколько его значение для последующего разви-

тия русской философско-политической мысли, для формирования умонастроений и мировоззренческих ориентиров в мыслящих слоях русского общества на протяжении всего XIX века.

Материалы сборника разбиты на три раздела. В *первом разделе «Отечественная война 1812 года в зеркале философии политики»* опубликованы статьи *Е.Н. Моцелкова* «Проблема “Россия — Запад” в отечественной философско-политической мысли 30–40-х гг. XIX века и современные модели социального времени», *В.Н. Расторгуева* «Синхронизм роковых событий: история войн и потрясений, метаистория и политические технологии», *В.Н. Жукова* «Государство и война в русской философии естественного права первой половины XX века» и *А.Г. Сытина* «Вопрос об истоках и основаниях наших побед в общественной мысли России XIX–XX веков», в которых анализируется проблема «Россия — Запад» как одна из центральных в русской мысли на протяжении ряда столетий. Показано, что интерес к этой проблеме в русском обществе получает новую остроту и масштабность именно под влиянием событий 1812–1814 годов. Это находит свое отражение в столкновении либерально-конституционалистских и охранительных тенденций в правящих эшелонах российского общества (до 1825 г.), а также в развернувшейся в 30–40-е гг. полемике западников и славянофилов. В разделе также обосновывается модель синхронных процессов и тенденций в отечественной и мировой истории, показывается место и значение Отечественной войны 1812 г. в этих исторических потоках событий и явлений. В разделе представлены некоторые оригинальные материалы, в которых анализируются проблемы Отечественной войны 1812 г. в контексте отечественной политической мысли.

Во *втором разделе «Государство и Отечество: политико-философские ракурсы войны 1812 года»* опубликованы статьи *В.И. Шамиурина* «Патриотизм и патристика (об историософии и политике в событиях 1812 года)», *О.Ю. Бойцовой* «Легитимация и патриотизм: уроки Отечественной войны 1812 года», *А.В. Соловьева* «“Русская кампания” или “Отечественная война” 1812?» и *Я.И. Ваславского* «Наполеон Бонапарт и панъевропейская идея», в которых на материалах Отечественной войны 1812 г. проводится

философско-политический анализ соотношения государства и Отечества, выявляются историософские аспекты этого соотношения, анализируются проблема патриотизма. В разделе показываются и анализируются философско-политические подходы к выявлению истинных механизмов и пружин исторического процесса в России и в Европе в первые десятилетия XIX века, обосновывается решающая роль России в пресечении планов Наполеона в установлении общеевропейского (мирового) господства.

В *третьем разделе «Война 1812 года: образ и реальность»* в статьях *К.Ю. Аласани* «“Культурная память” о войне 1812 г. в российской и европейской общественно-политической мысли: постановка проблемы», *К.И. Кийченко* и *А.С. Сычевой* «Роль кинематографа в формировании представлений о событиях Отечественной войны 1812 года», *П.Л. Карабуценко* «Исторический анекдот: забытые страницы истории Отечественной войны 1812 года», *Е.Г. Тимофеева* «Российская провинция в условиях военного времени (на примере Астраханской губернии в 1812–1814 гг.)», выявляется соотношение реальной истории 1812 года и «образа» этого исторического периода, сложившегося в научном и массовом сознании. Анализируются проблемы «культурной памяти» о войне 1812 г. в российской и европейской общественно-политической мысли, роль преданий, кинематографа в формировании этой «культурной памяти».

В **«Приложении»** к сборнику, подготовленном проф. *В.И. Шамшуриным*, публикуются небольшие фрагменты воспоминаний и размышлений непосредственных участников событий того периода — С.Н. Глинки и Ф.Н. Глинки, в которых содержится множество наблюдений, эмоциональных переживаний, ремарок, обобщений, способствующих лучшему пониманию атмосферы и умонастроений той эпохи, дающих богатую пищу для анализа и сопоставлений современным политическим философам.

**ЧЕТВЕРТЫЙ** выпуск Ежегодника научных работ «Философия политики и права» (2013) посвящен **философско-политическому анализу взаимодействия государства и гражданского общества**. Оба этих понятия — «государство» и «гражданское общество» — прочно вошли в современный политический лексикон, являются одними из часто употребляемых слов среди политиков и государ-



ственных деятелей. Обусловлено это преобразовательными процессами в современной России, в ходе которых такие вопросы, как роль и задачи государства, государственной власти, зрелость и сила институтов гражданского общества, взаимовлияние и взаимодействие данных сфер общественной жизни, приобретают чрезвычайно важное значение для дальнейшего развития страны.

Широкое употребление этих научных понятий в языке обыденной речи неизбежно привело к размыванию и искажению их содержания, к подменам их смысла (или смыслов), утвердившихся в историческом научном контексте. Не в этом ли заключаются бесплодность и низкая эффективность современных политических проектов в России, когда, например, стремление к «гармонизации» или «органичному взаимодействию» государства и гражданского общества натывается на непонимание того, «что» с «чем» должно «гармонизировать» и «взаимодействовать».

Материалы сборника распределены по ряду разделов. В *первом разделе «Государство и гражданское общество: теория и история»* в статьях *Е.Н. Моцелкова* «Дихотомия “государство — гражданское общество“ в процессе исторической эволюции общественных систем», *О.Ю. Бойцовой* «Аксиологический релятивизм в теориях гражданского общества», *В.Н. Расторгуева* «Компетентное гражданское общество: становление и эволюция, судьба науки и академической демократии», *В.И. Шамиурина* «Социальная политика государства и гражданское общество», *А.Г. Сытина* «Гражданское общество и государство в концепции демократии Джона Кина» и *В.С. Кржевова* «О прогрессе, гражданском обществе и либерализме» раскрываются теоретико-методологические основы анализа государства и гражданского общества в философско-политической мысли, а также анализируется развитие дихотомии «государство — гражданское общество» в реальных исторических контекстах.

Во *втором разделе «Государство и гражданское общество в России»* в статьях профессоров *А.П. Кочеткова* «Государство и гражданское общество в России: стратегия взаимодействия», *В.Н. Шевченко* «Философский смысл современных дискуссий в России о российском государстве и перспективы развития гражданского общества» и *С.А. Нижникова* «Проблемы современной демокра-

тии и гражданское общество» анализируются проблемы государства и гражданского общества в современной России, в рамках общественных преобразований и катаклизмов двух последних десятилетий.

Представлены также философские размышления профессора *Ф.И. Гиренка* «О чувстве несправедливости в политике», в которых раскрывается оригинальный подход к трактовке природы государства и гражданского общества в России как в историческом, так и в современном контекстах.

В сборник включены обзор X Панаринских чтений, которые проходили в декабре 2012 г. на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова (*Е.В. Филиппенко* — «Школа А.С. Панарина и дискуссии о цивилизационном пути России») и научный перевод *А.В. Соловьевым* текста французского профессора политических наук *Франсуа Ранжона* «Гражданское общество: история понятия».

**ПЯТЫЙ** выпуск Ежегодника научных работ «Философия политики и права» (2014) посвящен анализу **взаимодействия двух базовых категорий философско-политического знания — «политика» и «политическое»**. В статьях ежегодника рассматриваются проблемы концептуализации данной понятийной пары, показывается многозначность и многослойность мира политического, значимость философского анализа для адекватного понимания политических процессов и явлений. В ежегоднике обсуждается актуализация политики и политического в пространстве современной общественной жизни.

**В первом разделе «“Политика” и “политическое”: проблема концептуализации»** анализируются исторические и современные подходы к определению понятий «политика» и «политическое» в философско-политическом знании, а также рассматриваются важнейшие аспекты их содержательного наполнения.

В открывающей раздел статье *Е.Н. Моцелкова* «Историческая эволюция философско-политического знания: от политики к политическому» дается характеристика основных этапов становления важнейших научных дисциплин, изучающих политику, — философии права, истории философии права, политической философии

и философии политики, политологии и философии политики и права; а также показывается их преемственность и перспектива развития в направлении формирования интегративных научных теорий, синтезирующих эвристические и методологические достижения и возможности гуманитарных наук.

В статьях *М.М. Мчедловой* «Новая гносеология для новой онтологии: изменения концептуальных моделей политического» и *К.Ю. Аласани* «Понятие политического во французской философии эпохи постмодернизма» анализируются инструменты познания политического в ситуации смены парадигм и ставится проблема изменения принципов научного осмысления политики в связи с «уходом универсальности» из теории и признанием плюральных оснований современного мира.

Анализу одного из ведущих направлений в концептуализации политического посвящена статья *О.Ю. Бойцовой* «Политика как менеджмент. Проекты научного управления обществом в западной политической мысли начала XX века», в которой рассматриваются научная традиция, принципы и концептуальные основы трактовки политики как социального менеджмента и перевода политического действия в плоскость административного решения.

Значительное влияние на становление современного дискурса политического оказала концепция К. Шмитта: солидаризация с его позицией или оппонирование ей во многом определили пути концептуализации понятий «политика» и «политическое» в философии XX века. Данные процессы нашли отражение в статьях *И.И. Мюрберг* «Влияние “междисциплинарного тренда” в социальных науках конца XX века на становление современного понятия “политического”», *А.Г. Сытина* «Смысл политики по Карлу Шмитту и по Ивану Ильину: опыт сравнительного анализа» и *В.К. Белозёрова* «Война и идеи Клаузевица в концепции политического Карла Шмитта».

Проблема соотношения политики и идеологии, места и роли идеологических построений и оценок как при концептуализации политического, так и при оценке политических реалий ставится в статьях *И.А. Гобозова* «Карл Поппер и “тоталитаризм”» и *А.В. Никандрова* «Борьба идей в политической истории второй половины XX века:

концепция конца идеологии и ее роль в идейно-политическом противостоянии коммунизма и атлантизма в эпоху холодной войны».

Завершает раздел рассмотрение философских подходов к описанию темпорального измерения политики в статье *Е.В. Филипенко* «Политическое время: основные характеристики».

Во *втором разделе «Политика и политическое в современном мире»* представлены материалы, посвященные анализу грани политики в эпоху социальных трансформаций XX–XXI вв.

*В.Н. Расторгуев* в статье «Политическое действие и ответственность» прослеживает взаимосвязь политической мысли и политического действия, анализирует риски, предельно актуализированные в современном мире радикализмом, и поднимает вопрос о социальной ответственности политики и политологии как науки.

Проблемы принципиальных изменений политической реальности в условиях глобализирующегося мира рассмотрены в статьях *Л.В. Сморгунова* «Политическое в сетевом обществе: поиск нетотализуемого порядка», *Н.М. Мухарямова* «О влиянии тенденций глобализации на прагматический строй языка политики» и *Р.Х. Усманова* «Глобализация и этнополитический процесс в современной России».

Аксиологические основания политики находятся в центре внимания в статьях *В.И. Шамигурина* «Политика и образование (на примере России)» и *К.И. Кийченко* «Социокультурный анализ в политической науке: ценностные и методологические ориентиры».

Рассмотрению политики в аспекте формирования и функционирования институтов государства посвящены статьи *В.В. Афанасьева* «Государство как социальный институт», *Я.И. Ваславского* «Сравнительный анализ подходов к концепту конституции со стороны политологии и юридической науки» и *М.В. Яковлева* «Демократизация как политический процесс: новые идеи и направления исследований».

**ШЕСТОЙ** выпуск Ежегодника «Философия политики и права» (2015) имеет тематическое название «**Цивилизации в эпоху глобализма**» и посвящен **75-летию отечественного философа и политического мыслителя Александра Сергеевича Панарина (1940–2003)**, одного из наиболее авторитетных представителей цивилизационной теории в отечественной науке. В сборник вошли мате-

риалы ученых, которые принадлежат к разным научным школам, но объединены общими исследовательскими интересами. Именно в этом и заключалась идея выпуска — показать палитру подходов в рамках цивилизационной проблематики, относящейся к числу наиболее дискуссионных в современном политико-философском дискурсе.

В сфере внимания авторов сборника находятся как теоретико-методологические аспекты исследования цивилизаций, так и реальные мировые процессы, в рамках которых происходит столкновение двух важнейших тенденций мирового развития: стремления к сохранению культурной идентичности, обуславливающего цивилизационную полифонию, с одной стороны, и глобалистского тренда, нивелирующего многообразие социально-культурных форм, — с другой.

Публикуемые статьи распределены по четырем тематическим разделам. В *первый раздел «Теория цивилизации в современной философско-политической науке»* вошли работы, посвященные анализу места и роли концепта «цивилизация» в политической философии, его содержательного наполнения, соотношения с другими понятиями, а также эвристического и аксиологического потенциала цивилизационной парадигмы.

Открывает раздел статья *О.Ю. Бойцовой* «Разделять, чтобы властвовать (о демаркационной функции концепта “цивилизация”)», в которой анализируется специфика политико-философской постановки проблемы, прослеживается общность функциональной нагрузки базового понятия в различных цивилизационных парадигмах. Автор утверждает, что концепт «цивилизация» — вне зависимости от конкретного содержания, признаваемого отдельными философскими школами, — служит основой разграничения политических сообществ, задавая принципы их интеграции и определяя модели легитимации власти. В статье *А.Л. Казина* «Нисхождение власти: цивилизация и культура» теоретический анализ проводится с аксиологических позиций. Автор различает в цивилизации религиозное «ядро», в котором сосредоточены базисные духовно-смысловые ценности, и относительно автономные и способные противоречить ему «оболочки», к которым относятся, в частности, экономика и культура. В статье противопоставляются Запад, идущий по губительному пути от сакрального ядра к технико-экономической

периферии, и Россия, на протяжении веков сохранявшая, пусть порой и в извращенных формах, цивилизационное ядро, характеризующееся теоцентричностью и империоцентричностью. Описывая соотношение религиозного и научного познания, *В.И. Шамиурин* в статье «О соотношении религиозно-философских и цивилизационных начал в политике» защищает тезис о том, что любые концептуальные построения религиозны постольку, поскольку базируются на аксиоматике — исходных основоположениях, принимаемых на веру и признаваемых в качестве безусловной ценности. Рассматривая различные философские подходы к религии, автор считает корректными те, что определяют ее через конечные сущности, которые почитаются как святые и в силу этого имеют интегрирующую силу, делают осмысленными социальные действия и социальную мотивацию. *А.В. Соловьев* в статье «Цивилизация и война» анализирует значение войны как цивилизационного феномена, останавливаясь на осмыслении ее роли в культуре и на критериях типологии войн.

Во *втором разделе «Цивилизационная парадигма в научном наследии А.С. Панарина»* представлены исследования различных аспектов многогранной теории философа и попытки определить место его взглядов в философском спектре.

*М.А. Маслин* в статье «А.С. Панарин о русской идее» относит ученого к государственническому консервативному направлению в отечественной политической философии. Автор прослеживает связь теории А.С. Панарина с философией И.А. Ильина, классическим евразийством, панславизмом Н.Я. Данилевского и обосновывает тезис о том, что ученый осуществил синтез двух вариантов учения о русской идее — «универсалистского» В.С. Соловьева и «самоценного» Н.А. Бердяева. *А.Н. Харин* в статье «Основные компоненты государства-цивилизации в творчестве А.С. Панарина» утверждает, что ученый был представителем универсалистского направления в цивилизационной парадигме отечественной геополитики. Анализируя категорию «государство-цивилизация» как альтернативу «государству-нации», автор прослеживает эволюцию взглядов А.С. Панарина на основы и перспективы российской государственности, а также на специфику таких ее элементов,

как гражданское общество и церковь. *Е.И. Глушенкова* в статье «Русская цивилизация в концепциях Н.Н. Моисеева и А.С. Панарина» обосновывает свой вывод о том, что оба ученых являются философами постмодерна и неклассического анализа и разделяют идеи русского космизма. Автор анализирует учение Моисеева о специфике русской цивилизации как техногенной, полиэтнической и поликонфессиональной и утверждает, что источником ее смыслового горизонта послужила панаринская концепция.

**Третий раздел** озаглавлен «**Современные цивилизации и Россия**». В него вошли материалы, посвященные анализу актуальных глобальных и локальных процессов, значимых для России в цивилизационной перспективе.

Статья *В.Н. Рассторгуева* «Цивилизационная миссия и стратегический выбор России: прогностическая теория А.С. Панарина и геополитический контекст» рассматривает ряд идей ученого, обладающих значительным эвристическим потенциалом при выборе приоритетов в политике государства. Опираясь на теорию А.С. Панарина, автор детально анализирует основные проблемы, связанные с определением миссии российской цивилизации в современном мире. *Е.Н. Моцелков* в статье «Государственная идеология России: конфликт прошлого и настоящего» ставит проблему сущности и назначения национальной государственной идеологии, ее места в общей системе государственных приоритетов. Автор прослеживает исторические модели государственной идеологии в России и рассматривает условия выработки и обеспечения ответственности ее современной версии. *Е.В. Брызгалкина* и *В.Н. Киселев* в статье «Образование в будущем глобальном мире: философские аспекты» анализируют важнейшие тенденции развития образования в глобальном мире, сопряженные с глубокими системными трансформациями. Подчеркивая тезис о том, что современное образование является сферой столкновения глобальных и национальных интересов, авторы указывают на противоречивость ценностных установок субъектов и социальных институтов, заинтересованных в определении черт будущего образования. *В.Н. Жуков* в статье «Субъективная социология права в России как отражение русской идентичности» обращается к анализу политических и

правовых идей, разработанных в рамках одного из влиятельных течений отечественной мысли XIX в., которое служило средством обоснования народнической идеологии. Тему специфики отечественной философии права продолжает *Т.А. Сеньюшкина*, которая в статье «Православная аксиология русской правовой культуры» утверждает, что специфику русского правосознания определяет его соотнесенность с православными ценностями, которые, по убеждению автора, пронизывают все пространство традиционной отечественной культуры. Завершает раздел текст доклада *А.П. Козырева* «Миссия русской философии в цивилизационном контексте», прочитанного на X юбилейных Панаринских чтениях в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Автор указывает, что русская философия является мощнейшим миссионерским инструментом, и предлагает при продвижении русской культуры в мировом масштабе опираться на научное наследие А.С. Панарина.

**В четвертый раздел «Глобализация и глобализм в современном мире»** собраны материалы, в которых анализируются важнейшие последствия общепланетарных трансформаций для социокультурных институтов и ценностей.

В статье *П.А. Цыганкова* «Дискурс глобального гражданского общества: от энтузиазма к столкновению с мирополитическими реалиями» с учетом различных трактовок глобализации в международно-политической теории анализируются сущность, принципы, теоретические и практические перспективы создания институтов трансгосударственного гражданского общества, способствующих становлению всемирного «правления без правительства». *Д.Е. Муза* в статье «Глобализм как инструмент деструкции современных цивилизаций», опираясь на теоретические выводы А.С. Панарина, анализирует феномены глобализма и глобализации. Автор характеризует глобализм как мондиализм и рыночный фундаментализм, ультралиберализм и индивидуализм, детально останавливаясь на характеристике ценностей и установок западного общества, лежащих в их основе. *А.В. Никандров* в статье «Глобализация и проблема “исчезновения” интеллектуалов» рассматривает проблему изменения места и роли политически активной части интеллиген-



ции и анализирует причины снижения ее авторитета в обществе в целом и в политике в частности в контексте глобализационных процессов. В статье «Православная цивилизация и демократия в условиях глобализации» *М.В. Яковлев* отмечает, что процесс глобализации не устранил историко-культурной специфики политики в разных странах, и доказывает этот тезис на примере «третьей волны» демократизации конца 1980-х — начала 1990-х гг. прошлого века. *С.Ю. Житнев* в работе «Культурное наследие и туризм в эпоху глобальной нестабильности: цивилизационные, политические и социокультурные аспекты» обращается к вопросам сохранения уникальности и самобытности национальных и региональных культур в условиях глобализации. Отмечая противоречивое влияние развития туризма на культурное наследие, автор затрагивает политические, экономические и социальные аспекты проблемы. Эта тема находит продолжение в статье «Судьба культурно-цивилизационного наследия на уникальных природных территориях в эпоху глобализма» *В.М. Воробьева*, рассматривающего пути противостояния угрозам, которым подвергаются культурно-цивилизационные ценности в процессе глобализации. Автор уделяет особое внимание полосам континентальных водоразделов, которые в силу геополитической и культурной значимости подвергаются значительным антропогенным и техногенным рискам.

Завершается сборник разделом «**Приложение**», в который помещен подготовленный *В.Н. Расторгуевым* ранее не публиковавшийся текст доклада *А.С. Панарина* в Государственной академии славянской культуры «Цивилизация и варварство: будущее России в глобальной перспективе».

**СЕДЬМОЙ** выпуск Ежегодника «Философия политики и права» (2016) посвящен проблеме общественных идеалов и их роли в реальной политике («**Общественные идеалы и реальное общество**»). Сборник приурочен к 150-летию юбилею выдающегося отечественного мыслителя, главы Московской школы юриспруденции, представителя школы классического либерального консерватизма русской социальной философии естественного права **Павла Ивановича Новгородцева** (1866–1924), в творчестве которого эта тема занимала центральное место.

В первом разделе «Общественный идеал: теория и история» объединены статьи, посвященные анализу природы общественного идеала, его концептуального содержания, роли и места в социальной действительности в целом и в политической практике в частности.

Открывает раздел статья *Е.Н. Моцелкова* «Природа общественного идеала (тезисы к философским размышлениям)», в которой ставится проблема философского осмысления общественного идеала. Автор рассматривает ее в различных ракурсах, заостряя внимание на понимании содержания и функций общественного идеала, на путях его разработки и воплощения в действительность, а также на анализе конституирующей его идеи. Особое внимание уделено соотношению общественного идеала с «проектом будущего» в контексте цивилизационных разломов и социальных трансформаций. *О.Ю. Бойцова* в статье «Политика и политическое в общественном идеале: от утопии к антиутопии» ставит вопрос о том, какая роль отводится политике в общественном идеале, обращаясь к такому способу фиксации общественного идеала, как утопия. В статье *А.В. Соловьева* «Общественный идеал и война» анализируются взгляды русских философов рубежа XIX–XX столетий на роль войны в жизни общества в их связи с трактовкой общественного идеала П.И. Новгородцевым. В данном контексте автор ставит вопрос о том, можно ли считать современное демократическое государство гарантией мира и устранения самой угрозы войн. Религиозные основы западноевропейского общественного идеала рассматриваются в статье *А.В. Щипкова* «Исторический протестантизм и социальная мысль эпохи модерна». Автор прослеживает основные линии в аксиоматике протестантской традиции, сопоставляя их с ценностными ориентациями других христианских конфессий, особо подчеркивая результаты рецепции этих идей на теоретическом (в рамках социально-политической мысли) и атеоретическом (общественным сознанием) уровнях. В статье *К.И. Кийченко* «Кризис общественно-политических идеалов как симптом иссякания модерна» анализируются последствия социокультурной трансформации западного общества. В центре внимания автора — влияние на общественные идеалы таких факторов, как культурные парадоксы

глобализации, кризис национального самосознания и неэквивалентность информационного обмена. Завершает раздел работа *Д.А. Алексеевой* «Авторское право и проблема общественного идеала», в которой авторское право рассматривается как социальная технология, нацеленная на стимулирование интеллектуальной деятельности. Автор показывает, что проблема общественного идеала тесно связана с правовыми, нравственными, политическими и экономическими аспектами остродискуссионной темы интеллектуальной собственности в современном информационном обществе.

Работы, помещенные во **второй раздел «Общественные идеалы в современном мире»**, сконцентрированы на исследовании взаимосвязи и взаимовлияния общественных идеалов и глобальных социально-политических трансформаций, происходящих в современном мире.

*В.Н. Расторгуев* в статье «Социальная реконструкция в современном мире: идеалы и реальность, цивилизационная миссия России» ставит проблему возможности и желательности «Большого Проекта» — выработки политической стратегии на основе осмысленного общественного идеала и ее реализации в комплексе рационально выстроенных и обеспеченных в ресурсном и правовом отношении конкретных программ. Автор описывает сложности и проблемы политического проектирования в современной России, необходимость решения данной задачи в связи с цивилизационной миссией нашей страны. *С.В. Туманов* в статье «Ценности и идеалы в контексте современной политической культуры» размышляет о природе ценности как ядра аксиологического отношения к действительности, о соотношении субъективных и надындивидуальных ценностей и их связи с социальной практикой, о взаимозависимости ценностей и общественных идеалов. Рассматривая базовые характеристики современной культуры, автор ставит вопрос о работоспособности иерархических ценностных систем социально структурированного общества в условиях его тотальной массовизации. В статье *А.В. Никандрова* «Американский политический идеал и проблемы идеологического доминирования США в Западной Европе» рассматривается противостояние идеалов Старого и Нового Света. Автор обосновывает тезис о том, что ба-

зовым элементом атлантизма, конституирующим американскую политику в разных социальных сферах, в том числе и в сфере научного исследования, является принцип управляемости, реализация которого влечет за собой тотальную технологизацию социальных отношений. *М.В. Яковлев* статье «Либеральный демократический идеал: трудности интерпретации» анализирует подходы к трактовке демократии, воспринимаемой как общественный идеал. Показывая различное содержание данного идеала, автор фиксирует внимание на теоретической проблеме концептуализации и достижения консенсусного определения самого термина «демократия». В статье *А.П. Алексеева* «Экспансия банковских идеалов» ставится проблема пределов релевантности частных идеалов, задающих нормативную структуру организации и оценки деятельности в определенной социальной сфере. Автор анализирует стимулы и последствия распространения данных идеалов за эти границы на примере наукометрических практик, применяемых для измерения качества научно-образовательной деятельности. Завершает раздел статья *Ю.С. Черняховской* «Идеалы общества познания в репрезентации А. и Б. Стругацких», связывающая проблематику политической философии будущего и разработку общественного идеала. Обращаясь к наследию братьев Стругацких, создававших образ идеального будущего, автор показывает специфику их подхода, основанного на противопоставлении моделируемой действительности наличному состоянию и акцентуализации препятствий, которые стоят на пути создания нового мира.

В *третьем разделе «Общественный идеал в философии П.И. Новгородцева»* собраны работы, авторы которых непосредственно обратились к анализу творческого наследия мыслителя.

Первая статья раздела принадлежит *В.И. Шамируину*, который в работе «Философия права П.И. Новгородцева и его критика социальных утопий» рассматривает широкий круг проблем, поставленных в произведениях мыслителя, — в частности, анализирует философские основания его политико-правовой теории, а также концептуальные разногласия с другими философско-правовыми школами. Особое внимание уделено проблематике государства в контексте соотношения естественного и позитивного права, а так-

же трактовке идеала правового государства. *В.Н. Жуков* в статье «Консервативно-религиозный идеал русского либерала: П.И. Новгородцев» дает интеллектуальный портрет мыслителя как виднейшего представителя политико-правовой мысли России рубежа XIX–XX веков. Акцент ставится на роли Новгородцева в возрождении теории естественного права в контексте русского религиозного Ренессанса и его критике социального утопизма. *А.Г. Сытин* в статье «Демократия как идеал, реальность и проблема в творчестве П.И. Новгородцева» показывает единство теории, убеждений и общественно-политической деятельности мыслителя, выявляет специфику трактовки общественного идеала и ту роль, которая отведена в нем идеям и ценностям демократии. В статье «Методологическое значение принципа нравственного идеализма П.И. Новгородцева в философии политики и права» *К.Ю. Аласания* рассматривает решение российским мыслителем проблемы ценностных ориентиров в социальной действительности, подчеркивая важность критики исторического метода и принятия установок индивидуализма и абсолютизма нравственного закона. *М.Ю. Билаонова* в статье «Об актуальности размышлений П.И. Новгородцева для исследования современного общественного идеала» рассматривает принцип всеобщей солидарности как той основы, которая раскрывает смысл позиции П.И. Новгородцева в отношении идеальных целей общественного процесса, и показывает, как идеи мыслителя влияют на понимание задач и способов социализации в современном мире.

Тему третьего раздела продолжает рубрика «**Трибуна молодого ученого**». В ней представлены работы *А.О. Лекаревой*, *Г.Л. Чхаидзе* и *А.М. Яковлевой*, в которых рассматриваются отдельные аспекты политико-правовой теории П.И. Новгородцева.

Особого внимания читателя заслуживает «**Приложение. П.И. Новгородцев в Праге**», завершающее сборник. Здесь представлены первые публикации работ П.И. Новгородцева, отобранные из архивных материалов, хранящихся в Государственном архиве РФ, и подготовленные к печати *А.В. Соловьевым* и *А.Г. Сытиным* при участии *А.С. Масликовой*. В сопроводительной статье авторы рассказывают о Русском юридическом факультете в Праге, который создал и возглавил П.И. Новгородцев, и о той роли, какую сыг-

рало это учреждение в образовании, науке и культуре начала XX столетия.

**ВОСЬМОЙ** выпуск Ежегодника (2017) с тематическим названием «**Социальная эволюция и социальные революции**» посвящен столетнему юбилею Русской революции 1917 года. Этот юбилей у нас в стране и за рубежом вызвал неожиданный и широкий всплеск дискуссионной активности. Уже к лету 2017 года в стране прошли десятки научных конференций и симпозиумов, организованы выставки в главных музеях и постановки в ведущих театрах, изданы книги и сборники документов, на порталах интернет-изданий, на страницах печатных газет и еженедельников, гуманитарных журналов из номера в номер печатаются научные и публицистические статьи, дискуссии, эссе, интервью по юбилейной тематике. Оказалось, что свою точку зрения по проблематике юбилея хотят высказать все — ученые, деятели культуры, общественные деятели, политики, служители Русской православной церкви. Научные конференции и дискуссии проходят в Москве, Петербурге и других крупных городах России. Можно без преувеличения сказать, что с начала 2017 года в стране развернулась и постоянно наращивается широкая общероссийская дискуссия вокруг столетнего юбилея русской революции.

Обращает на себя внимание и то, что центральной темой нынешней общенациональной дискуссии является тема **уроков** русской революции. Многие люди осознанно, а кто-то подсознательно понимают и чувствуют, что эти самые уроки нами еще до конца не выучены, не поняты, — а значит, из них и сто лет спустя не извлечены необходимые выводы; что в природе тех давних событий есть что-то такое, что чрезвычайно важно для пользы сегодняшнего дня. Одним словом, мы столкнулись с редким феноменом актуальности и даже злободневности событий столетней давности.

Для ученых-гуманитариев этот юбилей оказался очень хорошим поводом еще раз посмотреть на природу социальной динамики, на соотношение социальной эволюции и социальных революций.

Большинство авторов данного Ежегодника являются политическими и социальными философами и историками. Поэтому в ста-

тнях исторический анализ пересекается с анализом философским, дополняется им. Историка, который анализирует события прошлого, интересуют, прежде всего, факты истории, их последовательность и соотнесенность. Историк ищет ответы, главным образом, на вопросы «Что?» и «Как?». Философа интересуют факты, но они ему нужны еще и для того, чтобы ответить на вопросы «Почему?», «Каким образом это повлияло на настоящее?» и «Как это может проявиться в будущем?».

Такой исследовательский синтез позволяет находить оригинальные интерпретации ряда сложных и дискуссионных вопросов. В их числе — вопрос о том, что является главной детерминантой и двигателем социальных революций: объективные условия и противоречия или партийно-идеологические стратегии и проекты, деятельность политических акторов, субъективное социально-политическое конструирование, в том числе и при помощи внешних сил («цветные революции»)? И как в рамках поставленной дилеммы можно интерпретировать революционные события в России в 1917 году? В этой связи интересным является вопрос и о роли отдельных лидеров (вождей) в социальных революциях. И могут ли быть социальные революции без революционных вождей? Извечный философский вопрос о соотношении необходимости и случайности в истории.

И, конечно, многих людей волнуют вопросы о возможности минимизации разрушительных и насильственных последствий революционных изменений и есть ли рациональное зерно в общественном идеале будущего развития человеческого сообщества, суть которого заключается в тезисе: «социальная эволюция без (или почти без) социальных революций»? Или это чистая утопия?

Эти и другие вопросы, которые стояли перед авторами настоящего Ежегодника, не имеют и не могут иметь однозначных ответов. Они относятся к числу остро дискуссионных тем, имеют как сугубо научные, так и личностные, эмоциональные аспекты.

Поэтому в Ежегоднике представлен калейдоскоп самых разных, порой противоположных, мнений, оценок и точек зрения. И это нормальная ситуация для научной дискуссии. Главное, чтобы полемика вела к поиску научной истины, способствовала сглаживанию

противоречий, помогала находить пути к национальному примирению и согласию.

В выпуске опубликованы статьи *А.Ю. Антоновского* и *Р.Э. Бараши* «От эволюции общества к эволюции науки»; *О.Ю. Бойцовой* «“Революция” как концепт-перевертыш: к вопросу о применимости теории революции»; *Ю.А. Волкова* «Противоречия в развитии субъекта политической истории (политические элиты Российской империи и Российской республики) на фоне социальных потрясений февраля 1917 года»; *И.А. Гобозова* «Великая Октябрьская социалистическая революция и советский мультикультурализм»; *В.А. Гуторова* «О некоторых тенденциях современной теоретической интерпретации революционного насилия»; *О.А. Ефремова* «Есть ли у революции альтернативы? Национальный модернизационный проект как альтернатива революции и полицейскому государству»; *В.Н. Жукова* «Государство и революция: проблема распада государственного сознания»; *А.Г. Климова* «Эволюционные и революционные механизмы социокультурных трансформаций»; *В.С. Кржевова* «Социально-философская концепция К. Маркса и теория социальной революции»; *Е.Н. Моцелкова* «Историко-публицистические заметки философа об уроках социальных революций»; *Д.Е. Музы* «К логике и аксиологии русского революционаризма»; *И.И. Мюрберг* «Понятийная оппозиция: социальная эволюция vs социальная революция в контексте развития политической философии европейского Модерна»; *А.В. Никандрова* «Диктатура пролетариата и Коммунистическая партия: К проблеме доктринальных основ советского государственного строя»; *Ю.И. Семенова* «Социальные революции: проблема типологии»; *Е.В. Смирновой* «Идеология как фактор социальных трансформаций»; *А.В. Соловьева* «Социальная эволюция, социальная революция и война»; *А.С. Филатова* «Революционный тупик цивилизационного распутия России в начале XX века»; *Е.А. Фроловой* «Революция и реформа: pro et contra»; *В.И. Шамигурина* «Об утопии земного рая: революция как традиция»; *В.Н. Шевченко* «Социальная революция: формационная логика и цивилизационное своеобразие»; *А.В. Щипкова* «Революция и исторические разрывы: условия объективного анализа»; *М.В. Яковлева* «Соци-



альная революция и эволюция сквозь призму современной демократизации».

В «Приложении» помещена статья *Е.Н. Моцелкова* «Русская революция 1917 года: аналитическая хроника основных событий и фактов».

**ДЕВЯТЫЙ** выпуск Ежегодника «**Изменения в философии: XXI век**» (2018) посвящен 10-летию кафедры философии политики и права. В этом выпуске публикуются статьи преподавателей, соискателей и аспирантов кафедры, в которых авторы представили свои достижения в определенной области философии политики и права. Состав авторов и названия статей, а также содержание большого «Приложения» содержатся в оглавлении данного выпуска.

Всего в **девяти выпусках** Ежегодника «Философия политики и права» в период с 2010 по 2018 г. опубликовано **148** научных статей **74** авторов. В числе этих авторов — известные специалисты в области отечественных философско-политических исследований, а также молодые ученые из многих университетских и научных центров России (МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО, РУДН, СПбГУ, Институт философии РАН, Казанский федеральный, Астраханский, Тверской и другие университеты).

Эти научные работы в своей совокупности являются коллективной постановкой отечественными учеными наиболее сложных и злободневных вопросов современности, а также попыткой дать ответы на эти вопросы. В числе таких вопросов следует указать следующие: соотношение войны и мира, диалектика государства и гражданского общества, природа политики и политического, тенденции цивилизационного развития в эпоху глобализма, соотношение общественных идеалов и реального общества, причины и природа противостояния России и Европы/Запада, социальной эволюции и социальных революций, сущность международного терроризма, конфликт национальной идентичности и глобальных тенденций, миграционный передел мира, и прежде всего Европы, и т.д.

Размышления над этими вопросами и ответами с необходимостью приводят к выводу, что жизнь настоятельно требует **изменений в философских исследованиях**. Наряду с развитием традиционных областей философии (метафизика, история философии,

философская антропология, социальная философия, логика, этика, эстетика и др.) должна происходить и уже происходит актуализация философского анализа. Философия вынужденно поворачивается к злободневным проблемам современности, и прежде всего в области политики, к анализу и интерпретации катастрофических политических процессов, которые с нарастающей силой происходят в последнее время в мировом развитии. В немалой степени это диктуется большим уклоном социальных наук (прежде всего политологии и социологии) в прикладные, математизированные методики и неспособностью на этой базе не только предсказать, но и даже адекватно объяснить бифуркации мировой социально-политической динамики последних десятилетий. В рамках нетрадиционной смены (без мировой войны) мирового порядка обвальнo рушатся непреложные нормы и правила международных отношений и международного права, многовековые устои и традиции социальной жизни целых регионов, культурно-идеологические и духовно-религиозные (особенно христианские) ценности.

Такие глобальные перемены требуют своего фундаментального научного объяснения, что в нынешних условиях может сделать только философия. Именно парадигмы и методы философского анализа всегда позволяли заглянуть за горизонт повседневности, выявить наиболее общие основания социальной жизни, заглянуть в суть вещей. Это настоятельно необходимо именно сейчас, в ситуации, когда мы перестаем понимать мир, в котором мы живем, и тем более — куда этот мир идет. А это непонимание порождает тревогу за наше будущее, а главное — за будущее наших детей и внуков, сковывает созидательную энергию и разрушает социальные скрепы.

Философия может и должна подсказать человечеству разумный путь в будущее, помочь ему предотвратить сползание к «концу истории», к глобальной катастрофе.

## Биополитика как реальность и стратегия. Взгляд М. Фуко

Концепция биополитики является одной из основополагающих в философии Мишеля Фуко. Несмотря на то что термин «биополитика» и связанные с ним понятия — в частности, «биовласть» и «биоистория» — используются и интерпретируются Фуко в работах конца 1970-х — начала 1980-х годов, можно утверждать, что социально-политическая теория философа во многом является биополитической. В качестве одной из причин можно выделить совершенно специфическое понимание взаимодействия, взаимовлияния власти и знания. Особое место в этом взаимодействии занимает проблема политической рациональности, которая, в сущности, является определяющей для становления и развития концепции биополитики.

Фуко определяет биополитику как то, «как начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство...» и подчеркивает далее, что эти проблемы «неотделимы от рамок политической рациональности»<sup>1</sup>. Из этого определения понятно, что, прежде всего, биополитика — процесс, действие, нацеленное на управление населением и сопряженное с реализацией определенной политической идеи. Вместе с тем биополитика, понятая таким образом, оказывается формой существования самой власти. Эта мысль совершенно четко прослеживается, в частности, в работе «История безумия в классическую эпоху» (1972).

Фуко пишет о том, что в Средние века безумие неизменно связывалось с идеей сакральности, поскольку с точки зрения средне-

---

<sup>1</sup> Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 405.

вековой идеи милосердия заключало в себе «толику тайного могущества нищеты»<sup>1</sup>. Безумный, как и неимущий, обладал тайной, эзотерическим знанием, недоступным для большинства. Не выделяясь формально в особую категорию, умалишенные пребывали в собственном мире, границу которого не мог пересечь человек «нормальный». Управление происходило как будто по умолчанию, естественным путем. В изоляции безумца как в мере, относящейся к установлению правопорядка, также не было необходимости именно потому, что безумие не считалось ни болезнью, ни источником социального зла.

С наступлением эпохи Ренессанса на каналах больших городов Европы появляются «корабли дураков», пассажирами которых являются сумасшедшие. Фуко акцентирует внимание на двойственности этого явления. С одной стороны, высылка безумцев была для государственной власти мерой ограждения «нормальных» от «ненормальных». С другой — не всякий безумец попадал на этот корабль. Фуко подчеркивает, что городские власти соглашались брать на свое попечение тех безумцев, которые являлись гражданами данного города, а умалишенных чужеземцев высылали. Корабль служил местом изоляции, но в то же время был пространством для жизни его пассажиров, которые беспрекословно подчинялись установленным правилам. Небольшая территория идеальна для реализации власти. Однако преимущество состоит не просто в наличии ограниченного пространства. На замкнутой территории гораздо легче наблюдать за теми, кто существует в ее пределах, наказывать тех, кто нарушает правила, поощрять тех, кто способствует улучшению жизни на данной территории.

«Корабль дураков» — прообраз биополитического существования, парадоксальная и поэтому очевидная модель рационализации управления населением. Позднее в лекции «Искусство государственного управления» Фуко скажет, что цель государственного управления должна заключаться прежде всего в заботе о людях. Объектами действий правительства всегда являются люди, «но рассмотренные в их отношениях, взаимосвязях, в их переплетении

---

<sup>1</sup> Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 78.

с такими предметами, как богатства, ресурсы, продовольствие». Фуко не отрицает при этом, что понятие государства включает в себя понятие территории. Однако акцент на том, что территория представляет собой своего рода переменную величину, очевиден. Фуко заявляет: «Правительство руководит вещами, понятыми как взаимодействие людей и вещей». В качестве подтверждения Фуко снова обращается к метафоре корабля: «Что значит управлять кораблем? Безусловно, это значит управлять моряками, но в то же время — брать на себя ответственность за сам корабль и грузы на нем; управлять кораблем означает еще и учитывать направление ветра, расположение подводных рифов; это означает организовать взаимодействие между моряками... и кораблем...»<sup>1</sup> Территорию можно создать искусственно, главное — знать, как управлять теми, кто на этой территории существует. Но возвращаясь к гипертрофированному образу «корабля дураков», важно отметить еще одну важную особенность. Фуко подчеркивает, что необычное плавание имело вполне конкретную цель — поиск разума<sup>2</sup>. «Сборные пункты безумцев» располагались в местах паломничества, в городах, где находились святыни или церкви и субсидировались городскими властями. Корабль шел по заранее намеченному курсу, в определенный пункт назначения. Цель путешествия, таким образом, программировалась извне, правила существования путешествующих на корабле устанавливались изнутри, но парадокс заключается в том, что цель имела значение только для капитана и членов команды, поскольку лишь они обладали разумом. Капитан ведет своих подопечных к цели, которая ими не осознается.

На самом деле речь идет о наиболее действенной стратегии биовласти, когда политическая (управленческая) рациональность просто не предполагает сопротивления. Фуко говорит о том, что бороться с властью означает усомниться в данной конкретной

---

<sup>1</sup> Фуко М. Искусство государственного управления // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2005. Ч. 2. С. 193.

<sup>2</sup> Фуко М. Искусство государственного управления // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2005. Ч. 2. С. 31.

форме рациональности. Однако если возможность усомниться исключена, возможности власти безграничны. Очевидно, что с течением времени социально-политические связи становятся сложнее, и это связано прежде всего с развитием научного знания. Изменения в восприятии политического и социального Фуко связывает с развитием процесса медиализации в Европе начала XVIII века.

В лекции «Рождение социальной медицины» (1974) Фуко говорит о том, что, начиная с XVIII века, человек, человеческое тело, человеческое поведение интегрируются в сферу медицинских услуг, и это неизбежно приводит к необходимости развития экономики здравоохранения. В этом контексте Фуко ставит вопрос о том, как следует характеризовать современную, то есть научную, медицину. В итоге он делает вывод о том, что современная медицина представляет собой медицину социальную. А значит, в основе ее — технологии социального тела. Отношения «больной — врач» — лишь частный случай этой социальной практики. Кажется, что это яркий пример проявления власти, лишенной субстанции, обусловленной множеством факторов, обретающей разные формы рационализации. Именно эти черты, как известно, Фуко считает присущими дисциплинарной власти в целом. Формирование социальной медицины, о котором говорит Фуко в лекции, совершенно закономерно сопряжено с реализацией биополитических стратегий. Эти стратегии становятся все более совершенными с развитием капитализма, поскольку именно «капитализм, развивавшийся в конце XVIII в. и в начале XIX в., вначале социализировал первый объект, тело, в функции производительных сил, рабочей силы». Это означает, что воздействовать можно не только на сознание индивида, используя определенную идеологию, но осуществлять контроль «в теле и вместе с телом». «Тело, — пишет Фуко, — биополитическая реальность; медицина — биополитическая стратегия»<sup>1</sup>. Государству нужно здоровое социальное тело. Медицина в данном случае становится действительно биополитической стратегией или частью комплекса стратегий, которые имеет государство в своем арсенале. Биополитическое, биологическое, сома-

---

<sup>1</sup> Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 82.

тическое, телесное измерения становятся много важнее идеологии в классическом понимании.

Фуко, рассуждая об истории медицины, говорит, что в эпоху господства меркантилистских идей с конца XVI до середины XVIII века для всех государств Европы была характерна забота о приросте и здоровье населения. Объясняется это тем, что регулирование производственной деятельности населения способствует развитию международного товарооборота в Европе и в итоге достижению наибольшего финансового влияния. Речь идет о том, что экономические предпосылки вполне могут стать основой политического курса, нацеленного на решение государственных задач посредством заботы о населении. Но речь об эффективности такого курса не шла, по крайней мере, в конце XVI — середине XVIII века. Биополитика того периода — это ведение статистики рождения и смертности, а также переписи населения. То есть речь шла не о заботе о здоровье, а о создании системы, которая позволяла бы оценивать показатели здоровья населения и прироста. Дальнейшая история социальной медицины, с точки зрения Фуко, подразумевает возможности рассматривать специфические ее виды, отражающие сущность определенной биополитической стратегии, возникающей в условиях национальных государств. Чтобы проиллюстрировать, как работают различные биополитические стратегии, Фуко обращается к примерам Германии, Франции и Англии.

Для Германии характерным является тот тип медицины, который следует называть государственным. Целью государства, развивающего такой тип биополитической стратегии, является создание рабочей силы, которая могла бы обеспечивать развитие промышленности. Вместе с тем Фуко подчеркивает, что понятие рабочей силы обретает совершенно специфический смысл в условиях политического (биополитического) курса, который характерен для Германии. «Тело трудящихся», в сущности, не интересует государство, главный интерес — «тело индивидов вообще». Государство — союз индивидов, который должен обеспечивать его мощь в условиях реальных и потенциальных политических и экономических конфликтов с другими государствами. Фуко пишет,

что «забота о государственной медицине имеет целью определенную экономико-политическую солидарность»<sup>1</sup>, но не получение рабочей силы в традиционном понимании.

В отличие от «государственной», социализированной, бюрократизированной немецкой медицины, французская социальная медицина характеризуется Фуко как урбанистическая и обладает иными чертами. Фуко говорит о локальных процессах, связанных с устройством городов, исходя из проблем и опасностей, которыми изобилует городская жизнь. И здесь речь идет об иной биополитической стратегии. Прежде всего, Фуко рассуждает о прототипе экологической политики государства. Уровень медицинского знания в сочетании со знанием в области химии обеспечивали властям возможность контроля условий жизни населения. «Городская медицина, по существу, — пишет Фуко, — является медициной не человека, тела и организма, но медициной воздуха, воды, распада, брожения; это медицина условий жизни и среды обитания»<sup>2</sup>.

Вместе с тем французский город XVIII века — это совершенно особое биополитическое пространство, которое формируется, исходя из социально-политических предпосылок. Прежде всего, речь идет о необходимости унифицировать городскую власть. В условиях соперничающих властей и разнородных территорий (а именно так функционировал большой французский город середины XVIII века) управление населением осложняется. Объединение города было возможно при наличии единой регламентированной власти<sup>3</sup>. В дальнейшем только такая власть обеспечивала управление городом, в котором должно было сосуществовать множество различных социальных групп. Для этого власть использовала хорошо известную со времен Средневековья медицинскую схему карантина. Эта модель, доведенная до совершенства к концу XVIII века, позволяла проводить постоянный анализ состояния городского населения и, следовательно, контролировать город.

---

<sup>1</sup> Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 88.

<sup>2</sup> Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 99.

<sup>3</sup> Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 90.



Собственно, все меры, проводимые французскими властями, были основаны на «политической власти медицины», как и в Германии. Однако существенное отличие немецкой государственной медицины как биополитической стратегии от французской заключается в том, что немецкая обладает большими полномочиями, в то время как французская — остротой наблюдения и научностью. Благодаря характеристикам, которые Фуко называет ключевыми для развития городской медицины, появилась возможность рационализации управления городского пространства. В первой половине XIX века механизм рационализации сводился к разделению городского пространства на бедные и богатые районы. Причина была очевидна: совместное проживание бедных и богатых представляет политическую и санитарную опасность для города<sup>1</sup>.

Эта опасность становится серьезнее в период стремительного промышленного развития в середине XIX века в Англии. Угроза является настолько значительной, что становится главной точкой приложения власти. И здесь на помощь снова приходит медицинское знание. В Англии формируется «медицина рабочей силы». Фуко полагает, что эта разновидность социальной медицины являлась наиболее перспективной, поскольку обладала чертами медицины государственной и городской.

У этого английского типа медицины было будущее — в противоположность городской медицине и особенно государственной медицине. Английская система позволила ввести «медицинскую помощь бедным, контроль над здоровьем рабочей силы, а также общую статистику публичной гигиены — тем самым защищая богатые классы от величайших опасностей»<sup>2</sup>. С одной стороны, эта система была удобным инструментом власти, реализуя себя в форме государственной или частной медицины, с другой — позволяла вести достаточно полную медицинскую статистику, что достигалось благодаря принципу деления населения на сектора.

---

<sup>1</sup> Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 102.

<sup>2</sup> Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 106.

Такая стратегия, очевидно, была наилучшей в сфере стабилизации и контроля политической системы конца XIX — начала XX века.

История социальной медицины в концепции власти Фуко представляет собой один из примеров проявления «невидимой власти»<sup>1</sup>, которая даже сегодня кажется чрезвычайно эффективной. Именно эта власть позволяет сохранить социальное тело в той форме, которая необходима для постоянного и жесткого контроля. Терминология, которая используется самим Фуко для обозначения этой власти, довольно разнообразна. Но думается, что власть, механизмы (стратегии) которой основаны на взаимодействии с институтами знания и здравоохранения и имеют своей целью контроль над населением, как раз и следует называть биовластью, а систему действия этой власти — биополитикой.

---

<sup>1</sup> В интервью 1975 года «Мишель Фуко. Ответы философа» Фуко объясняет, почему понятие власти может интерпретироваться, исходя из предпосылок, отличных от прежних: «У меня сложилось впечатление, что в XIX и в начале XX века вопрос о политической власти ставился по сути дела на языке государства и его основных органов. Ведь, в конце-то концов, они сформировались именно в XIX веке. Тогда они были еще чем-то новым, видимым, значимым, они довели над личностями, и личности боролись против них. Но впоследствии, после двух великих экспериментов (опыта фашизма и опыта сталинизма) мы вдруг ощутили, что под государственными органами, на совершенно ином уровне и до некоторой степени от них независимо, существовала целая механика власти, осуществлявшаяся постоянно, непрерывно и насильственно; она позволяла сохранять прочность и жесткость социального тела, причем играла в этом деле не меньшую роль, чем основные государственные органы, вроде армии или правосудия. И это пробудило у меня интерес к изучению таких неявных сил власти, власти невидимой, то есть тех видов власти, которые связаны с институтами знания и здравоохранения» (Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. Ч. 1. С. 172).

Артёмкин А.Н.

## Дискуссия о новом университетском уставе в начале XX века в России: актуальные идеи и проекты

История возникновения череды проектов университетских уставов начинается с 1899 года. 8 сентября этого года Санкт-Петербургский университет должен был отметить свой юбилей. За несколько дней до начала торжественного мероприятия было вывешено объявление с подписью ректора, в котором предупреждалось об ответственности за нарушение общественного порядка на празднике. Смысл и оказанное им недоверие студенты сочли оскорбительным. В итоге на сходке, которая прошла 6-го февраля, ими было решено устроить ректору обструкцию во время торжественного заседания: когда 8 сентября ректор начал свое выступление, студенты начали шуметь до того момента, пока он не покинул кафедру. После окончания собрания, когда студенты группами начали расходиться по домам, полиция попыталась направить их по другому маршруту и не пропустить основную массу на Невский проспект. В итоге образовавшаяся толпа проследовала по набережной до Румянцевского сквера, где произошло столкновение конной полиции и студентов, которые были жестко разогнаны нагайками. Такие действия со стороны власти вызвали резкий протест не только студенчества по всей стране, но и профессорского состава и общественности. 9 февраля на сходке студенты проголосовали за бойкот занятий до тех пор, пока само правительство не даст гарантий личной неприкосновенности учащимся. По всей стране начались массовые студенческие забастовки. 17 февраля академики А.Н. Бекетов и А.С. Фамицын смогли добиться царской аудиенции, на которой убедили Николая II создать комиссию по расследованию событий в Петербургском университете. Министр финансов С.Ю. Витте, обеспокоенный произошедшими

событиями, также составил особую записку Императору, подписанную рядом других министров, с тем же призывом.

Комиссия приступила к работе 20 февраля 1899 года. Ее главой был назначен генерал П.С. Ванновский, пришедший к выводам, что необходимо пересмотреть всю политику в отношении народного просвещения, а следовательно, утвердить новый университетский Устав — документ, определявший положение просвещения в стране. В отчете комиссии также указывалось, что выступления не носили антиправительственного характера, что следует сблизить профессоров и студентов, разрешить последним создавать свои организации для культурных и научных целей, а также наладить более гибкую систему контроля над студенчеством.

Причины упадка университетов многие ученые (П.Г. Виноградов, В.А. Воробьев, С.Н. Трубецкой, В.И. Вернадский) находили в действующем Уставе<sup>1</sup>. В своей записке, приложенной к докладу комиссии Киевского университета, Е.Н. Трубецкой писал: «Устав этот низвел профессоров на степень чиновников, упразднил в университете всякий академический авторитет и ввел в нем исключительно полицейский способ управления. Университет был превращен в механическое собрание ничем между собой не связанных властей — преподавателей и отдельных посетителей — студентов»<sup>2</sup>.

29 апреля 1901 г., сразу после назначения на пост министра народного просвещения, П.С. Ванновский через попечителей в Советы каждого из университетов направил циркуляр, содержащий ряд вопросов касательно основных пунктов по реформированию существующего положения университетов, профессоров и студентов. Поступившие в ответ предложения сходились в признании необходимости возвращения к началам университетской автономии и узаконивания студенческих организаций. Однако сам

---

<sup>1</sup> *Нехамкина Н.В.* Проблемы высшего образования России конца XIX — начала XX века в работах Е.Н. Трубецкого (1863–1920 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2; *Посохов С.И.* Уставы российских университетов XIX века в оценках современников и потомков // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 370–381.

<sup>2</sup> *Трубецкой Е.Н., князь.* Вольный университет. 1905 // ОР РГБ. Ф. 305. К. 6. Д. 23.

П.С. Ванновский не смог довести проект до конца, 11 апреля 1902 г. он попросил отставки по причине состояния здоровья (к тому времени ему исполнилось уже 80 лет)<sup>1</sup>.

Новый министр — профессор Г.Э. Зенгер — 10 июня получил Высочайший рескрипт, согласно которому следовало продолжить реформу, разрешение подвергнуть новому рассмотрению проекты средней школы, составленные его предшественниками, и требование Императора о введении воспитательной части в жизнь учащихся: «Чтобы в школе с образованием юношества соединялись воспитание его в духе веры, преданности Престолу и Отечеству и уважение к семье, а также забота о том, чтобы с умственным и физическим развитием молодежи приучать ее с ранних лет к порядку и дисциплине»<sup>2</sup>.

К концу года результаты и выводы, полученные из университетов, подверглись обсуждению в министерстве. Пожелания университетских Советов сводились к возвращению права выбора ректоров, отмене университетской инспектуры, т.е. прямому подчинению министру, ликвидации надзорных функций попечителя, повышению ставок и отмене гонорара. В результате работы комиссии были выработан материал, радикально пересматривавший действующий Устав в более либеральную сторону, в чем правительство и Император, не желавшие давать столь сильные послабления, не преминули упрекнуть министра. Вследствие этого Г.Э. Зенгер был вынужден покинуть пост в 1904 г., а его проект Устава был обречен.

У следующего министра народного просвещения — генерала В.Г. Глазова — полностью отсутствовал опыт работы в данном министерстве. Но так как император имел свои планы в отношении университетов, то от него и не требовалось проявлять инициативу<sup>3</sup>. Именно при «руководстве» В.Г. Глазова в министерстве

---

<sup>1</sup> Николай II отрицательно относился к идеям П.С. Ванновского по урегулированию ситуации с «университетским вопросом». Разделяя идеи князя В.П. Мещерского, он считал, что нужно, наоборот, усилить давление, оказываемое на студенчество, и ввести дополнительные испытания в получении звания студента и диплома.

<sup>2</sup> ЖМНП. 1902. Ч. СССXXXXII. Июль (№ 7). Отд. 1. С. 1–4.

<sup>3</sup> Четко выработанной программы у Николая II не было, только общие представления о том, каким он хотел бы видеть народное просвещение. Так, министр внутренних дел В.К. Плеве, предложивший кандидатуру В.Г. Глазова, сообщал

главную роль начинает играть должность товарища министра. Сам министр занимал пост чисто номинально.

Получив в начале июня 1905 г. Высочайшее согласие на создание комиссии по выработке нового проекта Устава, В.Г. Глазов пригласил в ее состав чиновников и профессоров, чьи взгляды в отношении проекта сильно разнились (к примеру, А.С. Будилович и С.Н. Трубецкой)<sup>1</sup>. 4 июня 1905 г. комиссия приступила к работе, а в августе того же года был опубликован новый проект Устава, состоявший из 206 параграфов и представлявший собой гибрид всех предыдущих уставов, тяготевший к действовавшему консервативному Уставу. Тем не менее главный его посыл заключался в том, что, хотя бы при руководстве министерством и под надзором попечителей, университетам возвращалось самоуправление. По замечаниям И. Шиллер-Валицкой, члены комиссии пытались облечь в юридическую форму мелочи и детали университетской жизни, в целях точно отчеркнуть границу между государственными чиновниками и университетской администрацией, получили «длинный, запутанный и, по сути говоря, нечитаемый документ»<sup>2</sup>. Большое количество отсылок к Уставу 1884 г. и значительное сокращение полномочий университета при контроле министерством было негативно воспринято академическим сообществом<sup>3</sup>.

Согласно проекту Устава В.Г. Глазова, в каждом университете создавался специальный орган управления — «сенат», наделяемый особыми полномочиями. В его состав входили: ректор, помощник ректора, деканы всех факультетов и по два представителя от факультета, избираемые на три года и утверждаемые попечителем. Таким

---

новому министру: «Положение Вашего министерства, конечно, очень тяжелое, тем более что у Государя, по-видимому, еще не выработалась, по крайней мере, так было прежде, более-менее определенная программа» (Два разговора (из дневника В.Г. Глазова) / Сообщение С.Ф. Платонова // Дела и дни. Исторический журнал. 1920. Кн. 1. С. 216).

<sup>1</sup> Объяснительная записка к проекту общего устава императорских российских университетов. СПб., 1905. С. 25.

<sup>2</sup> Шиллер-Валицка И. Реакция западных экспертов на русскую «профессорскую конституцию» 1905 г. // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М., 2013. С. 268.

<sup>3</sup> Виноградов П.Г. Россия на распутье: Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 168–169.

образом, весь состав «сената» утверждался высшей административной властью. В его компетенцию входило «одобрение и составление руководственных положений и правил по отдельным частям университетского управления и наблюдение за правильным делопроизводством в оных»<sup>1</sup>. К самостоятельному его решению относилось: 1) утверждение в ученых степенях; 2) распоряжения относительно печати ученых сочинений за счет и от имени университета по постановлениям факультетов и Советов; 3) определение сроков и порядка испытаний студентов; 4) распределение помещений под учебно-вспомогательные учреждения и под квартиры должностных лиц; 5) утверждение постановлений университетского суда; 6) разрешение студентам переходить с одного факультета на другой, при согласии с мнением ректора; 7) рассмотрение ведомостей о состоянии университетского бюджета и его распределении и т.п. «Сенат» распоряжался всем имуществом университета и отвечал за его сохранность. Назначение же стипендий, пособий, в том числе и лицам, отправленным в ученую командировку, и вопросы, касающиеся кандидатов на вакансии доцентов и лекторов по ходатайству факультетов, а также вопросы об учреждении студенческих научных кружков и обществ отправлялись «сенатом» попечителю. Вопросы относительно приема жертвуемых сумм и недвижимого имущества, проекты годовой сметы доходов и расходов, представлений факультетов о кандидатах на должность профессоров и ходатайства о вознаграждении преподавания направлялись на утверждение в министерство. К компетенции университетского Совета относились вопросы, относящиеся только к учебной и научной сфере: 1) утверждение учебных планов; 2) рассмотрение предложений факультетов об улучшении учебной и ученой деятельности и т.п.

Профессора, участвовавшие в совещании по университетской реформе в 1906 г., среди главных недостатков этого проекта указали, что он регламентировал каждый шаг университетской жизни<sup>2</sup>. Позже, 13 декабря 1907 г., проект обсуждался на заседании Союза

---

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 163. Л. 40.

<sup>2</sup> Труды Совещания профессоров, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906. С. 7.

ректоров. Основные расхождения среди членов заседания вызвал вопрос, относящийся к положению «О сенате». Большая часть выступила против его создания. По мнению ректоров, если законопроект будет принят, то это вызовет уход в отставку профессоров, т. к. между последними и «сенатом» неизбежно возникли бы конфликты. Из-за негативного отношения профессуры министерство вынуждено было отказаться от проекта В.Г. Глазова.

Очередная попытка восстановить работу университетов, предпринятая осенью 1905 г., провалилась. Постоянные студенческие выступления вынуждали правительство постепенно, министерскими указами, корректировать Устав 1884 года. Как верно замечает А.Г. Морозов<sup>1</sup>, наиболее сильные изменения в него были внесены Высочайшим указом от 27 августа 1905 г. о введении в действие временных правил об управлении вузами, относящимися к ведомству министерства народного просвещения. Согласно данному указу, университетские Советы получали право избирать ректоров, а факультеты — деканов и секретарей, но право их утверждения оставалось за министром. Исключением стали привилегированные учебные заведения. В результате постоянных правок Устава 1884 г. от него оставалось одно название. Несмотря на это, подобные «подпорки» все равно не устраивали академическое сообщество, требовавшего новый, более либеральный устав, гарантировавший бы им автономию. Вносимые изменения и неспособность власти принять новый проект все больше подрывали доверие к министерству. Сами университеты в это время были полностью закрыты для преподавания, но при этом продолжали оставаться местом собрания революционно настроенных граждан.

В результате, в целях укрепления правительственной структуры и проведения наиболее эффективной политики, по инициативе С.Ю. Витте была учреждена должность председателя Совета министров. Основная задача подобного решения — увеличить скорость принятия решений. Первым этот пост занял сам С.Ю. Витте. На пост министра народного просвещения им был назначен граф

---

<sup>1</sup> *Морозов А.Г.* Проекты реформы университетов в России в начале XX века // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Серия: История. Международные отношения. Вып. 1. С. 30.



И.И. Толстой<sup>1</sup>, не ожидавший подобного назначения и подробно расписавший процесс назначения в своих мемуарах<sup>2</sup>. И.И. Толстой согласился на предложенный ему пост, предупредив Императора и самого С.Ю. Витте, что является противником политики русификации посредством школы и дипломных привилегий, сторонником широкого местного самоуправления, равноправности всех национальностей и идеи ограничения администрации.

И.И. Толстой полностью отказался от принципа работы, установленного товарищем министра С.М. Лукьяновым, считая данный метод бюрократическим, а свою должность при нем — номинальной. И.И. Толстой связал подобную постановку дела с личным составом министерства, поэтому быстро пришел к идее полностью его заменить: в отставку были отправлены оба товарища министра и удален ряд попечителей. Новыми товарищами стали О.П. Герасимов и П.П. Извольский. Оба имели богатый опыт работы.

Для создания нового проекта Устава И.И. Толстой направил ранее разработанный проект В.Г. Глазова всем членам университетских Советов. Им было предложено избрать из своей среды представителей, отвечающих количеству университетских факультетов. В итоге была собрана комиссия, председателем которой стал сам министр. В целях сохранить совещательный характер прессы допуск был закрыт. При этом членам комиссии разрешалось сообщать ей все, что они желали бы сообщить. Комиссия проработала с 5 по 27 января 1906 г.; ректорская комиссия, редактировавшая проект, проработала еще 10 дней. Проект Устава был переведен на французский и немецкий языки и отправлен в Германию, Францию, Голландию и Швецию с просьбой отзыва.

В проекте И.И. Толстого были реализованы основные пожелания университетов: 1) независимость от попечителей учебных округов и подчинение исключительно с формальной стороны напрямую министру; 2) свобода преподавания; 3) коллегиальное управление с выборным началом внутри университета; 4) свобода

---

<sup>1</sup> Сам С.Ю. Витте в своих «Воспоминаниях» указывает причины подобного назначения, а также свое отношение к товарищу министра — С.М. Лукьянову (см.: *Bumme С.Ю.* Воспоминания (Царствование Николая II). 2007. Т. 2. С. 31–32).

<sup>2</sup> Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. С. 33–34.

от вмешательства во внутренние дела университета со стороны администрации; 5) отказ от прав диплома; 6) расширен круг средних учебных заведений, выпускники которых получали право поступать в университет; 7) женщинам позволялось выступать в качестве студенток и преподавательниц; 8) курсовая система заменялась предметной; 9) университеты характеризовались как «учено-учебные государственные учреждения»<sup>1</sup>, самостоятельно организующие свою научную, учебную и административно-хозяйственную деятельность.

Пока проект Устава ждал утверждения Думы, И.И. Толстой намеревался утвердить временные правила, заставившие бы работать университеты до принятия первого. Работа над ними была поручена комиссии ректоров под руководством П.П. Извольского. Они были внесены министром на предварительное рассмотрение в Совет министров, где получили отказ, т.к. С.Ю. Витте считал, что они затрагивают вопросы, которые могут быть разрешены только законодательным путем, и до созыва Думы не могут быть приняты. Получив отказ, И.И. Толстой не решился идти к Императору, боясь настроить его против Совета и поставить в неудобное положение. Таким образом, временные правила остались лишь на бумаге, а проект его Устава, получив одобрение в канцелярии Совета министров, был отклонен уже после отставки графа при новом министре в 1907 году. Государственный совет мотивировал отказ тяжелым финансовым положением. Правительство, как и предполагал С.Ю. Витте, проработало до первого созыва Думы. Вместе с ним в отставку ушел и граф И.И. Толстой.

Новый министр народного просвещения — П.М. Кауфман — также предпринял попытку создания проекта Устава. В отличие от предыдущих, как замечал Э.Д. Днепров<sup>2</sup>, новый был лично разработан им к концу 1907 г. при использовании в качестве материала проектов В.Г. Глазова и И.И. Толстого. Таким образом, либеральная его часть во многом обязана проекту второго<sup>3</sup>, а консервативная — пер-

---

<sup>1</sup> Труды Совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906.

<sup>2</sup> Днепров Э.Д. Российское образование в XIX — начале XX века. М., 2011. Т. 1. С. 228.

<sup>3</sup> Сравнение проекта Кауфмана с проектом Толстого — см.: Сакулин П.Н. Новый проект университетского устава // Вестник воспитания. 1906. № 4. С. 87–110.

вого. Значительное влияние, в том числе и в составлении проекта Устава, оказал на П.М. Кауфмана товарищ министра О.П. Герасимов.

Ряд исследователей подчеркивает консервативную направленность П.М. Кауфмана, другие указывают на принятые и предложенные им законопроекты, носящие очевидно либеральную направленность. А.И. Аврус отмечал, что новый министр, заметив, что революция отступает, а правительство овладевает ситуацией, в своем проекте Устава пытался значительно урезать, в сравнении с предыдущим проектом, университетскую автономию и права студентов касательно собраний и организаций<sup>1</sup>. А.Н. Дмитриев же замечает, что П.М. Кауфман, хоть и пользовался репутацией консерватора, пытался продолжать реформистскую линию И.И. Толстого<sup>2</sup>. Сам П.М. Кауфман, признавая необходимость либерального направления в будущем, летом 1906 г. утверждал: «Россия вообще ко всем обещанным свободам не готова, масса населения в них вовсе не нуждается, ибо их не понимает и воспользоваться ими не сумеет»<sup>3</sup>. Заметим, что П.М. Кауфман, опираясь на политику нового председателя Совета министров — П.А. Столыпина, пытался изгнать политику из университетов, считая, что университет должен заниматься исключительно научной стороной жизни, а диплом не должен давать служебных прав. Это отмечалось и в его «компромиссном проекте», пытающемся найти «золотую середину» в отношениях правительства и университета. Министр надеялся, что такой законопроект получит одобрение и правительства, и либерально настроенной Думы, а также встретит поддержку в академических кругах.

В своем проекте Устава П.М. Кауфман предлагал: 1) установить прямое подчинение университета министру; 2) упразднить инспекцию студентов; 3) закрепить выборность университетской администрации; 4) легализовать создание студенческих обществ; 5) утверждать университетам собственные учебные планы с правом выдачи диплома; 6) составлять университетам собственные экзаменационные комис-

---

<sup>1</sup> Аврус А.И. История российских университетов. М., 2001. С. 39.

<sup>2</sup> Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX в.). М., 2009. С. 112.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 954. Оп. 1. Д. 311. Л. 1 об.

сии; 7) легализовать создание студенческих кружков; 8) зачислять в университет всех лиц, окончивших средние школы разных типов.

Так как проблема допуска к обучению в университетах женщин в начале XX века в России вынуждала их получать образование за границей, правительство было вынуждено издать распоряжение, запрещающее им там учиться, угрожая, в случае нарушения, запретом на обратный въезд. Такое положение дел вынудило П.М. Кауфмана высказать мнение в Совете министров в 1906 г. о совместном обучении (что отражено и в его проекте Устава). Он аргументировал заявление тем, что отучившиеся за границей женщины возвращаются в Россию «нравственно и политически искалеченными»<sup>1</sup>, но, за исключением А.Д. Оболенского, все члены собрания выступили против.

Проекту Устава П.М. Кауфмана не суждено было воплотиться в жизнь. «Правила», утвержденные 11 июня 1907 г., вызвали переворот в представлениях кабинета министров относительно «университетского вопроса». В результате внесенный им проект остался без должного внимания. Его либеральная политика также вызвала недовольство Николая II и П.А. Столыпина, считавших, что она ведет к «бессилию» министерства, вместо того чтобы «повести дело просвещения юношества твердой и умелой рукой»<sup>2</sup>. Вследствие этого «компромиссный проект» Устава, соединявший принципы академической автономии в отношении научно-учебной жизни с жестким государственным контролем университетов в области хозяйственных и административных вопросов, был отклонен, а министр 1 января 1908 г. был отправлен в отставку.

В 1909 г. П.М. Кауфман попытался изложить свои взгляды на проект должного Устава в статье «Новый университетский устав». Главная ее мысль: правительство не должно рассматривать вузы в качестве своей «кузницы кадров», а следовательно, диплом не должен давать должностных привилегий. Для подготовки чиновников он предлагал учредить больше академий и институтов, которые, используя короткие курсы и необходимое количество студентов, занялись бы подготовкой практиков для государственной службы.

---

<sup>1</sup> Иванов А.Е. Высшая школа России в XIX — начале XX века. М., 1991. С. 294.

<sup>2</sup> Демин В.А. Кауфман // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. М., 2011. С. 231.

Следующий министр — А.Н. Шварц — в своей переписке с П.А. Столыпиным указывал на недостатки своего назначения: наряду с возрастом (59 лет) он выделял и свою непопулярную консервативную позицию по отношению к «университетскому вопросу». Это не помешало П.А. Столыпину сделать выбор. В результате 1 января 1908 г. Он был назначен новым министром народного просвещения. Следуя новому политическому курсу, он также придерживался, как подмечают М.В. Новиков и Т.Б. Перфилова<sup>1</sup>, стратегии «сначала успокоение, потом реформы»<sup>2</sup>.

Исследуя данный период деятельности министерства, трудно понять, где реализация взглядов консерватора А.Н. Шварца, а где столыпинская политика. А.Н. Шварц, опасаясь сбиться с правительственного курса, вел с П.А. Столыпиным интенсивную переписку. Поскольку А.Н. Шварц был консерватором и выступал против университетской автономии многие его действия отвечали курсу и не противоречили взглядам. Тем не менее именно по причине разногласий он будет вынужден покинуть свой пост, сославшись на состояние здоровья. Реальной же причиной отказа от должности послужили разногласия относительно политизации школы: А.Н. Шварц являлся сторонником ее деполитизации и выступал против создания молодежных организаций как либеральных и революционных, так и монархических направлений; тогда как П.А. Столыпин, наоборот, поддерживал создание промонархических организаций, стараясь увеличить свою группу влияния и ликвидировать антиправительственные настроения.

Имеется большое количество научной литературы, дающей представление о деятельности министра А.Н. Шварца, однако практически отсутствует литература о процессе создания им проекта университетского Устава. Имеется также работа сравнительного характера, в которой Устав 1884 г. сопоставляется с его проектом, но в ней отсутствует информация о его разработке<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университеты России на рубеже XIX–XX вв.: эксперимент с «чиновниками от просвещения» (А.Н. Шварц, Л.А. Кассо) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 302.

<sup>2</sup> Господарик Ю.П. «Министром-законником» его называли даже враги... Александр Николаевич Шварц // Очерки истории российского образования. М., 2002. Т. 2. С. 220.

<sup>3</sup> Астапенко С.С. Разработка проекта нового университетского устава в годы

Потребность в новом Уставе и возросший интерес общественности к «университетскому вопросу» вынуждали правительство продолжить работу, но в этот раз с поправкой на программу политического курса. Идея реформирования системы высшего образования путем стратегического планирования развития высшей школы получила поддержку П.А. Столыпина, и в результате был создан единый межведомственный орган — особое совещание товарищей министров и главноуправляющих министерствами под председательством министра народного просвещения.

Работа над проектом Устава началась сразу после назначения А.Н. Шварца. Значительный вклад в разработку внес товарищ министра — Г.К. Ульянов, сменивший О.П. Герасимова. Как замечал Н.В. Сперанский, «будучи законником, — как сам он выражался, — г. Шварц не мог не отнестись с большой тщательностью к составлению нового закона», а пока шла работа над проектом, «высшая школа жила в успешем уже окрепнуть укладе самоуправления», и это время «приходится считать самым счастливым временем больше чем за целую четверть века». Публикация «бюрократического проекта» в 1909 г. насторожила академическое сообщество, но в целом восприятие «не погрузило академическую среду в уныние», т.к. все надеялись, что Дума «способна будет кое-что скинуть с бюрократических претензий, а остальное, может быть, перемелет жизнь...»<sup>1</sup>. Многие выступили против проекта А.Н. Шварца<sup>2</sup>, в том числе и ректоры Санкт-Петербургского и Московского университетов И.И. Боргман и А.А. Мануйлов, упрекавшие министра в ликвидации университетской автономии<sup>3</sup>. Н.В. Сперанский утверждал, что проект А.Н. Шварца представляет собой «целенаправленный поход против автономии

---

стольпинских реформ // Вестник КемГУ. 2012. № 3 (51). С. 25–29.

<sup>1</sup> Сперанский Н.В. Разгром русской высшей школы // Сперанский Н.В. Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914. С. 121.

<sup>2</sup> В «Вестнике Европы» утверждалось: «Его принятие (проекта устава Шварца. — А.Н.) было бы равносильно возвращению к худшим заветам реакции 80-х гг.» (Арсеьев К.К. Хроника. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1910. Кн. 3. С. 348).

<sup>3</sup> И.И. Толстой писал: «Шварцу достается и еще достанется за его бестактные и глупые циркуляры, стремящиеся свести насмарку все, что было начато мною, Кауфманом и Герасимовым» (Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 200).

русских университетов»<sup>1</sup>. Несмотря на неполное одобрение Советом министров (где он рассматривался 29 декабря 1909 г., затем 5 и 13 января 1910 г.), проект был направлен 10 мая 1910 г. в Думу, где был заслушан на общем собрании 12 мая. В результате было решено 15 мая собрать специальную комиссию для его рассмотрения. Комиссия успела провести только одно заседание, прежде чем проект был отозван 22 ноября 1910 г. на «доработку» новым министром — Л.А. Кассо, который откажется от создания проекта Устава, заявляя, что считает «ненормальным и недопустимым» введение каждые 20 лет нового Устава в стране, а его составление представляет себе «бесцельным и ненужным»<sup>2</sup>. По его мнению, невозможно заранее предусмотреть и урегулировать все вопросы университетской жизни, а всякие изменения и преобразования должны вводиться постепенно и осторожно, поэтому «систему коренной ломки необходимо заменить системой постепенных преобразований...»<sup>3</sup>.

Проект Устава А.Н. Шварца провозглашал, что «университеты суть учреждения, имеющие своею целью содействовать развитию наук в российском государстве и сообщать лицам, надлежаще к тому подготовленным, как общее, так и специальное высшее образование, а также способствовать приготовлению их к деятельности на различных поприщах государственного и общественного служения, требующей научной подготовки»<sup>4</sup>. Связь между университетом и министерством должна была осуществляться через попечителей. Подробно прописывались функции и обязанности последних, практически полностью схожие с предписаниями действующего Устава. Права и обязанности ректора также совпадали с теми, которые регламентировал Устав 1884 года. Согласно процедуре его выбора, кандидат на пост ректора, избранный Советом, должен быть утвержден министром; если же министр не утвер-

---

<sup>1</sup> *Сперанский Н.В.* Европа и мы (по поводу проекта нового университетского устава — 1910 год) // *Сперанский Н.В.* Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914. С. 73–74.

<sup>2</sup> *Сперанский Н.В.* Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914. С. 203.

<sup>3</sup> *Сперанский Н.В.* Панацея Кассо // *Сперанский Н.В.* Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914. С. 128–129.

<sup>4</sup> *Столыпин П.А.* Программа реформ. Документы и материалы. В 2-х т. М., 2003. Т. 2. С. 598.

ждал кандидатуру, то назначались новые выборы; неутвержденный кандидат не мог вновь быть избираем. Четко регламентировалось, какие дела университета в чьей юрисдикции находились (внутрифакультетской, правления, Совета, попечителя или министра). Согласно букве проекта, профессора переставали относиться к категории личного состава по учебной части, а принадлежали теперь к составу преподавателей. Вопрос относительно экзаменационных комиссий решался в пользу университета.

Таким образом, проект А.Н. Шварца, хоть и был более демократичен, чем Устав 1884 г., но в сравнении с предложенными ранее проектами сильно ограничивал университетскую автономию. Отношение к нему усугубляло то, что многие положения действующего Устава уже были скорректированы или изменены циркулярами предыдущих министров<sup>1</sup>, а он возобновлял старые отношения. Общественность выступила резко против такого проекта. Большинство надеялось на предоставление автономии университетам, а вместо этого проект предлагал незначительные послабления с полным административным контролем.

Следующий проект университетского Устава, предложенный правительством, появится только спустя много лет. После смерти в 1914 г. министра Л.А. Кассо пост занял граф П.Н. Игнатъев, на назначение которого, по предположениям А.Н. Дмитриева<sup>2</sup>, повлияла его личная близость к Николаю II во время его молодости. Новый министр был далек от ведомственных интересов своего министерства. В отличие от воззрений своего отца Н.П. Игнатъева, чьи мысли о необходимых мерах в области образования изложены в записках к М.Т. Лорис-Меликову и Императору<sup>3</sup>, его сын занимал либеральную позицию. П.Н. Игнатъев начал свою деятельность с отмены циркуляров предыдущего министра — восстановив роль педагогических советов, родительских комитетов и

---

<sup>1</sup> К 1913 г. претерпели изменения 42 из 149 его статей и все 38 статей уставов Санкт-Петербургского и Харьковского технологического института.

<sup>2</sup> *Дмитриев А.Н.* По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 157.

<sup>3</sup> См.: *Правительственный вестник.* 1881. 6 мая; *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964.



ослабив режим в школе. К реформе народного просвещения он постарался привлечь лучшие педагогические силы страны, ориентируя их работу не только на нужды военного времени, но и на послевоенное время. Подобная деятельность быстро принесла ему в пресесе титул «министра общественного доверия», тогда как Л.А. Кассо носил прозвище министра «затемнения».

Первая мировая война вновь заставила задуматься о реформе высшего образования. По замечаниям А.Е. Иванова, она «резко подняла акции высшей школы как поставщика чрезвычайно дефицитных командных кадров для армии и оборонной промышленности»<sup>1</sup>. С лета 1915 г. министерство занялось разработкой плана устройства высших учебных заведений. Как замечал Э.Д. Днепров<sup>2</sup>, она проходила в двух направлениях: в первом «университетская» часть была отнесена к компетенции созданного при министерстве Совета по делам университетов; а во втором все, что касалось профессионально-технической школы, было отнесено к компетенции ряда ведомств, чьи интересы представлял Совет по делам профессионального образования.

Прямой запрет Императора на открытие новых университетов<sup>3</sup> стал препятствием для П.Н. Игнатъева, который считал, что они являются единственными рассадниками определенных категорий деятелей, без которых не может обойтись ни школа, ни государственная или общественная работа. Переубеждая Николая II, он во Всеподданнейшем докладе от 13 июня 1916 г. утверждал: «Россия остро нуждается не только в народнохозяйственных специалистах высшей квалификации, но и во врачах, химиках-фармацевтах, учителях естественных и гуманитарных предметов для средних школ, в специалистах с высшим юридическим и финансово-экономическим образованием»; и выпускаемых университетом специалистов никакими другими заменить нельзя, т.к. «высшее научное преподавание,

---

<sup>1</sup> Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 184.

<sup>2</sup> Днепров Э.Д. Российское образование в XIX — начале XX века. Т. 1. М., 2011. С. 238.

<sup>3</sup> В резолюции от 2 апреля 1912 г. Николай II заявил: «Я считаю, что Россия нуждается в открытии высших специальных заведений, а еще больше в средних технических и сельскохозяйственных школах, что с нее вполне достаточно существующих университетов. Принять эту резолюцию за руководящее указание» (Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 184).

связанное с разработкой наук, требует совокупных усилий, проникнутых общим научным направлением представителей разнородных групп наук»<sup>1</sup>, а развитие общего образования становится необходимой предпосылкой развития образования специального. В итоге министр добился, чтобы запрет был отменен.

Работа над проектом Устава велась долго. К его разработке и обсуждению были привлечены и университетская общественность, и многие государственные деятели. Главная роль по созданию проекта и объяснительной записки к нему принадлежала В.Т. Шевякову и Н.О. Палечку. Первый предварительный вариант был разослан по университетским Советам для отзыва. Вместе с этим на специальном заседании с участием попечителей, а также ректоров университетов состоялось его обсуждение. Во втором обсуждении уже переработанного варианта, проходившем в декабре 1915 г., приняли участие представители Думы и Государственного совета, а также ряд профессоров. Прежде чем внести проект в Совет министров, он был рассмотрен представителями других ведомств (военного, юстиции, Казначейства и Министерства земледелия) в марте 1916 года. Одобренный Советом министров 9 августа 1916 г., он был отправлен в Думу. 5 ноября П.Н. Игнатъев представил в Думу новый проект «Об издании общего устава и штатов Императорских российских университетов»<sup>2</sup>. 2 декабря проект Устава огласили на общем собрании и передали в комиссию для обсуждения законопроектов и на заключение бюджетной комиссии.

А.Н. Дмитриев замечает, что в целом реакция на проект Устава П.Н. Игнатъева в прессе и в академическом сообществе была позитивной, но в связи с его отставкой 26 декабря 1916 г. — до февраля 1917 г. проект и план по университетскому строительству так и остались нерассмотренными<sup>3</sup>. Новый министр Н.К. Кульчицкий приостановил работу, но ряд положений игнатъевского проекта был проведен в жизнь уже при новом политическом строе.

---

<sup>1</sup> *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 185–186.

<sup>2</sup> РГИА Ф. 733. Оп. 226. Д. 195.

<sup>3</sup> *Гримм Э.Д.* Организация университетского преподавания по проекту нового устава // Русская мысль. 1916. № 4. С. 109–122; № 5. С. 52–67.

Проект Устава П.Н. Игнатьева в корне менял принятый традиционный взгляд на роль и устройство университетов. В объяснительной записке к нему пояснялось, что начиная с Устава 1804 г. университеты создавались для приготовления юношества к государственной службе; та же мысль отражена и в последующих уставах. Подобная задача, по мнению министра, затрудняла самостоятельное развитие университетов, требуя от них строгой регламентации научно-учебной жизни и тем самым ослабляя дух творчества. Он утверждал, что задача, ставящаяся перед профессорским составом, — подготавливать служилых людей — вносила в него чуждое ему начало, тогда как следовало направить их деятельность на решение основной задачи: содействовать развитию наук и давать юношеству высшее научное образование. Вследствие этого новый проект Устава был построен таким образом, чтобы, не стесняя самостоятельность университетских органов управления, построенных на выборном начале, в деле заведования всеми частями университетского управления, оставить за центральным управлением лишь общее руководство и надзор за деятельностью университетов как учреждений государственных.

Важнейшим нововведением было закрепление принципа выборности ректора, наделяемого всей полнотой дисциплинарной власти, на четыре года. Проект также предполагал значительное расширение полномочий университетского Совета. Университеты должны были подчиняться министерству напрямую, а не через попечителей. Должность последнего оставалась, но играла вспомогательную роль. Доступ в университет открывался выпускникам не только классических гимназий, но и окончившим общеобразовательную школу. Согласно законопроекту, в университеты могли допускаться женщины, но в зависимости от местных условий и при условии ходатайства университетского Совета. Проект отменял служебные привилегии диплома, ликвидировал степень магистра и менял гонорарную систему оплаты преподавателей. Одним из наиболее важных административных предложений, часть из которых реализовывалась по мере обсуждения проекта, стало учреждение нового органа — Совета по делам университетов. В его задачи входило объединение управления всеми институтами, принадлежавшими ведомству Министерства

народного просвещения, и предварительное обсуждение всех нормативных документов и постановлений, регулировавших жизнь высшей школы. Положение о Совете было утверждено Николаем II 22 марта 1916 г., до того, как проект Устава попал в Думу.

Отметим, что наряду с проектами уставов, возникавшими по инициативе министров, появлялись и частные: проект А.А. Тихомирова, предлагавший освободить профессоров от «всяких выборных горячек»<sup>1</sup>, либеральный проект проф. Д.Я. Самоквасова<sup>2</sup>, проект проф. И.А. Линниченко<sup>3</sup> и др. Ни один из них не был воплощен в жизнь. Тем не менее один из проектов, предложенный Академическим Союзом, должен быть рассмотрен, чтобы понять, каким видело главный документ, определивший бы положение просвещения в стране, академическое сообщество.

Происходил рост волны студенческих выступлений, в результате которых власти были вынуждены постепенно, указами министров, корректировать действовавший Устав, что лишь подрывало доверие профессоров к правительству. Следствием этого стало создание профессорско-политической организации Академический Союз и выработка документа, получившего название «Записка 342-х ученых»<sup>4</sup> (среди подписавших были В.И. Вернадский, А.Н. Бекетов, И.П. Павлов, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Веселовский, А.А. Шахматов и др.), в котором порицались отсутствие академических свобод, унижительное положение преподавателей и превращение науки в политический инструмент. Разрешение академического кризиса авторы записки связывали с полным и коренным преобразованием строя.

На I съезде Академического Союза, прошедшем в марте 1905 г. в Санкт-Петербурге, наряду с принятыми резолюциями, обсуждался и «университетский вопрос». Итогом съезда было учреждение нескольких комиссий, в том числе и академической. Ее председателем стал профессор Н.И. Кареев, а товарищем председателя

---

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 160. Л. н/у.

<sup>2</sup> См.: РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 158. Л. 2–4.

<sup>3</sup> См.: *Линниченко И.А.* Проект нового университетского устава. Пг., 1916.

<sup>4</sup> Записка о нуждах просвещения // *Право.* 1905. № 3. С. 180; Записка о нуждах просвещения // *Вестник Европы.* 1905. Т. 231. Кн. 2. С. 907.

П.Ф. Лесгафт. Цель комиссии состояла в разработке нового проекта университетского Устава. Проект был подготовлен комиссией к сентябрю 1905 г. и опубликован в октябре того же года<sup>1</sup>.

Согласно проекту Устава Академического Союза, предполагалось предоставить университетам беспрецедентно обширные права, как в научной и образовательной деятельности, так и во внутренней административной сфере. Вторым пунктом провозглашалось, что каждый университет самостоятельно организует свою научную и учебную деятельность. Министерство народного просвещения, министр, инспектора и попечители должны осуществлять надзор исключительно за соблюдением буквы закона университетами. В случае спора между министерством и университетом предлагалось прибегнуть к суду Сената. Самим университетским управлением должен был заниматься университетский Совет, в который вошли бы все профессора, а также делегаты от коллегий преподавателей младших степеней. Все исполнительные функции возлагались на ректора, проректора, хозяйственный комитет и «могущие быть образованными постоянные советские комиссии»<sup>2</sup>. Ректор избирался на один год из числа профессоров, но без права повторного избрания при следующем голосовании. В обязанности Совета входило: избрание ректора, проректора, секретаря совета, библиотекаря, профессоров и почетных членов, организация дисциплинарного суда и постановка учебного процесса. Утверждения решений Совета министерством не предполагалось. Важным пунктом авторы считали предложение отказаться от прав на классные чины и награды в виде орденов, при этом избранные Советом профессора продолжали бы оставаться на государственной службе и получать жалование и пенсию за выслугу лет. Предлагалось освободить профессуру от необходимости утверждать свои лекции. Все, кто имел степень доктора, получали право преподавать в качестве приват-доцентов, несмотря на национальность, вероисповедание и подданство. Предлагалось также ликвидировать степень магистра и оставить степени кандидата и доктора наук. Право поступления в университет получали выпускники всех средних учебных заведений

---

<sup>1</sup> Проект главных оснований общего устава высших учебных заведений // Право. 1905. № 40. С. 3349–3356.

<sup>2</sup> [elib.spbstu.ru/dl/2/ed-106\\_0000925419bx.pdf/download/ed](http://elib.spbstu.ru/dl/2/ed-106_0000925419bx.pdf/download/ed).

независимо от пола, национальности, вероисповедания и подданства. Подчеркивалось, что поступление никак не должно ограничиваться местностью. Специально оговаривалось, что студенты имеют все гражданские права, пользуются свободой собраний и создания союзов. Запрещалось поощрение учащихся в виде медалей, премий и т.п.

Проект Устава Академического Союза также не был воплощен в жизнь и имел лишь научную ценность.

В заключение отметим, что важным фактом истории законопроектов относительно высшей школы стала первая русская революция. До нее все вопросы касательно университетов решались либо самим Императором, либо Государственным советом, а после революции процедура претерпела значительные изменения: важнейшие вопросы теперь проходили через Совет министров, прежде чем попасть в Государственный совет; а затем, если проект получал одобрение, к Императору. Иными словами, после революции роль Совета министров значительно выросла, а Император отказался от «ручного контроля». Также отметим, что к началу XX века в России полностью сформировались слои профессуры и студенчества, которые стали представлять из себя политическую силу, и все либеральные проекты университетского Устава были разработаны и предложены академическим сообществом, т.е. профессорами, которые выполняли задачи экспертного сообщества, напрямую участвуя в процессе законотворчества. Из всего вышесказанного следует, что причины, по которым ни один из проектов Устава так и не был принят, состоят: *во-первых*, в крайней либеральности или консервативности предложенных проектов либо их несвоевременности, по причине резко изменяющейся политической обстановки; *во-вторых*, в отсутствии решимости самого Императора Николая II; *в-третьих*, в восприятии властью вузов в качестве чиновничьей «кузницы кадров»; *в-четвертых*, в банальном отсутствии времени, т.к. набравшее обороты революционное движение уже не могло быть остановлено.

Бойцова О.Ю.

## Теоретические модели солидаризма в политической мысли рубежа XX–XXI вв.

Первые десятилетия XXI в. показали, что идея социального согласия утратила былые позиции как в реальной политике, так и в теории. Солидаризм стал восприниматься как разновидность утопизма: концептуальные модели, которые служили обоснованием консенсусных стратегий, оказались под огнем критики и в существенной мере утратили влияние, уступив в популярности агонистским аргументам в пользу неизбежности конфликтов и приоритета силовых способов преодоления политических разногласий.

Такая ситуация не может считаться уникальной — солидаризм и в прошлом неоднократно подвергался критике, которая резко ужесточалась в периоды обострения социальных кризисов. Достаточно вспомнить первую половину XX столетия, когда две мировые войны, казалось бы, полностью разбили тезис о человеческом обществе как продукте и носителе фундаментального консенсуса. И тем не менее даже в сложные времена данная традиция философского размышления о социальности не прерывалась.

Необходимость отстаивания основополагающего тезиса обусловила формирование различных подходов к объяснению причин возникновения и сохранения социального согласия. К середине XX в. в арсенале солидаризма находилось, как минимум, три теоретических модели, предлагавших оригинальные варианты аргументации. Согласно *натуралистической* версии, источником базового консенсуса служит органическое единство, придающее целостность любому общественному образованию, будь то этнос, раса, нация со специфическим «народным духом» или же «социальное тело» как таковое. В *культурологическом* варианте такая роль отводится нормативным регуляторам и ориентирам — ценностям, традициям, практикам, общезначимым символам etc. Именно они выступают в качестве прочного каркаса, который обеспечивает целостность и устойчивость со-

циальной общности и способствует поддержанию у входящих в нее людей чувства единства. В теоретических моделях *конструктивистского* толка, в большей мере ориентированных на идею создания, а не возникновения общества, акцентируется волевой, рациональный фактор. В них принято утверждать, что социальные институты появляются в результате установления определенных «правил игры» — к примеру, общественного договора или «конституции политики». По сути, люди принуждаются к солидарности: в силу самых различных причин (таких, к примеру, как «гоббсовский страх», совпадение целей, понимание личных или общих интересов etc.) они осознают необходимость в существовании непреложных ограничений, как и в неукоснительном соблюдении общезначимых правил, и потому вынуждены принять на себя определенные обязательства. Эти обязательства, собственно, и определяют содержание базового социального консенсуса.

Несмотря на различие философских оснований и итоговых рекомендаций, все теоретические модели солидаризма были нацелены на обоснование приоритета социального согласия и разработку политических проектов, обеспечивающих единство общества. Все они признавали за согласием конституирующую функцию, считая консенсус первичной основой социальности, ее сущностью, необходимым условием самого возникновения общества. При этом конфликты, вражда, насильственные действия и непримиримость интересов, которыми столь изобилует реальность, рассматриваются как патологии, по тем или иным причинам возникающие в силу отклонения от нормального состояния, «сбоя» в работе социального организма (или механизма). Поскольку в оптике солидаризма такие нарушения чреватые самыми серьезными последствиями и должны быть непременно устранены, постольку в его проблемном поле значительное место занимают выработка, обоснование и легитимация мер, нацеленных на поддержание общественного согласия, повышение уровня стабильности и снижение издержек от социальных конфликтов.

Соответственно, важнейшая роль отведена политике, которая — в продолжение философской традиции, идущей от Аристотеля, — трактуется как совместное действие, направленное на достижение



общего блага. Именно политика призвана быть «лекарем», который должен если не избавить общество от смертельного недуга вражды, то по крайней мере снизить угрозу его саморазрушения до минимального уровня. Неудивительно, что в конце XX столетия, когда после резкого ухудшения состояния «больного» появились надежды на «выздоровление», внимание к солидаризму возросло. Поскольку идея природного, органического единства после двух войн не вызвала доверия, постольку наиболее востребованными как в политической теории, так и в практической политике оказались конструктивистская и культурологическая модели солидаризма.

\* \* \*

Конструктивизм выступил в облике неоконтрактуализма — реинтерпретации идеи общественного договора. В его рамках самыми яркими версиями оказались теория справедливости Джона Ролза и теория общественного выбора, разработанная представителями Вирджинской школы политической экономии Джеймсом Бьюкененом и Гордоном Таллоком<sup>1</sup>. Хотя первая акцентировала этическое измерение и потому считалась ценностно-нормативной и философской, в то время как вторая позиционировала себя как формальная теория, ориентирующаяся на стандарты позитивного познания, — тем не менее, различия между ними оказались менее значимыми, чем близость в аксиоматике и аргументации. Обе эти версии опирались на схожие философские основания (номинализм и методологический индивидуализм, рационализм и интеракцио-

---

<sup>1</sup> См.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995; Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия // Бьюкенен Дж. Сочинения. М., 1997. Т. 1; Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Вопросы экономики. 1994. № 6; Buchanan J.M. Freedom in Constitutional Contract. Perspectives of a Political Economist. College Station, Texas, 1977; Rawls J. Justice as Fairness: A Restatement. Cambridge, 2001; etc. Влияние этих концепций на политическую мысль второй половины XX в. неоспоримо: теория общественного выбора определила и проблематику, и предметные и методологические параметры экономического подхода в политических исследованиях, который многие десятилетия небезуспешно претендовал на роль базовой научной парадигмы в западной политологии. Обсуждение теории справедливости как честности Дж. Ролза вылилось в широкомасштабные дискуссии, которые не только предельно актуализировали ценностную проблематику в политическом дискурсе и привели к резкому всплеску интереса к политической философии, но послужили катализатором возникновения коммунитаризма.

низм), имели одинаковые идеологические предпочтения (либерализм, нормативный эгалитаризм, институциональный универсализм, ценностный плюрализм) и приходили к аналогичным теоретическим выводам и политическим рекомендациям.

Согласно аксиоматике неоконтрактуализма, политические акторы рациональны — они не зависят друг от друга, учитывают только собственные интересы и всегда выбирают тот вариант действия, который способен с минимальными издержками приблизить их к достижению приоритетной цели<sup>1</sup>. Такие расчетливые эгоисты объединяются в сообщество, только если приходят к выводу, что польза от объединения превышает индивидуальные издержки. В этом случае они договариваются о правилах и ограничениях, которые — в силу того, что их соблюдение отвечает интересам каждого из участников сделки, — признаются не только обязательными, но и справедливыми<sup>2</sup>.

Именно такова схема аргументации в неоконтрактуализме: общественный договор заключается на основе единого выбора базовых социальных институтов — «конституции политики» у Бьюкенена и «хорошо организованного общества» у Ролза. При этом в обеих версиях консенсус, который индивиды достигают и институционально закрепляют, обладает высшей ценностью, а задача обеспечения сохранности результатов коллективного выбора и поддержания согласия возлагается на политику. Решение этой задачи связано с установлением общезначимых норм в публичной сфере при соблюдении свободы выбора индивидуальных жизненных траекторий. Универсальные правила и условия взаимодействия закрепляются в системе общих правовых норм, по отношению к которым все граждане оказываются в одинаковом положении. Гарантом соблюдения достигнутого соглашения вы-

---

<sup>1</sup> Политика, пишет Бьюкенен, «есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных» (*Бьюкенен Дж.* Конституция экономической политики // Вопросы экономики. 1994. № 6. С. 108).

<sup>2</sup> Ролз, в частности, прямо заявляет, что «принципы справедливости становятся результатом честного соглашения или торга» (*Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 131).

ступает государство, задача которого состоит в предоставлении всем гражданам равных институциональных возможностей при выстраивании своей собственной жизненной стратегии. При этом государство не должно не только навязывать, но даже поддерживать ни одну из ценностных ориентаций — иначе нарушится принцип равных условий и некоторые участники взаимодействия окажутся в привилегированном положении<sup>1</sup>.

Для того чтобы стратегия сочетания универсализма в публичной и плюрализма в частной сфере была реализована, необходимо соблюдение ряда очень жестких требований. На это всегда указывают критики неоконтрактуалистской модели, так или иначе о них упоминают и сами приверженцы данного подхода. Дело в том, что достижение согласия в «правилах игры» является обязательным, но не достаточным. Главное условие заключается в том, что ценностные ориентации и индивидуальные стратегии членов общества должны быть совместимы, иначе никакие договоренности о координации действий невозможны. Однако в неоконтрактуалистских моделях солидаризма пути достижения подобной совместимости не указываются, а важнейшие составляющие проблемы — к примеру, как возникают предпочтения, представления о благе и желаемых целях и можно ли (и если да, то как) их корректировать, etc. — все эти вопросы вынесены за скобки. Рассуждение начинается с точки, когда человек уже является актором, т.е. представляет собой «готовый продукт», наделенный набором интересов, ранжированных по степени приоритетности, и способен вступить в сделку с другими, столь же целостными и завершившими формирование, индивидами. Такая модель плохо приспособлена к релевантному анализу современного общества, где в силу дифференцированности ориентационных систем проблема согласования базовых ценностей стоит довольно остро. На этом поле солидаристский универсализм очевидно проигрывает традиционалистскому агонизму, усматривающему суть политического взаимодей-

---

<sup>1</sup> См.: Rawls J. *Justice as Fairness: A Restatement*. Cambridge, 2001; Buchanan J.M. *The Limits of Liberty. Between Anarchy and Leviathan*. Chicago, 1975; Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М., 1998; Кукуатас Ч. *Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы*. М., 2011; etc.

ствия в борьбе доминирование, которую ведут между собой социальные группы с несогласуемыми интересами.

Еще одной мишенью для критики является экономическое обоснование кооперации при создании общественных благ, предлагаемое неоконтрактуализмом. Речь идет о благах, потребление которых нельзя дозировать, — к примеру, таких, как экологическое благополучие, общая безопасность etc. Поскольку они в равной мере доступны и тем, кто принимал участие в их создании, и тем, кто устранился от этого, постольку в рамках предложенной теории именно последние оказываются в выигрыше. Данная ситуация фиксируется в «проблеме безбилетника»: для рационального актора нет никаких оснований нести издержки, если есть возможность получить благо без всяких затрат. Попытки неоконтрактуалистов обойти эту проблему или решить ее, сохраняя исходную аксиоматику, пока не увенчались сколь бы то ни было значительным успехом<sup>1</sup>.

И, наконец, последовательное проведение предложенной неоконтрактуализмом стратегии ведет к минархизму<sup>2</sup>, т.е. требует сведения полномочий государства к функциям «ночного сторожа», в равной мере отстраненного от интересов всех социальных групп. Нормативный эгалитаризм и институциональный универсализм предполагают, что все — богатые и бедные, здоровые и больные, сильные и слабые — должны «играть» по одним и тем же правилам. Но следствием равенства условий является неравенство результатов и, соответственно, отсутствие гарантий благополучия отдельного индивида. В итоге

---

<sup>1</sup> См.: *Олсон М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995; *Бьюкенен Дж.* Сочинения. Т. 1. Глава 3. Постконституционный договор: теория общественных благ. Провал рынка и проблема «безбилетника»; *Остром Э.* Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М., 2010; Проблема безбилетника: модель процесса и рецепты подавления. М., 2015; *Page T., Putterman L., Unel B.* Voluntary Association in Public Goods Experiments: Reciprocity, Mimicry, and Efficiency // *Economic Journal*. 2005. Vol. 115.; *Boehm C.* Bullies: Redefining The Human Free-Rider Problem // *Darwin's Bridge: Uniting the Humanities and Sciences* / Ed. by J. Carroll, D. McAdams, E.O. Wilson. N.Y., 2016.

<sup>2</sup> Подтверждением этому служит тот факт, что Дж. М. Бьюкенен (наряду с Ф. фон Хайеком, Р. Нозиком, М. Фридменом и проч.) — признанный представитель минархизма, требующего минимизировать функции государства. Кроме работ Бьюкенена см. также: *Хайек Ф.А.* Конституция свободы. Львов, 2002; *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М., 2008; Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М., 1998; etc.

получается модель общества, в котором фактическое социальное и экономическое неравенство признается правомерным, а у государства не только нет задачи нивелировать его, но и отсутствуют легитимные основания помогать обездоленным. Такая модель неизбежно вступает в противоречие с теми идеями и ценностями, которые являются базовыми для социального консенсуса, — общего блага, справедливости, эффективности, а в конечном итоге и индивидуальной безопасности.

\* \* \*

Культурологическая модель солидаризма нашла выражение в аксиологической версии, представленной коммунитарными концепциями Амитаия Этциони, Чарльза Тэйлора, Майкла Уолцера и др.<sup>1</sup>. Ее философские основания во многих аспектах принципиально отличаются от аксиоматики неоконтрактуализма. Прежде всего, это касается основной методологической установки, признающей приоритет не за индивидом, а за социумом. Общество, утверждает коммунитаризм, есть ассоциация, и, как целое, оно обладает автономным бытием, собственной логикой развития, а также специфическими качествами, которые нельзя понять, изучая отдельных его представителей. Совсем наоборот, действия индивида можно познать только через анализ того социума, членом которого он является.

Категорически отрицая атомарный взгляд на индивида, аксиологический солидаризм настаивает на том, что люди принципиально зависимы от общества. Именно поэтому смоделированная Ролзом «исходная ситуация», в которой отдельные акторы произвольно конструируют выгодные им социальные институты, расценивается коммунитаристами как нерелевантное допущение. Человек, утверждают они, не может определять сам себя как автономное существо, ведь он появляется на свет уже в качестве члена и представителя конкретного сообщества — семьи, этноса, конфессии, народа etc. На протяжении всей своей жизни он постоянно испытывает воздействие норм, тра-

---

<sup>1</sup> *Etzioni A. The New Golden Rule: Community and Morality in a Democratic Society. N.Y., 1997; Etzioni A. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities and the Communitarian Agenda, N.Y., 1993; Etzioni A. Political Unification Revisited: On Building Supernational Communities, N.Y., 2001; Taylor Ch. Shared and Divergent Values / Ed. by R. Watts, D. Brown // Options for a New Canada. Toronto, 1991; Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. N.Y., 1983; etc.*

дий, ценностей данного сообщества, и именно таким образом формируются его интересы, цели и установки. Поэтому солидарная связь с сообществом, ответственность перед ним — все это оказывается неперенным условием самореализации индивида. Таким образом, коммунитаризм предлагает решение замалчиваемой неоконтрактуализмом проблемы формирования предпочтений: все интересы, жизненные планы и стратегии индивида в конечном счете зависят от среды, в которой проходит его социализация и которая тем самым определяет его самоидентификацию.

Соответственно, политический актор наделяется принципиально иными характеристиками: главным свойством участника социального взаимодействия коммунитарная модель признает не рациональность, позволяющую соотнести издержки и выгоды от того или иного поступка, а чувство сопричастности, превращающее человеческое существо в члена определенного сообщества. Основой единства этого сообщества, так же как и идентичности входящих в него индивидов, служат ценности — моральные, религиозные, эстетические, политические etc. Именно они и являются предметом консенсуса, тем стержнем, вокруг и по поводу которого выстраиваются все социальные институты. Важно, что эти ценности не есть предмет договора или результат сделки — они не выбираются рационально и не навязываются диктаторски, их не принимают по привычке или формально, не игнорируют и не признают отстраненно. Поскольку сообщество есть не что иное, как результат кооперации людей, разделяющих одни и те же ценности, постольку неперенным условием социальности выступает искренняя убежденность в их важности и готовность их защищать. В силу этого в рамках каждого сообщества его ценности служат критерием оценки любой политической программы и основанием легитимации политического курса.

В оптике аксиологического солидаризма консенсусная стратегия должна быть ориентирована на сохранение культурной и социальной идентичности сообщества, на поддержание тех социальных практик, которые позволяют укрепить его устои. Поэтому коммунитарный политический проект отводит значительную роль воспитанию, культивированию взаимоуважения и солидарности.

Задача усматривается в том, чтобы сбалансировать социальную ответственность и свободу индивида, добиться того, чтобы права не доминировали над обязанностями. По версии А. Этциони, «хорошее общество» основано на моральном консенсусе, который необходимо поддерживать, воспроизводить, укреплять всеми возможными средствами: коммуникативными (практики «совместного разбирательства» или «морального диалога») и административно-политическими (участие граждан в определении полномочий власти, развитие институтов гражданского общества, организация и развитие публичных пространств), воспитательными (школы гражданства, волонтерское движение) etc.<sup>1</sup>

Теоретические и практические сложности данной стратегии преимущественно вытекают из принятия принципов ценностного плюрализма и релятивизма<sup>2</sup>. В любом современном государстве существует множество сообществ, которые различаются по своим устоям, при этом каждое из них является не результатом произвольного выбора или договора, а целостным образованием, сформированным длительной традицией совместной жизни единомышленников. Это полностью исключает их унификацию, как и универсальный, уравнительный подход к регулированию социальных практик. Соответственно, основополагающим требованием данной стратегии является автономия сообществ — причем не только культурная, но и правовая.

Примечательно, что последовательное применение данной стратегии ведет к тому же результату, что и в случае неоконтрактуализма, а именно, к минимизации функций государства. И здесь отчетливо прослеживается путь минархизма от установки на самоуправление сообществ через строгую регламентацию влияния государства на внут-

---

<sup>1</sup> См.: *Etzioni A. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities and the Communitarian Agenda*, N.Y., 1993; *The New Golden Rule: Community and Morality in a Democratic Society*. N.Y., 1997.

<sup>2</sup> Коммунитаризм признает, что единого взгляда на то, что считать добродетелью, в современном мире нет, и добиться согласия в этом вопросе невозможно. В современном мире, пишет Макинтайр, «язык и пустая видимость морали продолжают существовать, тогда как целостная субстанция морали в значительной степени подверглась фрагментации и даже частичному разрушению» (*Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали*. М.; Екатеринбург, 2000. С. 10).

ренную жизнь сообществ, к предельному варианту — к его фактическому демонтажу в результате максимальной децентрализации полномочий органов власти и управления и отказа от единой правовой системы (по сути, одного из краеугольных камней государственности)<sup>1</sup>. Согласно принимаемому в данной модели принципу субсидиарности, в каждом сообществе должно действовать свое собственное правовое регулирование, и в результате государство оказывается тем же «ночным сторожем», что и в неоконтрактуализме: оно должно выступать нейтральным гарантом минимального набора общих норм и правил, позволяющих отдельным акторам безопасно реализовывать собственные жизненные проекты. Только у неоконтрактуалистов в качестве таких акторов выступают индивиды, а у коммунитаристов — сообщества. Соответственно, и аксиологическая версия солидаризма также оказывается перед необходимостью решения проблемы достижения совместимости — в данном случае культурных оснований и жизненных стратегий сообществ. Более того, если в неоконтрактуализме стабилизатором взаимодействий выступает право, которому придается абсолютная значимость как фундаментальному элементу социального консенсуса, то в коммунитаризме, релятивизирующем правовые нормы, проблема общей координации деятельности сообществ оказывается еще более сложной для решения.

Еще одной «болевым точкой» аксиологический плюрализм обязан отрицанию абсолютного характера ценностей. Если признавать, что совокупность сообществ представляет собой множество внутренне сплоченных социальных объединений, которые отделены друг от друга культурными, ценностными, религиозными и иными границами и не сводимы к «единому знаменателю», поскольку для каждого из них характерно внутреннее единство интересов и ценностей, благодаря чему оно отличает себя от других, — то приходится мириться с заключением, что любые ценности дей-

---

<sup>1</sup> Такой тренд отчетливо проявляется, к примеру, в концепции А. Этzioni. Он обосновывает проект новой глобальной архитектуры, в которой узловыми элементами станут не государства, а международные неправительственные организации, транснациональные неофициальные структуры и центры, координирующие общественные движения (см.: *Этzioni А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям*. М., 2004; *Etzioni A. Political Unification Revisited: On Building Supernational Communities*, N.Y., 2001).



ствуют только в рамках определенных сообществ и, следовательно, зависят от конкретного контекста. В то же время допущение, что «чужие» ценности могут быть так же значимыми, как и «свои», по сути, размывает основы сообщества. Ведь, лишаясь абсолютной значимости, ценности приобретают конвенциональный характер, т.е. становятся результатом индивидуального или группового выбора, что означает разрушение базового философского основания аксиологического солидаризма.

В политическом плане это, с одной стороны, грозит сегментацией политического пространства, при которой каждое сообщество признает собственные ценностные основания абсолютными и стремится в лучшем случае дистанцироваться от «ложных ценностей» других, а в худшем — активно противостоять им. Такая нормативная изоляция сообществ, легализованная и легитимированная идеями культурного суверенитета, способна подпитывать радикальные настроения в полиэтничных обществах, поскольку «имеет своим результатом постоянное отчуждение внутри групп меньшинств, особенно среди молодежи второго поколения»<sup>1</sup>.

С другой стороны, возможным сценарием представляется скрытая универсализация, при которой легитимируются только отдельные определенные социальные практики, а все остальные отвергаются как основанные на «псевдоценностях». В этом случае легитимация переводится в сферу политического решения, что неизбежно порождает множество вопросов, связанных с основаниями выбора «фаворитов». Любые ли ценностные ориентации, важные для конкретного сообщества, могут быть признаны? Как быть, к примеру, с сообществами, в которых приняты «жизненные формы, отвергающие равную заботу о других и уважение к другим, заставляющие людей молчать, доминирующие над ними, клеветящие на них и вообще обращающиеся с людьми как с про-

---

<sup>1</sup> Vertovec S., Wessendorf S. Introduction. Assessing the Backlash against Multiculturalism in Europe // *The Multiculturalism Backlash: European Discourse, Politics, and Practices* / Ed. by S. Vertovec, S. Wessendorf. N.Y., 2010. P. 12; См. также: Miller M.A. *The Foundations of Modern Terrorism. State, Society and the Dynamics of Political Violence*. Cambridge, 2013; Gupta D.K. *Understanding Terrorism and Political Violence. The Life Circle of Birth, Growth, Transformation, and Demise*. L.; N.Y., 2008.

стым средством достижения каких-либо целей»<sup>1</sup>? Кто является субъектом такого решения и каковы критерии принятия или отказа в признании тех или иных «локальных» норм и ценностных ориентаций? Является ли отрицательное решение ущемлением прав отвергнутого сообщества и какие методы отстаивания принципиальных основ своей идентичности у него имеются? В традиционной политической мысли прерогативой решений данных вопросов обладало государство, на правах верховного арбитра снимающее противоречия частных интересов в интересе общем. Если же, как было показано, стратегии опираются на принцип автономии, минимизируя полномочия государства, то вопрос о координации социальных практик остается открытым.

\* \* \*

Итак, оба вектора солидаризма, получившие во второй половине XX в. доминирующее влияние, столкнулись со значительными проблемами. Проторенный веками путь контрактualизма создал ряд теоретических моделей, среди маркеров которых выступали такие концепты, как «общечеловеческие ценности», «толерантность», «правовое государство», etc. Его оппонент шел по хорошо возделанному полю аксиологического плюрализма, отмечая его лозунгами «права меньшинств», «идентичность», «культурный суверенитет». При этом обе линии обоснования принципа фундаментального согласия восходили к античной идее общества как воплощения блага и справедливости, которое существует в форме общения граждан, нуждающихся друг в друге и совместно решающих общие дела. Они расходились в способах концептуализации этого базового положения и, соответственно, при разработке консенсусных стратегий, призванных воплотиться в реальных политических проектах.

Одним из важных пунктов расхождения служил вопрос о том, носит ли основополагающее согласие универсальный или партикулярный характер. Неоконтрактualистская версия исходила из того, что такой консенсус не зависит от параметров конкретного социума. Это объяснялось наличием универсальных факторов, ко-

---

<sup>1</sup> Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 55.

которые определяют человеческое бытие, — к примеру, объективных законов, которым с необходимостью подчиняются социальные процессы. Данные факторы и служат средством легитимации предлагаемых стратегий: если предлагаемые решения и действия им соответствуют, то приобретают общезначимый, а зачастую и обязательный характер.

Не менее распространенный способ обоснования универсальности опирается на трактовку рациональности. Логика такова: поскольку разум является intersубъективной структурой и у всех людей «работает» по одним и тем же принципам, постольку на основе одинаковых эмпирических данных все наделенные разумом индивиды неизбежно должны приходиться к одним и тем же выводам, — в частности, о том, какой из возможных вариантов действия считать оптимальным.

Аксиологическая версия отстаивала плюралистический и релятивистский подход, утверждая, что ценностные убеждения, разделяемые народом, определяются его традициями, культурой, религией, уровнем развития etc. и потому носят специфический характер. Консенсус, конечно, лежит в фундаменте любого социума, и в этом все общественные образования схожи, но вот его основания, как и его содержание, не поддаются унификации.

Рассмотренные версии солидаризма покоятся на различных, частично даже противоположных философских основаниях. Более того, именно критика договорной трактовки социального согласия послужила отправной точкой построения коммунитарной теоретической модели. И все же — при всей критичности друг к другу этих направлений, при всей ожесточенности полемики между собой их представителей — они оказались совместными «донорами», породившими микшированный вариант солидаристской модели, который оказался востребованным в реальной политике последней четверти XX в.

Эта теория и основанный на ней политический проект известны под именем мультикультурализма<sup>1</sup>. Контрактуалистская ветвь

---

<sup>1</sup> Данная теоретическая модель заслуживает отдельного рассмотрения, поэтому здесь ограничимся указанием на то, что, хотя теоретически концепт мультикультурализма оформился еще в 60-е гг., по сей день не удалось преодолеть

солидаризма привнесла в этот проект идеи толерантности и приоритета права, что нашло выражение в концепте правового государства, от аксиологической версии он воспринял идеи и принципы, связанные с политикой идентичности. Но и данной модели не удалось снять разнонаправленные претензии<sup>1</sup>. Более того, в результате дискуссий о мультикультурализме была поставлена под сомнение релевантность теоретических моделей, ориентированных на жесткую демаркацию идентичностей, позволяющую отличать «своих» от «чужих», а «чужих» — от «чуждых»<sup>2</sup>. Суть обви-

---

размытость определений, многообразие трактовок и нечеткость характеристик. В самом общем виде его можно описать как интегральную политическую идеологию и практику, опирающиеся на идеи солидаризма. Анализ мультикультурализма посвящены многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых (см., например: *Бенхабиб С.* Притязания культуры. М., 2003; *Куропятник А.И.* Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб., 2000; *Кукалас Ч.* Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы. М., 2011; *Малахов В.С.* Парадоксы мультикультурализма // Иностранная литература. 1997. № 11; *Миронов В.В., Миронова Д.В.Г.* Мультикультурализм: толерантность или признание? // Вопросы философии. 2017. № 6; *Терборн Г.* Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. 2001. № 1. Т. 1; *Тонкова Е.Г.* Понятие мультикультурализма: основные концепции. М.; СПб., 2009; *Taylor Ch.* Multiculturalism and the Politics of Recognition, Princeton, N.J., 1992; *Kymlicka W.* The Rise and Fall of Multiculturalism // The Multiculturalism Backlash: European Discourse, Politics, and Practices / Ed. by S. Vertovec, S. Wessendorf. N.Y., 2010; *Young I.M.* Inclusion and Democracy. N.Y., 2000; *Modood T.* Multiculturalism. Cambridge, 2007; *Parekh Bh.* Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. Basingstoke, 2000 etc.).

<sup>1</sup> Оптимистичные надежды, возлагавшиеся на мультикультурализм, были серьезно подорваны в первое десятилетие XXI в., которое явило человечеству новые угрозы — «революцию прав меньшинств» (см.: *Skrentny J.D.* The Minority Rights Revolution. Cambridge, 2002; *Ионин Л.Г.* Восстание меньшинств. СПб., 2012) и легализацию практик, неприемлемых для доминирующей культуры; неконтролируемость миграционных потоков и автаркизацию этнорелигиозных общин, члены которых сопротивляются интеграции в принявшее их общество и одновременно стремятся максимально использовать потенциальные преимущества своего положения. Все чаще оказывается, что «целью мигрантов стала не адаптация к традициям и образу жизни коренного населения, а стремление получить набор социальных гарантий и прав, которых они лишены на родине» (*Черешнев В.А., Распорухов В.Н.* Диалог цивилизаций на фоне кризиса мультикультурализма и стратегия устойчивого развития // Диалог культур в условиях глобализации. XII Международные Лихачевские научные чтения. 17–18 мая 2012 г. СПб., 2012. С. 230).

<sup>2</sup> См.: *Вальденфельс Б.* Мотив Чужого. Минск, 1999; *Миронов В.В., Миронова Д.В.Г.* Мультикультурализм: толерантность или признание? // Вопросы философии. 2017. № 6.

нения заключается в абсолютизации подобными концепциями традиционных социальных границ, которые в современном мире подвижны и размыты, что делает затруднительной, а зачастую и невозможной цивилизационную, национально-культурную и даже социально-политическую демаркацию<sup>1</sup>.

В конце XX — начале XXI вв. под влиянием реальной политики и теоретических дискуссий различные линии обоснования солидаризма оказались тесно переплетены, а выстроенные на их основе консенсусные стратегии не просто утратили популярность, но оказались перед угрозой полного краха. В то же время идея возвращения принципа согласия и в теорию, и в политическую практику уже не выглядит нелепой: очевидные симптомы нарастания деструктивных тенденций, общей дестабилизации и повышения уровня насилия стали новым вызовом для солидаризма и придали особую актуальность задаче философского осмысления оснований социального консенсуса. Неизвестно, возникнет ли в будущем принципиально иной подход к легитимации фундаментального согласия или же к возрождению консенсусной парадигмы приведет «пересборка» исторических теорий. Ясно одно — до тех пор, пока человеческое общество будет существовать, сохранится и потребность в определении путей достижения единства и согласия, а следовательно, будут появляться все новые версии философского обоснования солидаризма.

---

<sup>1</sup> Одним из наиболее ярких подтверждений этому может служить феномен глобального города, который ярко демонстрирует аморфность и подвижность стратификации «Функциональные и социальные иерархии мегаполисов, — пишет, к примеру, М. Кастельс, анализирувавший этот феномен, — пространственно размыты и перемешаны... Мегаполисы — это полные разрывы констелляции пространственных фрагментов, функциональных кусков и социальных сегментов» (*Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 379). В подобных образованиях не просто расположены институты и организации, принимающие наиболее важные решения в экономической, политической, социальной сферах, но и конструируется особая политическая идентичность. «Крупные города, — пишет Саския Сассен, — образовались как стратегические центры... и в формировании межнациональных общностей и идентичностей... В конечном счете, это могло бы стать началом появления новых форм "гражданства"...» (*Сассен С.* Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: территория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. М., 2007. С. 27).

Лекарева А.О.

## П.И. Новгородцев и К.П. Победоносцев об особенностях русского православного сознания

XX век был богат на события в политической и общественной жизни русского народа, полон непримиримых взглядов относительно дальнейшего пути России и судьбы Монархии в целом. Это время явило нам множество примеров мужественного и самоотверженного служения отдельных людей своей Родине в рамках разных идейных течений, к которым они принадлежали. Такими были либерал Павел Иванович Новгородцев и консерватор Константин Петрович Победоносцев. Оба они были государственниками и патриотами своей страны, хотя и принадлежали к разным политическим партиям. Они четко связывали государственность и патриотизм с религиозной культурой, мужественно отстаивали свои взгляды и не шли на уступки и соглашения.

П.И. Новгородцев (1866–1924) — юрист и философ, общественный и политический деятель России начала XX века, родоначальник школы возрожденного естественного права, борец за естественные права человека и правовое государство.

Все народы П.И. Новгородцев делит на два типа: одни подобны Древнему Риму и Англии в Новое время, другие похожи на древних евреев и Россию в Новое время.

Первый тип представляет собой народы, с завидным постоянством идущие однажды выбранным путем расширения власти, преумножения богатства и своей славы до тех пор, пока не иссякнут их внутренние силы. Они последовательны, спокойны и постоянны, а их цели ясны и просты.

Ко второму же типу принадлежат те, чей путь прерывен и непрямолинеен, а характер непостоянен и двойственен, их цели загадочны и сложны, и являются такие народы загадкой не только

для себя самих, но и для других. История таких народов полна взлетов и падений, и, поднимаясь, они вновь возрождались, поражая мир своей жизненной энергией и красотой. Так, «из глубины своего падения они приносят жажду покаяния и очищения от грехов», а в своих муках искания они «познают глубочайшие тайны жизни и смерти», а познавая Бога, они «живым и внутренним вчувствованием постигают Его присутствие в мире»<sup>1</sup>. Именно поэтому, согласно П.И. Новгородцеву, такие народы называют богоносцами.

Жизнь народов второго типа загадочна и тяжела, а судьба — более терпеть страдания от самого течения жизни, а не наслаждаться ее плодами, служить человечеству своим примером, не получая и не ища внешней практической выгоды. В таких народах живет и действует «непосредственное чувство тайны и величия Божия», и через эти народы другие получают «ценные дары, от которых обретает смысл и благодаря которым полна цветения человеческая жизнь». Так, духовная история русского народа состоит из взлетов и падений «в стремлении к высшей истине Бога»<sup>2</sup>. Именно вера в творчество народных масс и в созидательную силу революции, по мнению П.И. Новгородцева, и стала причиной такого глубокого падения России в котел мировой революции.

Но есть и другая вера в народ, основанная на традиции русского религиозного сознания, яркое идейное выражение которой, по глубокому убеждению П.И. Новгородцева, получила в творчестве Федора Михайловича Достоевского. Так, народ должен являться не предметом поклонения, «а только средой обнаружения народного духа»<sup>3</sup>. Следовательно, не народу нужно поклоняться, так как он может быть плох или хорош, а его святыням и идеалам. П.И. Новгородцев обращает внимание на то, что такую веру в народ можно назвать религиозно-мистической, но это не значит, что она не реалистическая.

---

<sup>1</sup> Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 379–380.

<sup>2</sup> Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 381.

<sup>3</sup> Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 432.

По мнению В.Н. Жукова, именно события революции в России заставили П.И. Новгородцева «критически посмотреть на Запад и обратиться к православию, а с ним — к национальным корням русского народа, архетипам его религиозного сознания»<sup>1</sup>. Особенностью русского народа, согласно П.И. Новгородцеву, является то, что в нем живут рядом, то, что можно назвать тоской по воле, и тоской по Богу. Тоска по воле, бывает, рвет все связи и законы — и человеческие, и божественные, переходя все грани и меры. Так русский человек становится на путь бунта, анархии и смуты. И в этой бездне «пустоты отрыва от всего святого и священного» просыпается в нем тоска по Богу, увлекающая его к «безмерному и бесконечному, но уже не отрицательному, а положительному»<sup>2</sup>. Такова русская душа.

Надо сказать, что А. Валицкий считает понятие «русская душа», часто используемое П.И. Новгородцевым в своих последних статьях, не более чем стереотипом, который, как и любой стереотип, содержит лишь крупицу истины. Использование же этого понятия, с его точки зрения, не иначе как с чрезвычайной осторожностью «может быть полезно для лучшего понимания интеллектуальной истории России»<sup>3</sup>, так как в этом словосочетании лишь односторонне отражаются черты исторически сложившегося русского национального характера. Но, по мнению А. Валицкого, мы должны помнить, что в истории национальный характер постоянно формируется и меняется, и неверно увековечивать его в таком понятии, как «русская душа». К тому же различные компоненты «русской души» или «русской традиции» имеются в истории других стран, хотя и в иных исторических формах. Напротив, для П.И. Новгородцева русская душа — это нечто объективно существующее, более того, он выделяет основные особенности религиозной психологии православной верующей души, такие как созерцательность,

---

<sup>1</sup> Жуков В.Н. Консервативно-религиозный идеал русского либерала: П.И. Новгородцев // *Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Общественные идеалы и реальное общество. К 150-летию со дня рождения П.И. Новгородцева*. М., 2016. С. 251.

<sup>2</sup> *Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Новгородцев П.И. Сочинения*. М., 1995. С. 433.

<sup>3</sup> *Валицкий А. Философия права русского либерализма*. М., 2012. С. 25.



смирение, душевная простота, радость о Господе, потребность внешнего выражения религиозного чувства, чаяние Царства Божия<sup>1</sup>.

Согласно П.И. Новгородцеву, религиозное исповедание — это не только некоторая система догматов и самих положений веры, но и «культурное творчество известного народа». Догматы веры отражаются как в сознании, так и в самой жизни отдельного народа, таким образом одна и та же религия разными народами усваивается по-разному. Так, православие является родной религией для многих народов, но и у единоверцев есть разница их религиозного сознания. Единые догматы различно усваиваются из-за разных национальных характеров и культурных типов. Особенностью же русского православия П.И. Новгородцев считает «верность Божественной своей первооснове и первоначальным апостольским и святоотеческим учениям»<sup>2</sup>.

П.И. Новгородцев акцентирует внимание прежде всего на том, что для русского человека в его созерцательности, то есть устремлении верующей души к Богу, при котором помыслы, стремления и надежды сосредоточиваются прежде всего на Божественном и небесном, главное в жизни определяется религией, а не моралью. Когда же происходит отпадение православного человека от религии, то он может склониться к бездне нравственного падения. Это, по мнению П.И. Новгородцева, свидетельствует, в какой мере русский человек «не может жить без религии и как все в православии держится религией»<sup>3</sup>.

В неразрывной связи с созерцательностью находится смирение, так как истинная обращенность души к Богу приводит к смирению, к сознанию ничтожества человеческих сил. Дух смирения, согласно П.И. Новгородцеву, является одной из важнейших основ религиозного сознания, которое пришло с Востока. Россия «имеет это великое счастье не только географически, но и духовно напо-

---

<sup>1</sup> См: *Новгородцев П.И. Существо русского православного сознания // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 414.*

<sup>2</sup> *Новгородцев П.И. Существо русского православного сознания // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 408.*

<sup>3</sup> *Новгородцев П.И. Существо русского православного сознания // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 415.*

ловину принадлежать Азии, в глубине своего религиозного сознания носит этот дух смирения, как один из главных даров своей древней веры». Простота душевная — это осознание того, что истина религиозная есть истина простая, которая дается в детской простоте души и простой наивной вере. Она в «смирненном преклонении пред тайнами величия Божия». П.И. Новгородцев обращает внимание на то, что и Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой одинаково были убеждены в том, что великие религиозные истины открываются лишь простоте душевной и «простому бесхитростному разуму народа»<sup>1</sup>. Именно из этой простоты душевной и вытекают идеальные представления о том, что простое народное сознание имеет способности находить пути к Богу.

Радость о Господе выражается в жизнерадостности и снисходительности к людям. Это чувство «обеспеченности в Господе». Из него возникает потребность внешнего обнаружения религиозного чувства. Это стремление проявить мысли и чувства свои к Богу через внешние знаки, символы и действия. В этом во всем скрывается «активный порыв верующей души, стремление ее выйти из себя и войти в общение с Богом», в этих внешних действиях скрывается «мистическое стремление преклониться, простереться перед Господом, возжечь пред ним пламень своей веры, приобщиться к Его милости и помощи, вымолить и выплакать эту милость и помощь»<sup>2</sup>.

Чаяние Царства Божия заключается в том, что православному религиозному сознанию не свойственно отождествление видимой земной Церкви с Царством Божиим. Царство Божие нельзя построить на земле, но вся земная жизнь должна быть наполнена мыслью об этом желаемом Царстве. Земная человеческая жизнь не может быть совершенной — нужно «стремиться и тяготеть к правде высшей» и «только освещая нездешним светом наши земные мысли и дела», только на этом желании Царства Божия и можно устроить правильно нашу жизнь.

---

<sup>1</sup> Новгородцев П.И. Существо русского православного сознания // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 418.

<sup>2</sup> Новгородцев П.И. Существо русского православного сознания // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 419–420.

Надо сказать, что П.И. Новгородцев считал Достоевского «величайшим представителем русского духа», в произведениях которого ярко выражено русское мировоззрение и глубинные основы русского права. На основе взглядов Достоевского Новгородцев заключает следующее: идеал высший общественных отношений — это внутреннее единство всех людей, которое достигается не принуждением или внешним авторитетом, а только Законом Христа, когда тот станет не чем иным, как внутренней природой человека. Единственно верный путь к идеалу — это «свободное внутреннее обновление людей и их внутреннее осознание их общей друг за друга ответственности и их всепронизывающей солидарности». Это обновление, или, иначе, осуществление общественного идеала, невозможно без Бога, так как оно может быть достигнуто «лишь милостью Божией как следствие веры и любви, возникающих в человеке Божией благодатью»<sup>1</sup>. Везде, где происходит в действительности нравственный прогресс, также происходит и осуществление дела Божия, которое может произойти и без воли человека силой высшей Воли и Самого божественного провидения.

Что касается права и государства, то они, согласно этим воззрениям, представляют собой только отдельные вспомогательные ступени этого развития, которые сами по себе слишком слабы и поэтому не могут преобразовать жизнь. Задача их состоит лишь в том, чтобы продвигать к действительному идеалу жизни общественной, который воплощен в Церкви и в ее «идеальном смысле, как месте внутреннего свободного сожития людей, освященном и поддерживаемом божественной благодатью». Таким образом, право непосредственно связано с нравственностью и подчинены они более высокому — религиозному закону, который образует не что иное, как норму социальной жизни. Так, данные принципы являются не чем иным, как «совершенным признанием и утверждением основ христианской религии»<sup>2</sup> и к тому же отрицают все основы классической западноевропейской философии права.

---

<sup>1</sup> Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 373–374.

<sup>2</sup> Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 374–375.

Истинное национальное чувство, согласно П.И. Новгородцеву, прежде всего, состоит в том, «чтобы ощущать душу своего народа, и его особый своеобразный лик». Русский человек должен всячески стремиться понять особые пути России и ее жребий и «разглядеть ее живую душу и ее призвание»<sup>1</sup>, помочь ей идти своим собственным путем для блага не только своего, но и всего человечества.

Надо сказать, что П.И. Новгородцев часто сравнивал Россию с Израилем времен Ветхого Завета, по точному замечанию Г. Флоровского, вовсе не потому, что считал русский народ «вторым богоизбранным народом, а потому, что видел в нем народ религиозно одаренный и в этом смысле народ-богоносец»<sup>2</sup>.

К.П. Победоносцев (1827–1907) — правовед, обер-прокурор Святейшего Синода, член Государственного совета, главный идеолог контрреформ Императора Александра III. По мнению К.П. Победоносцева, именно религия, главным образом христианство, является не чем иным, как духовной основой «всякого права в государственном и гражданском быту и всякой истинной культуры»<sup>3</sup>. Вера по своему свойству безусловна, то есть представляет собой некую идеальную конструкцию, не связанную ни с чем условным. Но в действительности же жизнь — это непрерывающаяся история не только падений, но и раздвоения между идеей и делом, верой и жизнью. Так, в этой непрерывной борьбе человеческий дух пребывает в равновесии за счет веры в идеальное и конечное единство и «дорожит такую верою, как первым и исконным сокровищем бытия своего»<sup>4</sup>.

К.П. Победоносцев был глубоко убежден в том, что существенные черты любого вероисповедания тесно переплетены с самой «психической природой каждого племени и с общими, сложившимися в нем, началами нравственного мирозерцания»<sup>5</sup> и это

---

<sup>1</sup> *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь // *Новгородцев П.И.* Сочинения. М., 1995. С. 439–440.

<sup>2</sup> *Флоровский Г.* Памяти проф. П.И. Новгородцева // *Флоровский Г.* Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 221.

<sup>3</sup> *Победоносцев К.П.* Церковь и государство // *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 225.

<sup>4</sup> *Победоносцев К.П.* Церковь и государство // *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 205–207.

<sup>5</sup> *Победоносцев К.П.* Церковь // *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего

все невозможно отделить друг от друга. Таким образом, самое важное, драгоценное в каждой религии неуловимо и сокрыто, едва различимо, неотделимо от ощущений, представлений и самих впечатлений отдельно взятого народа.

А.Ю. Полунов в своем исследовании подчеркивает, что для К.П. Победоносцева в социальной сфере огромная роль религии была не чем иным, как аксиомой. Анализируя и акцентируя внимание на роли религии в жизни общества, он «оценивал основы церковного учения с позиций своего мировоззрения, подчеркивая в первую очередь значение идей смирения, покорности, осознания ограниченности своих сил перед лицом высшего начала»<sup>1</sup>.

Согласно К.П. Победоносцеву, главной особенностью русского православия является то, что вера в нем не может быть отделена от самой жизни, к тому же верование личное не может быть рассмотрено отдельно от верования церковного, так как сама потребность личного верования содержится в *единении в вере* и именно в этой потребности оно и находит свое удовлетворение в Церкви. Все дела русского человека направлены не против веры и не в ее оправдание, а живет он по вере. Именно из этого и рождается осознание русской души, как не сходится с идеалами веры его собственная жизнь. Существо и цель своей веры русский человек полагает не в практической своей жизни, а в деле душевного спасения, и «любовью церковного союза ищет обнять всех — от живущего по вере праведника до того разбойника, который, несмотря на дела, прощен был в одну минуту»<sup>2</sup>.

Русскому человеку свойственна терпимость к разным вероисповеданиям. Конечно, заключает К.П. Победоносцев, не существует религии, свободной от склонности к фанатизму, и в русских людях иногда можно наблюдать некоторые случаи «исключительности и узкости церковных воззрений», но по природе своей русский человек никогда не сможет смотреть на мир религии глазами

---

времени. М., 1993. С. 233–235.

<sup>1</sup> Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 127.

<sup>2</sup> Победоносцев К.П. Церковь // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 238–239.

строного лютеранина. Особенностью русской православной церкви, согласно взглядам К.П. Победоносцева, является то, что в ней нет сословных и общественных различий: она построена на все-народные деньги, так, она «есть всенародное дело и всенародное достояние»<sup>1</sup> и нищий и вельможа чувствуют себя в ней одинаково, так как оба они знают, что это их церковь.

У русских людей К.П. Победоносцев выделяет один недостаток — это их страсть к подражанию. Русских людей увлекает красивая форма, сама организация, или же внешнее изображение какого-либо дела. Ни в коем случае нельзя забывать о том, что любая исторически образовавшаяся форма «выросла в истории из исторических условий и есть логический вывод из прошедшего, вызванный необходимостью». У каждого народа своя история, которую он не может переменить, сама история отдельного народа есть не что иное, как «произведение духа народного, подобно тому, как история отдельного человека есть в сущности произведение живущего в нем духа»<sup>2</sup>. Так, у любой формы есть своя духовная основа, и, прельщаясь внешним, русский человек часто забывает об этой, часто чуждой ему духовной основе.

К.П. Победоносцев обращает внимание на то, что именно своей православной верой русский народ «держится донныне посреди всех невзгод и бедствий»<sup>3</sup>. Уникальность русского православия именно в том, что в нем полностью устранено сословное различие и церковные служители не отделяются от народа ни в бытовой жизни, ни в добродетелях своих и не в недостатках, так как сами вышли из народной среды. В этом особая любовь русского народа к своей церкви, понимание ее как общего достояния и общего собрания.

Богослужбный же обряд русской православной церкви «прост и величественен в своем глубоком, таинственном значении». Весь он сам по себе, по мнению К.П. Победоносцева, может восприни-

---

<sup>1</sup> Победоносцев К.П. Церковь // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 247.

<sup>2</sup> Победоносцев К.П. Церковь // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 252–253.

<sup>3</sup> Победоносцев К.П. Церковь // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 253–255.

маться как проповедь, такая, что любой человек принимает ее не как человеческое, но Божие слово. Сам церковный идеал православной проповеди, именно как живого слова, есть не что иное, как учение веры и любви, от самого Писания, а не возбуждение чувств, как некоторое «необходимое действие каждого священнослужителя на собравшихся в церковь для молитвы»<sup>1</sup>.

Характерная черта же русского народа — это то, что можно было бы назвать религиозным отношением к мертвому телу, с любовью, нежностью и благоговением. Так, у русских людей «чувство любви, пораженное смертью, расширяется в погребальном обряде», а у иностранцев же, наоборот, это чувство любви «болезненно сжимается от того же обряда и поражается одним ужасом»<sup>2</sup>. Так, поклонение святым мощам совершенно естественно и просто, во всем согласно самой природе русской души.

К.П. Победоносцев обращает внимание на то, что православие на Руси едино, осмысленно и держится именно народом. В нем красота неописанная, но понятная русскому человеку, «красота, за которую он душу готов положить, так он ее любит». Русское церковное пение, хоть и взято от греков, но, как народная песнь, оно «льется широкой, вольной струей из народной груди, и чем оно вольнее, тем полнее говорит сердцу»<sup>3</sup>, потому что русский народ вложил в них всю свою душу.

Уникальность русского народа, по мнению К.П. Победоносцева, состоит еще и в том, что, несмотря на то, что народ в целом предоставлен сам себе и не учен, религиозная жизнь в нем представлена великим таинством. Во всех этих догматически невоспитанных умах каким-то чудесным образом, неизвестно кем, как это было в Афинах, воздвигнут алтарь Неведомому Богу; для них для всех, во всех их событиях жизни действительно присутствие Провидения, как абсолютно бесспорный факт, твердо укоренившийся в сознании, да так, что эти люди, которым, быть может, никто и

---

<sup>1</sup> Победоносцев К.П. Церковь // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 256–258.

<sup>2</sup> Победоносцев К.П. Церковь // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 258–260.

<sup>3</sup> Победоносцев К.П. Церковь // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 262–264.

никогда не говорил о Боге, когда к ним приходит смерть, «отверзают Ему дверь свою, как известному и давно ожидаемому Гостю. Они в буквальном смысле отдают Богу душу»<sup>1</sup>.

Таким образом, П.И. Новгородцев и К.П. Победоносцев, несмотря на свою принадлежность к разным политическим партиям, отмечают особый лик русского народа, вера которого не отделена от его жизни, а органично вплетена и согласована с ней. В.И. Шамшурин отмечает, что характерной чертой всей русской мысли является «поиск постоянства в изменчивости, на конкретном материале человеческой жизнедеятельности»<sup>2</sup>. П.И. Новгородцев и К.П. Победоносцев, рассуждая об особенностях русского православного сознания, обращают снова и снова наше внимание на то, что можно было бы назвать скрепами, основанием жизни русского человека, без которого он непременно погибнет.

---

<sup>1</sup> *Победоносцев К.П.* Вера // *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 269.

<sup>2</sup> *Шамшурин В.И.* Консерватизм и свобода. Краснодар, 2003. С. 322.



Никандров А.В.

## Американский гегемонизм и мессианская риторика

### I

Гегемонизм — внешнеполитическая установка государства и нации, подкрепленная и мотивированная соответствующей концепцией, в основе которой лежит непреложное убеждение в превосходстве — «чувство превосходства». Этот «идейно-чувственный» комплекс предызбранности к господству, божественного мессианского призвания, могущества и величия — выражается в непреодолимом стремлении к политическому преобладанию (в идеале — диктату) государства (империи, «сверхдержавы», глобального лидера и т.п.) над другими государствами и народами (в идеале — над всеми). Собственное «фундаментальное» первенство, «первородство» признается истиной, и эта «истина» получает отражение, а затем и оформление — не только идейно-концептуальное, но и нормативное. Этому сопутствует подъем *эйфорических* «настроений превосходства» избранной нации, своего рода «мессианский ажиотаж». Получает распространение циркуляция соответствующих идеологем и мифологем, которая, как правило, инициируется и поощряется самим государством, но взращивается и подпитывается из глубины народа, претендующего на достижение господства. Миссия (призвание, божественное избрание) нации «удостоверяется» знаменами и всяческого рода «манифестами» судьбы или бога, что выводит ее за пределы всякой критики и сомнений. В итоге миссия — уже не предмет рефлексий, споров и дискуссий, но — истина; и эта «истина» имеет такую силу, которая превосходит и легко деформирует, преобразует в «нужном» направлении любые факты и логику. Более того, факты могут быть легко обращены в пользу «истине», логика же «изначально» ей подчинена.

В случае обретения государством, претендующим на гегемонию<sup>1</sup>, силы и политического влияния комплекс превосходства порождает идеологию исключительности и всемогущества, которая, становясь государственной политикой, выражается доктринально. Политическое торжество государства при этом объявляется проявлением и свидетельством прежде всего превосходства нации (избранной Богом или призванной историей), а вовсе не достижением, результатом, вызванным экономическими, геополитическими и иными реальными факторами. Цель, постулируемая в одной доктрине или целой цепи доктрин, состоит в достижении для начала признания превосходства государства-гегемона теми государствами и народами, на которые оно «распространяется» (и квазидобровольного принятия «ценностей»), а также «заботы и контроля» со стороны гегемона, который «всего лишь» борется за признание); и окончательно — в установлении политического господства, экономического, культурного и, наконец, идейного доминирования.

Как показывает история, «логика гегемонизма» состоит в том, что государство — претендент на гегемонию — от лидерства «с элементами мягкого принуждения/убеждения» (т.е. от гегемонии в собственном смысле слова — «предводительство», которое носило бы легитимный или квазилегитимный характер) — всегда с железной необходимостью устремляется к установлению системы политического доминирования, подкрепленного военной силой; от *soft power* переходит к господству имперского типа, сокрушающего суверенитеты народов, навязывающего собственные стандарты. Претендуя на лидерство в сферах экономики и культуры, государство-гегемон изначально охвачено жадной политической диктатой, — и так гегемон превращается в диктатора. Фундаментальный принцип

---

<sup>1</sup> Не будет лишним посмотреть, что значит «гегемония» в греческом языке. Откроем словарь А.Д. Вейсмана. *Ἡγεμονία* — предводительство, начальство; господство, первенство (в политическом отношении), гегемония; 2) команда, отряд войска. *Ἡγεμῶν* — *собств.* идущий впереди, вожатый, проводник; 2) вождь, полководец, предводитель, повелитель, глава. *Ἡγεμοναί* — идти впереди кого-л., предшествовать, указывать дорогу, вести; начинать (какое-л. действие); 2) предводительствовать, начальствовать, командовать (войском); управлять, первенствовать (в политическом отношении); *вооб.* управлять, руководить; 3) полагать, считать, почитать. Как видно, «гегемония» — это и предводительство, лидерство; и руководство, начальство, командование.

гегемонизма таков: господство, лидерство, предводительство — возможны только на основе силы. Только сила — единственная безусловная и неоспоримая реальность в международных отношениях<sup>1</sup>. Любого рода *benevolent* (*good, gracious, generous*) *hegemony* (*emfrire, dominance*), добрая империя, справедливое доминирование — на деле принципиально невозможны (только на словах, в риторике). Доброта, прекраснотушие, щедротность могут быть оценены и приняты подконтрольными акторами только как проявление слабости, упадка<sup>2</sup>. «Добрый самаритянин всего мира» (выражение Генри Люса, автора эссе «Американский век») очень быстро превращается в злого и расчетливого филистимлянина<sup>3</sup>. Однако никакая и ничья сила не вечна, сила преходяща, она всегда расточается и рассеивается.

Гегемонизм был справедливо осужден ООН: 14 декабря 1979 года на 34-й сессии Генеральной ассамблеи ООН по инициативе СССР принята резолюция № 34/103 «О недопустимости политики гегемонизма в международных отношениях». Гегемонизм как феномен международной политики рассматривается и осуждается

---

<sup>1</sup> «На мировой арене, — говорит Алекс Бэттлер, — не существует никакой анархии. Вся система функционирует по законам международных отношений. <...> Если иметь в виду мировые политические и геостратегические отношения, они базируются на законах силы, которые определяют поведение любого актора, включая государства. Слабый не нападет на сильного, сильный стремится подчинить слабого. Сами силы зависят от экономической мощи акторов, которые, в свою очередь, упорядочивают иерархию своих взаимоотношений на мировой арене. Система международных отношений структурирована по силе, с ее четко обозначенными центрами и полосуами. Не правила, зафиксированные в международном праве, диктуют поведение акторов, а, наоборот, реальные весовые категории акторов определяют правила их поведения» (*Бэттлер А.* Мирология. Прогресс и сила в мировых отношениях. М., 2015. Т. II. Борьба всех против всех. С. 29–30).

<sup>2</sup> Так, в знаменитой книге-манифесте американского воинственного неоконсерватизма «Современные угрозы» (2000) от лица Америки провозглашается: «...Мы будем от случая к случаю вмешиваться за границей, даже если мы не сможем доказать, что на кону стоят узко национальные жизненные интересы Соединенных Штатов»; при этом неоконсерватизм предлагает не просто *не рефлексировать* над определением национального интереса, но даже и *не ставить такую проблему*, т.к. любое определение подобного рода связывает «свободу рук» для американской внешней политики (см.: *Рахмиров П.Ю.* Американские неоконсервативы и имперская идея // Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 13).

<sup>3</sup> См.: *Баталов Э.Я.* Русская идея и американская мечта. М., 2009. С. 264–265. О Генри Люсе см.: *Бонцевич Н.Н.* Пророк в своем отечестве: Генри Люс и «американский век» // Диалог со временем. 2009. № 27. С. 194–211.

при его совершенно негативном, разумеется, понимании. Он отождествляется с доминированием, господством, имперской политикой; рассматривается как атрибут империализма. Гегемонизм — это доминирование, он немислим вне силы: «...Гегемонизм как глобальный, так и региональный, осуществляемый в контексте политики разделения мира на блоки или отдельными государствами, выражается в угрозе силой или ее применения, иностранном господстве или вмешательстве»; гегемонизм — это вид «принуждения, направленного против суверенитета, политической независимости или территориальной целостности любого государства»<sup>1</sup>.

Основные черты гегемонизма, в определениях советских ученых, таковы: 1) *Милитаризм*. Гегемонизм «теснейшим образом связан с милитаризмом, гонкой вооружений, стремлением обеспечить себе военное превосходство, которое всегда рассматривалось гегемонистами как условие для достижения господствующего положения в регионе или в мире в целом»; 2) *Экономическое подчинение* — «экономические рычаги неокOLONиализма как средство закабаления и эксплуатации народов и государств»; 3) *Доминирование как отрицание принципа суверенитета*. Гегемонизм стремится «ограничить свободу народов определять свою политическую систему», он равнозначен «запугиванию и давлению»; «гегемонизм по самой своей сути является отрицанием принципа суверенного равенства государств, равноправного сотрудничества между ними, права государств и народов самостоятельно решать свои внутренние дела...». Поэтому гегемонизм в принципе «противоправен, противозаконен, недопустим»; 4) *Маскировка*, использование квазиобоснований для камуфлирования целей. Без «теоретического» флера и риторической мишуры гегемонизм — это все же откровенное стремление к господству. «Один из участвовавших приемов такой маскировки — ссылки на угрозу “национальной безопасности” и “жизненным интересам”». При этом выдвигаются заведомо гипертрофированные трактовки самого понятия “национальная безопасность”, а в сферу “жизненных ин-

---

<sup>1</sup> Резолюция 34–1 сессии Генеральной Ассамблеи ООН // [www.un.org/ru/ga/34/docs/34res.shtml](http://www.un.org/ru/ga/34/docs/34res.shtml).

тересов” произвольно включаются территории других суверенных государств и даже целых регионов»<sup>1</sup>.

## II

Эталонным примером состоявшегося гегемонистского государства — и это как нельзя лучше прочитывается в советской научно-политической рефлексии феномена гегемонизма — являются США. Гегемонизм вошел в плоть и кровь Америки. Гегемонизм — не эпизод истории США, но самая ее суть, сущностный атрибут Америки, так что вся ее история — это история длинной цепи гегемонистских доктрин — доктрина Монро, доктрина Кливленда, Трумэна, Рейгана<sup>2</sup>... Менялись идеологи и президенты, менялись доктрины, но оставался в силе изначальный «гегемонистский им-

---

<sup>1</sup> Гегемонизм: с эпохой в конфликте / Под общ. ред. С.Н. Морозова. М., 1982. С. 12–26.

<sup>2</sup> Важное обобщение относительно «доктринально-гегемонистского» внешнеполитического мышления американцев находим в работе В.И. Лана: «Во внешней политике США давно выработался своеобразный метод, прием, свойственный американской дипломатии и характерный для нее. Этот прием сводится к тому, что Вашингтон декларирует определенную доктрину в вопросах, жизненно важных для других стран и затрагивающих интересы третьих государств, не спрашивая ни тех, ни других. На основании односторонней декларации государственный департамент присваивает себе определенные международные права, требуя, чтобы другие государства признавали, соблюдали и уважали эти права» (*Лан В.И.* США в военные и послевоенные годы. М., 1978. С. 167). Особое, «доктринально-учительское» политическое мышление американцев имеет протестантские истоки, оно неразрывно связано с мессианским мировидением (раз уж Бог «предначертал» Америке вести мир в светлое будущее — логично, что он же «снабдил» ее и знанием пути). Важнейшая характерная черта политической доктрины — ее *обязательность*. Доктрина формулируется не как некий концептуальный синтез; это — концепция «руководящая», общезначимая в рамках страны (в случае Америки — также и мира). Доктрина высказывается с позиций обладателя истины, она не может быть не истинной и не может быть оспорена. Отсюда — политическое мышление американских политиков «посредством доктрин» и синдром учительства («lecturing»). «Свободные от ответственности, — говорит А. Шлезингер-мл., — мы стали мировыми моралистами. Декларации заменили дипломатию в качестве средства общения с другими государствами», — и приводит слова Герберта Кроули, американского политического философа первой трети XX века: «У американцев вошло в привычку провозглашать доктрины и политические курсы без какой-либо проработки их последствий, без необходимых механизмов их реализации и без учета протстекающего из них груза ответственности». В итоге внешняя политика становится «отраслью теологии» (*Шлезингер-мл. А.М.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 82, 111).

пульс». «Догмат» *Америки как идеала* состоял в том, что США — уже не только и не столько государство, но идеал политического устройства, и поэтому ее глобальная, абсолютная гегемония — даже не задача, поставленная политиками, не цель, предписанная доктринально, но назначение самой истории, воля Бога. Будущее мироустройство, исходя из всего этого и согласно идеям апологетов и «жрецов» американского величия, — это «полная гегемония» США во всемирно-историческом масштабе. И это грядущее состояние — законно, закономерно и неизбежно, ибо ведет ко всемирному единству человечества («всеединство человечества» по-американски). Идеал тут, в «согласии» с платоновскими политическими интуициями, безусловно предшествует практике, целям и интересам и определяет их. Идеологи и политики Америки полагали: если какая-либо страна и может в перспективе быть мировым гегемоном, то это — Америка. И это, с точки зрения адептов мировой американской империи, логично и необходимо, ибо раз Америка является идеалом политического развития — то вследствие этого воплощает все политические и иные идеалы в наибольшей степени (на самом же деле американские политические идеи и модели, формы, стереотипы и установки — совершенно чужды для России и Европы, да и для остального мира).

Вудро Вильсон, положивший начало практическому воплощению мечты о мировом господстве Америки и уверенный в то, что «миром правят идеалы», нисколько не сомневался и в том, что «только Америка является идеальной страной»<sup>1</sup>. Идеалов для мира не может быть больше одного, идеал — то есть США — единственный. «Заявив о себе на международной арене, — пишет Г. Киссинджер, — Америка не желала довольствоваться ролью лишь одного из многих государств, преследующих свои национальные интересы. Доктрина Вильсона отвергала такое моральное равенство, которое ставило бы Соединенные Штаты в один ряд с другими государствами. По Вильсону, у Америки более высокое нравственное призвание: переделать мир по своему образцу и подобию»<sup>2</sup>. Но чтобы «переделать мир»,

---

<sup>1</sup> Гершов З.М. Вудро Вильсон. М., 1983. С. 265.

<sup>2</sup> Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М., 2002. С. 274.

нужно стать его диктатором, а этот путь чреват, согласно предостережению Джона Куинси Адамса, «потерей духа»<sup>1</sup>.

Итак, США — и таково кредо приверженцев «всемирной Америки» — не *обладают* идеалом, но *являются* им. Эта догма в разных вариациях и ракурсах озвучивалась американскими мыслителями: так, Ричард Хофстедтер утверждал, что предназначение Америки — «не обладать идеологией, а быть таковой»; американский банкир Джеймс Пол Варбург говорил: «Мы будем рады стать гражданами мира, если только мир станет продолжением Соединенных Штатов»<sup>2</sup>; а Дин Ачесон, госсекретарь при Трумэне, сказал даже «еще лучше»: «Соединенные Штаты — паровоз человечества, а остальной мир — вагон этого состава»<sup>3</sup>. Так выходит, что Америка — не просто даже идеал, но вера, религия.

Гегемонистская мессианская доктрина всегда предполагает «идеологическое наступление» (часто вкуче с предварительным «культурным захватом»). Стремление доминировать зачастую камуфлируется «благими» целями (вроде «распространения демократии» или «защиты прав человека»); при этом государство-гегемон позиционирует себя как воплощение и оплот добра и гуманизма, — но гегемон не удерживается на грани лицемерия и «невольно» (на деле — вполне последовательно) переходит к наступательной риторике (не защита, но *насаждение* демократии, и т.п.) и соответствующей практике<sup>4</sup>. Наступательность — вот ос-

---

<sup>1</sup> Джон Куинси Адамс, 6-й президент США, пророчески предупреждал Америку, что, «единожды встав под чужие знамена, она безвозвратно вовлечет себя во все войны... которые, похитив знамя свободы, раскрашивают себя в его цвета. Основополагающие принципы ее политики безрассудно изменятся от *свободы к силе*... Она может стать диктатором мира. Она не будет более владеть своим собственным духом» (*Шлезингер-мл. А.М.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 133).

<sup>2</sup> *Престовиц К.* Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений. СПб., 2005. С. 304.

<sup>3</sup> *Лан В.И.* США в военные и послевоенные годы. М., 1978. С. 164.

<sup>4</sup> «Одно дело, — говорит И.М. Ильинский об Америке, — декларировать идеи свободы, демократии, справедливости... и совсем другое — претворять их на практике. Тут крайне важно соблюсти **меру** применения силы, что сделать невероятно сложно, ибо для этого нужны действительный гуманизм, огромный ум и мудрость, честность и долготерпие, уважение к иному мнению и многие другие добродетели, которых у этой страны нет» (*Ильинский И.М.* Америка и война // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. С. 15).

новой принцип «продвижения идеологии»: идеология превращается в орудие наступательной политики.

Политический мессианизм как теория и практика исходит из постулата, что история имеет свою цель и ее необходимо достичь. Обвиняя в мессианизме Сталина (и Руссо), Джейкоб Лейб Талмон в своей работе «Истоки тоталитарной демократии» определяет политический мессианизм как такой подход к политике, который «исходит из примата и эксклюзивности истины в политике» и «постулирует предопределенный, гармоничный и совершенный порядок вещей, к которому неизменно влечет человека и к которому он неизбежно прибудет»<sup>1</sup>. Талмон то ли не замечает, что именно Америка, исходя из «примата и эксклюзивности истины», совершенно открыто постулирует «предопределенный и совершенный порядок вещей», то ли в самом деле не может усомниться в истинности и эксклюзивности американского «примата»...

В своей слепой и безудержной вере в собственную «универсальность» и «истинность» Америка недалеко ушла от... якобинцев (недаром американских неоконсерваторов иногда называют «новыми якобинцами»). Вот Антонио Грамши пишет о мессианстве якобинцев, но мы без труда узнаем Соединенные Штаты: «Якобинство — это мессианское видение истории. Оно говорит всегда языком абстракций: зло, добро, угнетение, свобода, свет, мрак — все это существует для него как нечто абсолютное, общее, а не в конкретных, исторически определенных формах... Якобинство абстрагируется от этих конкретных форм человеческого общества... и рассматривает историю как договор, как откровение абсолютной истины, которая реализуется потому, что определенное число граждан доброй воли заключило между собой соглашение, поклялось претворить идею в действительность... Если события развертываются не в соответствии с заранее заданной схемой — кричат о предательстве, об отступничестве, предполагают, что их “естественный” ход извращен чьей-то злонамеренной волей. И из мессианского духа якобинцев, из их веры в открыв-

---

<sup>1</sup> Талмон Дж.Л. Истоки тоталитарной демократии // Тоталитаризм: что это такое? (Исследования зарубежных политологов). Сб. статей, обзоров, рефератов, переводов. М., 1993. Ч. I. С. 192.



шуюся им истину вырастает политическое требование насильственно подавить всякую оппозицию, всякую волю, которая отказывается присоединиться к общественному договору»<sup>1</sup>.

Совершенно ясно, что мало какое государство сможет согласиться с американским убеждением и догматом о собственной «идеальности» и универсальном мессианском значении политического устройства США. Отсюда — классическая общезападная (не только англосаксонская, надо заметить) «максима» насаждения идеала силой. Однако в биполярном мире американская сила сталкивалась с не меньшей, если не превосходящей, силой советского противоборства. В ходе идейной войны стороны взаимно обвиняли друг друга в гегемонизме.

### III

Обвинения, предъявляемые Америке со стороны Советского Союза, были вполне справедливы: идеологи США не скрывали, не хотели да и не могли скрыть своих гегемонистских планов. Но были ли хотя бы отчасти обоснованными обвинения в гегемонизме с обратной стороны? Ведь мессианизм, мессианская идея — атрибут империи<sup>2</sup>, как древних империй, так и квазиимперских блоков второй половины XX века — советского и американского. При этом американский мессианизм, начиная от его ранних идейных манифестаций вроде «Града на Холме» Дж. Уинтропа (1630), не прерывался, но и советский — был преобразованным русским имперским мессианизмом. Вспомним Н.А. Бердяева с его глубоким убеждением в том, что «мессианизм остается универсальной чертой русского менталитета, даже утрачивая религиозную основу»<sup>3</sup>, линией преемственности от Третьего Рима к Третьему Ин-

---

<sup>1</sup> Григорьева И.В. Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978. С. 40.

<sup>2</sup> Об атрибутах империи и о сверхдержаве как виде империи см.: *Рогов И.И.* Теория империологии. М., 2017. С. 113–115, 57–61.

<sup>3</sup> *Цельковский А.А.* Понятие русского мессианизма в философии Н.А. Бердяева: От Третьего Рима до Третьего Интернационала // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 3 (17). С. 110. И далее: «Ярким примером этого служит коммунистическая идеология. Н.А. Бердяев считал, что успех коммунистического учения обусловлен, прежде всего, его мессианским характером. Философ не просто проводит аналогию между мессианской идеей "Третьего

тернационалу; вспомним сталинскую идею Москвы как нового мирового мессианского центра<sup>1</sup>, а СССР — как наследника внушающей уважение имперской мессианской традиции.

Зачастую принято приравнивать гегемонизм к мессианизму или мессианизм сводить к гегемонизму; полагать, что мессианизм не может не предполагать «гегемонистского сопровождения»: как иначе, если не привлекая силу, продвигать мессианский проект?

XX век — век противостояния двух универсальных историософских мессианских идейных проектов — коммунизма и либерализма, центрами и высшими инстанциями каждого из которых были сверхдержавы-империи — СССР и США. Это — настоящая метафизическая война тотальных квазирациональных программ<sup>2</sup>. «Под предводительством России, — говорит А. Тойнби, — коммунизм вознамерился соревноваться с либерализмом за умы и сердца неза-

---

Рима» и коммунистической идеологией, он говорит о единых истоках русского религиозного мессианизма и русского коммунизма. По мысли Н.А. Бердяева, идеология Третьего Интернационала является духовной «наследницей» религиозной идеологии Третьего Рима» (С. 110–111).

<sup>1</sup> «Поскольку большевики претендовали на лидерство в мировой системе и преследовали универсалистские цели, — говорит Катерина Кларк, — Москва потенциально оказывалась центром нового, транснационального имперского образования, своеобразного нового «Рима». В известном смысле она уже являлась таковым, будучи вариантом сухопутной империи, прототипом которой и служит Древний Рим» (Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М., 2018. С. 21).

<sup>2</sup> В философско-историческом смысле и направленности, если вычесть риторику и некоторые специфические черты, *проекты* были во многом сходны (чего никак не скажешь о самих мирах — Pax Sovietica и Pax Americana). Так, читаем у Бжезинского: «...Коммунизм представлял собой ложно направленное усилие навязать общественным явлениям тотальную рациональность. Он исходил из представления, что грамотное, политически сознательное общество может осуществлять контроль над общественной эволюцией, направляя социально-экономические перемены к заранее намеченной цели. Так, чтобы история уже более не была просто спонтанным, преимущественно случайным процессом, но стала бы орудием коллективного разума человечества и служила бы моральным целям. Таким образом, коммунизм помогался слияния посредством организованных действий политической рациональности с общественной моралью» (Хлобустов О.М. Неизвестный Андропов. М., 2009. С. 158). Если подкорректировать лексику, заменив отрицательные оценочные слова («ложно», «тотальную», «домогайся») — на положительные («правильно», «всеобщую», «чаяя»), получится теоретическое описание вильсоновского либерального универсализма, и так сакральная «идеологическая бездна», разделяющая СССР и США (Ф.Д. Рузвельт), представляется уже не столь глубокой.

падного большинства человечества, которое еще не предавалось ни одному из этих двух соперничающих жизненных путей. Российский коммунизм также бросает Вызов либерализму на его родной земле, в западных странах. До 1917 г. Запад обращал весь мир в идеологию духовной западной революции XVII века. С 1917 г. Запад начал обороняться от идеологического контрнаступления»<sup>1</sup>. Наступление, оборона, контрнаступление — военная лексика, используемая Тойнби, не может не обращать на себя внимания (как и надменное «вознамерился»). Безусловно, американский мессианизм не «хотел» да и не «мог» терпеть любых конкурентов (то же верно и в отношении советского коммунистического мессианизма); а поскольку единственным реальным доктринально-мессианским оппонентом Америки был СССР, — то именно здесь, в этой «мессианской ревности», следует искать причины неприятия коммунистической идеологии и доктрины — и в более широком смысле — американской русофобии<sup>2</sup>. Не следует, конечно, забывать, что если в сфере высоких идей мессианизм ревностен и не терпит соперников, то в реальной действительности «два мессианизма» — советский и американский — даже с учетом «риторизации» первого в начале 60-х годов, вполне успешно сосуществовали и своей взаимной бинарной оппозицией формировали и структурировали глобальный общественно-политический дискурс (равно как и глобальную политическую структуру).

Для реализации «метафизических» идей, безусловно, требуется силовое сопровождение, но идейный и силовой компоненты не следует смешивать: одно дело — объявление своей страны идеалом политического устройства и мессианским центром (СССР, как и США,

---

<sup>1</sup> Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 93.

<sup>2</sup> Исходя из этого, сложно не согласиться с В.Ю. Крашенинниковой, которая утверждает, что «никакая другая держава, кроме Советского Союза и России, не противопоставляла Америке идеологию, способную конкурировать с американской. Идея "коммунизма во всем мире" или идея России как Третьего Рима представляли собой правдоподобную в некоторые моменты истории альтернативу миссии Америки. Никакая другая держава не ставила цель, столь близкую к американской сверхидее — "спасению мира". Но двух спасителей у мира быть не может. Мессианство — вот истинный предмет конкуренции для Америки в случае с Россией. В этой области Америка не терпит соперников» (Крашенинникова В. Россия — Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М., 2007. С. 306).

полагал себя именно таким), другое — энергичное, «вооруженное» распространение идеала, «наступательный идеализм». Но ведь мессианскую риторику победы коммунизма во всем мире сложно назвать мирной (да и как быть мирными, если идет идейно-политическая война?), к тому же отнюдь не каждое государство согласится и с советским убеждением и догматом о торжестве идей коммунизма и универсальном значении социалистической практики. Не признать ли правоту американских обвинений советской стороны в наступательности, в гегемонизме не меньшей, а то и большей степени? В самом деле, ведь речь идет о двух воюющих между собой идеалах, о «двух мессианизмах», и оба стоят друг друга.

Обвинения американцев в «контргегемонизме» СССР признать нет оснований. Дело в том, что СССР уже в процессе своего становления сверхдержавой отказывается от «энергично-силового» распространения коммунистических идей и от «насаждения социализма». С введением же в третью Программу партии и соответственно в политико-идеологический оборот СССР понятия «общенародное государство» на XXII съезде КПСС (1961) СССР, по сути дела, на уровне важнейшего, уставного государственного документа объявил о безусловном отказе от своей прежней наступательной риторики диктатуры пролетариата и пролетарского интернационализма.

На XXII съезде КПСС происходит неожиданный и весьма резкий разрыв с прежними теоретико-политическими и идеологическими конструкциями, базирующимися на политической теории Маркса, Энгельса и Ленина. В новой Программе КПСС, принятой на этом съезде, говорится: «Обеспечив полную и окончательную победу социализма — первой фазы коммунизма — и переход общества к развернутому строительству коммунизма, диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР. Государство, которое возникло как государство диктатуры пролетариата, превратилось на новом, современном этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа»<sup>1</sup>. Соответственно, в проекте новой Конституции (1964)

---

<sup>1</sup> Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 396.

предполагалось провозгласить: «Все предшествующие конституции были конституциями государства диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР. Государство диктатуры пролетариата превратилось на новом этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа»<sup>1</sup>.

Совершенно ясно, что в смысловой континуум концепта общенародного государства не может не входить момент отрицания концепта «мировой революции», который в «реальной идеологии» СССР плавно перемещается на периферийно-исторический фон и риторизируется. Общенародное государство, при всей торжественности и респектабельности термина, с геополитической точки зрения — государство по определению ограниченное, не предполагающее цели распространения себя вовне. Тут можно усмотреть «двойное самоограничение» — со стороны народа и со стороны государства: оба этих понятия, при всей расплывчатости первого, включают в свой смысл достаточно строгие границы. Советское руководство как бы подписывалось под словами Руссо, убийственными для всякого мессианизма: «Для всякого политического организма существует максимум силы, которого оно не должно было бы превышать...»<sup>2</sup>; мессианизм же предполагает, что с момента утверждения «все-исторической» идеи сила ее более не кончится: эта сверхисторическая идея и есть бесконечная сила.

Отказ от марксистских догматов мировой классовой борьбы и всемирной пролетарской революции был *намечен* уже в конце 40-х годов: новая Программа партии, принятая на XXII съезде, восходила к тексту Проекта, разработанному под эгидой И.В. Сталина и при непосредственном руководстве А.А. Жданова летом 1947 года (документ был готов к концу августа этого года). Именно в этом тексте появляется концепт «всенародное государство», а также заявляется об исчерпании диктатурой пролетариата своей историче-

---

<sup>1</sup> Конституция СССР. Основной закон. Проект. 1964 год // Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 399.

<sup>2</sup> Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М., 1938. С. 39.

ской миссии (помимо иных, достаточно важных нововведений)<sup>1</sup>. Этот концепт, наряду с программным оформлением тезиса о существовании двух систем и тезисом о построении коммунизма в довольно близкой перспективе, — можно рассмотреть как три планируемых сталинских идеологических контрудара в ответ на идейно-политическую атаку Запада 1946–1947 гг. («Длинная телеграмма» Кеннана, его же статья «Истоки советского поведения», уже в названии которой звучат менторские нотки («плохое поведение!»), Фултонская речь Черчилля<sup>2</sup>, доктрина Трумэна). Концепция всенародного (общенародного) государства была ответом советского руководства на американскую доктрину «сдерживания коммунизма»: если это пресловутое «сдерживание коммунизма» и может быть вписано в доктринальную логику противоборства сверхдержав, то «сдерживание народа» — это уже нарушение западной политической логики. (Другой вопрос, насколько адекватен такой ответ, насколько эффективен такой идейный контрудар; к тому же американские идеологи и доктринеры «сдерживания» едва

---

<sup>1</sup> Подробно об этом см.: *Никандров А.В.* Руссоизм или марксизм: к проблеме философско-политических истоков концепции общенародного государства в СССР // Историко-философский альманах. Вып. 6 / Филос. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2018. С. 161–190; *Никандров А.В.* От диктатуры пролетариата к общенародному государству: «ликвидация догматизма» или ревизионизм? // Философия и общество. 2018. № 1. С. 18–36.

<sup>2</sup> Надо сказать, что «манифесты» Кеннана и Черчилля были важны не столько своим — довольно тривиальным — содержанием, сколько тем, как они были представлены общественности; тем, что вокруг них были организованы мероприятия рекламного сопровождения. И Кеннан, и Черчилль были не прозорливыми провозвестниками поворота в глобальной политике или какими-то особо одаренными аналитиками, но «приглашенными звездами», а их «бенефисы» — хорошо спланированными акциями. Что касается текста «длинной телеграммы» Кеннана, то, как справедливо утверждает Л.Н. Доброхотов, помимо театрального способа подачи, «самым важным и удивительным аспектом этого претендовавшего на откровение и вершину интеллектуализма документа... является проявленное в нем удивительное... невежество автора в знании и понимании российской и советской истории, идеологии и истоков проводимого и грядущего политического курса. Вопрос состоял лишь в том, действительно ли Кеннан тогда не знал (не понимал) того, о чем писал, или это была специально продуманная фальсификация и примитивизация в расчете на достижение максимального эффекта в глазах еще более невежественных в этих вопросах высокопоставленных читателей в Штатах» (*Доброхотов Л.Н.* Джордж Кеннан: печальный пророк трагической эпохи. М., 2014. С. 84).

ли могли поверить в добровольную «сдержанность» СССР, ибо иначе как в экспансионистском ключе сами мыслить не могли.)

Конечно, в некотором смысле Проект 1947 года можно рассматривать в логико-политическом ключе союзнических отношений до начала холодной войны если говорить словами американцев, это — рузвельтовская установка на «перевоспитание» СССР<sup>1</sup>. Однако учитывая, что Проект составлялся в 1947 году, когда от «рузвельтовской логики» мало что осталось и всю действовала уже противостоящая логика надвигающегося глобального противостояния систем (появился и соответствующий «термин» — «холодная война»), действовать в старых рамках было заведомо непродуктивно. Это прекрасно сознавалось Сталиным и отображалось в выступлениях и идеологических документах (в том числе в тексте самого проекта Программы партии); равно как и американской стороной, — и так получается довольно противоречивый концептуальный казус: проект Программы партии составляется в *«старом»*, *«национально-патриотическом ключе»* (или, если посмотреть с другой стороны, — *«рузвельтовском»*) — но в *новых обстоятельствах*, требующих скорее усиления интернационалистской риторики диктатуры пролетариата, нежели отказа от этого постулата и замены его римско-русоистским концептом «всемирное государство». Как только Трумэн занял кресло президента США, практически сразу же начался «идейный артобстрел» Советского Союза (по иронии

---

<sup>1</sup> Около 1944 года, как рассказывает В.О. Печатнов, «большой резонанс в США получили известные шаги советского руководства по “национализации” сталинской модели в годы войны — примирение государства с церковью, роспуск Коминтерна, перестройка вселенско-большевистской идеологии и символики в более традиционном национально-патриотическом ключе. Все это вместе взятое приводило к новому взгляду на природу и перспективы советской системы, которая все чаще стала рассматриваться как “переросшая” свою революционную стадию и постепенно превращающаяся в подобие нормальной великой державы с легитимными национальными интересами и рациональными мотивами поведения. <...> Рузвельтовская стратегия “перевоспитания” СССР через его постепенную интеграцию в мировое сообщество (“семью народов”, по словам президента) предполагала признание законных интересов безопасности Советского Союза и его самого в качестве одной из великих держав — учредителей нового миропорядка, недопустимость новой изоляции СССР» (Печатнов В.О. От союза — к холодной войне: советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М., 2006. С. 6–7).

истории, сам Трумэн был в прошлом артиллеристом). Все эти действия и риторика наших «оппонентов» подталкивали советское руководство в привычную колею логики классово-борьбы, а «враждебный вызов извне усиливал и без того мощный мобилизационный потенциал советской системы, способствуя напряжению народных сил и придавая смысл приносимым жертвам»<sup>1</sup>. Так «сдерживание» в специфическом американском исполнении (т.е. жесткое противодействие) стало скорее стимулирующим, мотивирующим фактором для СССР<sup>2</sup>. В общем, был ли Проект 1947 года замыслом асимметричного идеолого-политического ответа СССР на идейные атаки американцев («опережающим ударом», тактическим приемом «улучшения имиджа» СССР); «теоретическим умиротворением» США, в расчете на определенные ответные уступки<sup>3</sup>; или непросчитанным, ошибочным ходом (и потому не был принят) — простой и однозначный ответ на этот вопрос вряд ли будет найден. В любом случае очевидно, что проект Программы партии 1947 года практически не вписывается в «трумэновскую» логику холодной войны<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Печатнов В.О. Возвращение в Фултон // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 2. С. 19.

<sup>2</sup> Сдерживание порождает «контрсдерживание», и нельзя сказать, что этого не понимали в Америке. Так, американский политик Честер Боулз утверждал, что «чем более сильный нажим оказывается на Советский Союз, тем сильнее сплотится его народ вокруг своих лидеров» (см.: Вильямс В.Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960. С. 183).

<sup>3</sup> Ю.П. Бокарев выдвигает и обосновывает предположение, с которым крайне сложно согласиться. Суть — в том, что советские идеологические уступки непосредственно связаны с ожиданиями относительно участия СССР в реализации плана Маршалла (кредиты): «Ради этого сотрудничества СССР был готов пойти на серьезные политические и идеологические уступки. Предстояло создать новый политический имидж СССР, который должен был предстать перед Западом не как «авангард мировой революции», а как миролюбивое и цивилизованное государство, надежный партнер и участник мирового сообщества. В этих целях пересматривалась и революционная символика и атрибутика. <...> В том же направлении велась подготовка проектов новой Программы ВКП(б), предусматривавших демократизацию советского общественного строя и мирное соревнование двух социально-экономических систем и всестороннее развитие международного сотрудничества» (Бокарев Ю.П. Еще раз об отношении СССР к плану Маршалла // Отечественная история. 2005. № 1. С. 86).

<sup>4</sup> «Трумэновский» — или «антирузвельтовский» — подход был концептуально исчерпывающе оформлен Кеннаном: «В концептуальном плане выводы Кеннана до-



Итак, разрыв с коммунистическим мессианизмом был намечен не Хрущевым, а Сталиным, причем уже с середины 30-х годов — это ясно из логики и решений XVII съезда партии (1934) и VII конгресса Коминтерна (1935). В официальной риторике советский патриотизм заметно вытесняет интернационализм («пролетарский космополитизм», или «пролетарский глобализм»), но не заменяет его всецело; интернациональная риторика, во всяком случае, внутри страны, становится «фоновой» (принцип пролетарского интернационализма, можно сказать, подвергается риторической утилизации); а классовая — несколько (поначалу не слишком сильно) сниженной.

Конечно, немарксистское нововведение в рамках марксистской риторики могло быть совершено Сталиным, для которого марксизм не был ни догмой, ни руководством к действию. Руководством к действию для Сталина были интересы государства: Сталин, пишет А. Шлезингер-мл., «отнюдь не был безвольным пленником идеологии. Он считал себя не столько учеником Маркса и Ленина, сколько равным им пророком. ...В его власти было переписать коммунистическую доктрину»<sup>1</sup>. Ясно, что интересы государства несопоставимо выше «интересов теории»: марксизм, поставленный Сталиным на службу СССР, стал *орудием, оружием* государства (понятно, что при этом не следует забывать, что любое оружие — ничто без умения с ним обращаться). Нет спора и о

---

вершали формулирование антитезы рузвельтовскому подходу к СССР: имманентная агрессивность советской системы (вместо рационального поведения великой державы), "неисправимость" советского поведения (вместо эластичности мотивов СССР) и как следствие — ставка на "слом" или "размягчение" этой системы под действием превосходящей силы (вместо ее постепенной интеграции в мировое сообщество)» (Печатнов В.О. От союза — к вражде (советско-американские отношения в 1945–1946 гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 52).

<sup>1</sup> Шлезингер-мл. А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 292. Следует согласиться с Ф.Г. Войтоловским в том, что «ленинско-сталинский коммунизм» в СССР «оказался не столько практическим воплощением политико-экономических идей К. Маркса, Ф. Энгельса... сколько представлял собой выросшую на основе марксистских идей самостоятельную идеологию... Эта идеология впитала в себя массу национально-культурных и социально-психологических наслоений, характерных только для нашей страны» (Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка. 1940–2000-е годы. М., 2007. С. 80).

том, что советское (как и любое другое) государство не могло идти вслед за максимами и постулатами марксистско-ленинской (как и любой другой) теории, подчиняясь идеям и текстам. Однако если говорить о концепте «всенародное государство», то речь шла о кардинальном изменении генеральной линии позиционирования СССР в мире и *истории*: введение этого положения имело совершенно ясные последствия, международные по преимуществу, и вот в чем дело. Если пролетариат — мессианский класс, субстанциально единый в масштабе всего мира и в соответствии с учением Маркса и Энгельса обладающий историческим призванием и сверхисторической (почти божественной) целью, имеющий всечеловеческое значение, — то народ не имеет в марксизме такого статуса; да и в принципе народ, как один из многих народов, хотя и *может обладать* мессианским потенциалом, *сам* не ставит перед собой метаисторических задач, не выходит за «исторический горизонт»; мессианизм не является фундаментальным атрибутом народа.

Сталин не делает решающего шага — проект партийной программы 1947 года был отправлен в архив, где и пребывал до тех пор, когда Хрущев не решил его реанимировать. Сталин понимал, что мессианизм — то же оружие и отказаться от него — значит его лишаться, разоружаясь перед геополитическим противником и западной публикой. Любые «плюсы» не могут покрыть таких издержек, и вождь Страны Советов остался в прежней доктринальной системе диктатуры и глобального мессианизма пролетариата<sup>1</sup>. Видимо, «плюсы» от ликвидации «метафизического орудия» были сочтены Хрущевым достаточно весомыми, чтобы перевесить потерю столь грозного орудия<sup>2</sup>. Однако в принципе ясно, что любого рода

---

<sup>1</sup> Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что «демократизация» (на деле — руссоизация) государства была бы пусть и косвенным, но все же ударом, и не самым слабым, по личной власти Сталина, и это при том, что после войны, по словам В.О. Печатнова, «дальнейшие эксперименты с уже отработанным режимом личной власти вряд ли входили в его планы», к тому же «предстояло мобилизовать народ на новые гигантские усилия и лишения, связанные с послевоенным восстановлением и наращиванием военно-промышленного потенциала страны» (*Печатнов В.О. От союза — к вражде (советско-американские отношения в 1945–1946 гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв.ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 48).*

<sup>2</sup> Или же — наоборот — руководство (как в лице И.В. Сталина, так и впо-

«доктринальное умиротворение» Америки заведомо обречено на провал: ответные уступки, если и могут быть, то незначительные; улучшение же отношений — кратковременным и ненадежным, тогда как потери — очевидны. Поэтому в любом случае «уступка» в виде принесения в жертву диктатуры пролетариата — очень странный способ улучшения имиджа советского государства.

Является ли отказ советской сверхдержавы от «духа марксизма» (т.е. от догмата о пролетариате как о мессианском классе) отказом и от марксистской *риторики*? Ясно, что нет. Формирование мировых блоков требовало, по большому счету, конкретизации содержательных аспектов советской идеологии и политической догматики — великодержавность должна была «вновь» уступить лидерство марксистской, классово-риторике противоборства мирового социализма и мирового же империализма. Выходить на арену идеолого-политического противостояния, будучи центром советско-коммунистического блока, нашему государству следовало с признанным и апробированным идеологическим арсеналом — идеями марксизма, понятными и для «своих» (мировая система социализма), и для противников (мировая система капитализма).

---

следствие Н.С. Хрущева) — посчитало страну достигшей такой силы, что можно вполне позволить рискованные идеологические эксперименты. В этом плане новый государствовцентризм, или государственный универсализм, вводимый взамен пролетарского интернационализма, выражал смену «носителя мессианства»: вместо полумифического мирового пролетариата им становился советский народ и государство. Пролетарский мессианизм мог быть сочтен слишком «слабой» идеей, не соответствующей величию советской сверхдержавы, тогда как идея всенародного государства содержала двойную референцию: концепт римской *res publica* подчеркивал *величие СССР*, а обращение к Руссо акцентировало *демократизм* и *связь с просвещенческой парадигмой*; к тому же «всенародное государство» звучало *эстетически* корректнее «диктатуры пролетариата». Таким образом, речь идет не об умиротворении, уступках, «торге», но о том, что государство стало мыслить *себя* в силе стать знаменосцем миссии, и «диктатура пролетариата» попросту стала излишней (а марксизм — второстепенен). При этом совершенно логично положить, что Сталин и Хрущев следовали одной политической логике в утверждении нового основного принципа советского государства: это ясно, собственно, из статуса самого принципа. Новый же доктринально-политический императив неизбежным образом создает и новый общественно-политический дискурс, и этот дискурс — уже не марксистский (в лучшем случае, как оно и произошло, квазимарксистский).

Следует поставить вопрос: правомерно ли сводить программные инновации советской компартии исключительно к геополитическим реалиям и обстоятельствам? Не следует ли обратиться прежде к собственной логике развития советской идеологии и доктринального оформления? Не здесь ли следует искать причины для существенных программных изменений? Представляется, что «геополитическая редукция» правомерна безусловно, и вполне достаточным (но не единственным, конечно) доказательством может служить как раз явный «контрмарксистский» характер концепта «всенародное государство». В самом деле, маловероятно, что Сталин *был способен* прервать собственную, то есть марксистско-ленинскую логику советской общественно-политической мысли из-за любых, даже существенных, *внутренних* обстоятельств, в том числе и теоретического плана. Особенно характерно ничем не сглаживаемое противоречие всенародного государства и правящей партии<sup>1</sup> — ясно, что введение столь спорной новации, чреватое весьма серьезными последствиями, могло быть оправдано только возможностью *кардинальных* благоприятных геополитических прорывов, ничем иным (и тут проект неплохо держать под рукой — вдруг такие возможности предоставятся).

С постулированием концепта общенародного государства СССР, по сути дела, с 1961 года переставал быть мессианским центром, метрополией коммунистической империи, отказался от своей мессианской исключительности, превратившись в обычную («банальную») сверхдержаву. Советская внешнеполитическая риторика *была лишена наступательности*, гегемонизм же невозможен без наступательного мессианизма, без агрессивной уверенно-

---

<sup>1</sup> Анализ послевоенной советской периодики приводит А.В. Пыжикова и А.А. Данилова к интересному выводу: «На ее страницах значительно реже упоминалось о руководящей и направляющей роли коммунистической партии, а приоритеты были явно смещены в пользу государства как решающей силы, способной направлять все развитие советской державы, силы, нуждающейся в постоянном и всестороннем укреплении. На наш взгляд, в этом состояло сталинское видение властного устройства в целом, где государство в лице возглавляемого им правительства сосредоточивало реальные рычаги управления, все оперативное руководство социально-экономической и культурной жизнью и выдвигалось на передовые позиции во властной иерархии» (*Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002. С. 169–170*).

сти в предназначении, избранности, исключительности<sup>1</sup>. Отказ от гегемонии равнозначен гибели империи: так, И.И. Рогов говорит, что «гегемония — опасная штука: она не прощает оступившихся. Та империя, которая отказалась от достижения гегемонии, утрачивает лидерские позиции, и в конечном счете, гибнет...»<sup>2</sup>.

Конечно, Америка, оправдывая свой безудержный наступательный гегемонизм, не могла не обвинять своего геополитического оппонента в том же самом. Вот Джеймс Бернхэм в «Грядущем поражении коммунизма» зловеще витийствует: «Коммунисты хотят разрешить мировой кризис путем создания Всемирного Союза Социалистических Советских Республик, т.е. коммунистической Мировой Империи». Он «предрекает», что «мировая победа коммунизма означала бы гибель всех ценностей, которые были веками созданы и лелеяны как нашей западной цивилизацией, так и великими цивилизациями Востока». Где же выход, кто спасет «цивилизацию»? И Бернхэм предсказуемо отвечает: «...Единственной серьезной альтернативой коммунистической Мировой Империи является другая мировая федерация, некоммунистическая... Как мы уже сказали, никакая мировая федерация в наше время не может быть создана добровольно. — Помимо коммунистов одни только США имеют достаточно сил для того, чтобы осуществить федерацию принудительно»<sup>3</sup>.

Америка, исходя из собственной логики, не могла воспринимать советский коммунистический проект иначе как экспансионистский и гегемонистский (или, просто говоря, имперский), видела в своем геополитическом оппоненте себя. Так, тот же Дж. Кеннан, по словам Динеша Д'Сузы, «выступал за создание прочной преграды советскому экспансионизму, с тем, чтобы его рост был остановлен. Целью, как видел ее Кеннан, было не просто

---

<sup>1</sup> В жизни и в политике нет ничего старого, что не стало бы новым: вот, теперь Америка, обвиняя Россию в восстановлении «советского гегемонизма», «возрождении Pax Sovietica», приписывает ей собственные же установки, собственный взгляд на мир (впрочем, по-другому мыслить американские «идеологи и стратеги» не могут).

<sup>2</sup> Рогов И.И. Теория империологии. М., 2017. С. 137. Впрочем, продолжает ученый, «та, которая достигает гегемонии, все равно гибнет, только под грузом одиночества своей власти»...

<sup>3</sup> Бернхэм Дж. Грядущее поражение коммунизма. Франкфурт-на-Майне, 1951. С. 29–31.

ограничить разрастание СССР, но низложить саму советскую империю. Кеннан утверждал, что экспансия необходима империям для выживания. Если удерживать их в их границах, они рухнут»<sup>1</sup>. Тот же Дж. Бернхэм, демонстрируя, что мыслить может только в гегемонистском ключе, пишет, что «господство над целым миром стало возможным и попытка осуществить его будет сделана»<sup>2</sup>.

#### IV

В идейной структуре американского мессианского комплекса превосходства можно различить два исходных концепта — исключительность-богоизбранность и имперское мировидение, исходящие из экспансионистской сущности Америки. Эти базовые концепты, как и исходный пункт — экспансия, изначально связаны с демократической риторикой, прикрывающей и эвфемизирующей сугубо американский индивидуализм.

Экспансионизм — это исходная реальность. Апологет имперской Америки, неоконсерватор Роберт Кейган говорил: «Американцы являются и всегда были экспансионистским народом. Начиная с первых пуритан и вплоть до окончания XIX в. американцы были агрессивными территориальными экспансионистами, добивающимися рынков и ресурсов повсюду, где их только можно найти, и они всегда были готовы использовать силу, когда это было необходимо для достижения своих экспансионистских целей». Тем же, кто предлагает Америке отойти от своих базовых экспансионистских принципов, Кейган от лица американцев отвечает, что «нам не следует пытаться остановить распространение наших принципов и нашего влияния», ибо «мы не смогли бы остановить это, даже если бы захотели, потому что идеологическая экспансия

---

<sup>1</sup> Д'Суза Д. Америка: Каким мир был бы без нее? М., 2015. С. 263.

Л.Н. Доброхотов, подчеркивая неискоренимое экспансионистское мировидение Кеннана, пишет, что тот «упорно доказывал в 30-е годы, что рост экономической мощи СССР с учетом идеологии коммунизма и наследия царизма неминуемо ведут нашу страну к внешней экспансии, причем именно против западных цивилизаций» (*Доброхотов Л.Н. Джордж Кеннан: печальный пророк трагической эпохи.* М., 2014. С. 34).

<sup>2</sup> Бернхэм Дж. Грядущее поражение коммунизма. Франкфурт-на-Майне, 1951. С. 24.

в нашей ДНК»<sup>1</sup>. Воспевая силу, Кейган, как любой уважающий себя неокон, даже не пытается «альтруизировать», «оправдать» наступательность американской политики обычными эвфемизмами вроде «свободы», «демократии», «альтруизма». В своем воспевании экспансии силы неокон, по сути дела, отвергают даже риторику «долга», «ответственности» (*manifest duty*)<sup>2</sup>, оставляя *силу* единственным аргументом (как оказалось, аргументом довольно *слабым!*); так что тут бледнеет даже Трумэн с его самодовольно-хвастливым высказыванием — «Нравится ли это нам или нет, мы все должны признать, что победа, которую мы одержали, возложила на американский народ постоянное бремя ответственности за руководство миром»<sup>3</sup>.

Как могут быть связаны демократия и экспансия? Логика американских идеологов «экспансии демократии» проста: расширение пространства демократии — это увеличение «пространства свободы» (или «зоны свободы»<sup>4</sup>), т.е. дело «благое», и для достижения цели «распространения демократии» можно использовать весь спектр методов экспансии — вплоть до применения силы. «Президенты-демократы Т. Джефферсон и Э. Джексон обосновали необходимость широкой экспансии на Североамериканском континенте, при этом особо подчеркивая, что такая экспансия оправдана необходимостью распространения американского демократического эксперимента и способствует укреплению демократии среди населения самих штатов... То есть территориальная экспансия рассматривалась как основа упрочения и развития демократии», — пишет В.В. Согрин, — а «доминирующим обоснованием территориальной экспансии стала именно демократическая аргументация»<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Рахимир П.Ю. Американские неоконсерваторы и имперская идея // Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 22–23.

<sup>2</sup> Ответственность американцы понимают весьма своеобразно: так, А. Шлезингер-мл., приводя слова Джими Картера о том, что США облечены долгом «брать на себя те моральные обязательства, которые... неизменно отвечают нашим насущным интересам», комментирует: «Ирония, похоже, не была осознанной» (*Шлезингер-мл. А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 144*).

<sup>3</sup> Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978. С. 164.

<sup>4</sup> Выражение, впервые использованное Эндрю Джексон, седьмым президентом США, с тех пор прочно вошло в американскую «имперско-демократическую» лексику.

<sup>5</sup> Согрин В.В. США как либерально-демократическая империя // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 1. С. 5–6.

Для расширения свободы, таким образом, хороши любые методы, ибо сама эта цель «санкционирована» Всевышним. Когда Вудро Вильсон возглашает, что «поскольку Америка была рождена в результате “импульса интеллектуальной и духовной свободы”, то ее главная задача всегда будет связана с расширением границ этой свободы»<sup>1</sup>, вряд ли ему могло прийти в голову усомниться во второй части этого «умозаключения», а уж тем более — в первой; требовать от него доказательств этого, на неамериканский взгляд, довольно-таки странного «умозаключения» — было бы равносильно требованию доказать истинность событий, описываемых в Библии. Для американца все эти шаткие построения — просто истина.

Американская риторика *promotion of democracy* начиная с Вильсона связывает демократию и экспансию в один смысловой узел гегемонизма: когда в современном мире говорят о демократии, то прежде всего подразумевают США и их агрессивно-наступательную риторику «мировой демократии» (в чем-то «отзеркаливающую» марксистскую мировую революцию и торжество мирового пролетариата); встает образ США, которые, по словам Э.Я. Баталова, «возложили на себя (хотя никто их об этом не просил) бремя гаранта мировой демократии, а с конца XX века — еще и промоутера глобальной демократизации»<sup>2</sup>. Мир, по мнению американцев, нужно сделать безопасным для демократии — но как же, спрашивал Макс Шелер, сделать саму (такую) демократию безопасной для мира<sup>3</sup>, если эта «демократия» в руках Америки — не что иное, как та самая пресловутая «большая дубина», о которой говорил Теодор Рузвельт?

Следует заметить, что так же, как мессианизм не может не предполагать «гегемонистского» (силового) сопровождения, — имперский экспансионизм «не работает» без «мессианского при-

---

<sup>1</sup> Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.; Тамбов, 2005. С. 53. С. 40.

<sup>2</sup> Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности). М., 2010. С. 8.

<sup>3</sup> См.: Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. С. 30. Джеймс Бирнс, госсекретарь при Трумэне, внес полную ясность, «уточнив», что дело не в том, чтобы «сделать мир безопасным для демократии, а в том, чтобы сделать мир безопасным для Соединенных Штатов» (см.: Вильямс В.Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960. С. 22).



крытия», без «большой идеи»: не может быть и разговора о «пустой», бесцельной и неоправданной идейно экспансии. Збигнев Бжезинский пишет: «В конечном счете кардинальный политический вопрос, стоящий перед Америкой, звучит следующим образом: “Гегемония во имя чего?”»<sup>1</sup>.

А.И. Фурсов справедливо утверждает, что «демократия — это некая идеальная, пропагандистски провозглашаемая форма, реальное наполнение которой содержанием никогда не было полным и всегда было результатом борьбы различных социальных сил. <...> Термин “демократия” (“власть демоса”, т.е. народа) — один из самых многосмысленных, и в силу этой многосмысленности и аморфности он не может считаться строго научным... располагаясь на грани между наукой и идеологией и тяготея в большей степени к последней»<sup>2</sup>. Почему же ключевым словом американского мессианизма стала именно демократия? Почему именно это она служит лозунгом «американской миссии» и «предметом экспорта»<sup>3</sup>, а США полагают себя всемирными учителями именно демократии, а не чего-либо другого? Именно потому, как было сказано, что «демократия» — «политический эвфемизм» экспансии, причем эвфемизм самый приемлемый. «Демократия» — концепт респектабельный и благозвучный, легко превращаемый в «штамп», так что изображение на нем стирается и узнается лишь по названию, — и именно такая «демократия» (как товар или бренд) и подлежит «распространению» (собственно, «продаже», или, еще лучше сказать, «распродаже»), т.к. при необходимости этот концепт можно преобразовать как угодно, соответственно любой политической цели и ситуации.

---

<sup>1</sup> *Бжезинский Зб.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство? М., 2006. С. 10.

<sup>2</sup> *Фурсов А.И.* Демократия в системе капитализма: суть, фасад, демонтаж // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 42.

<sup>3</sup> «США, — говорит А.В. Манойло, — создав собственную модель демократии, сделали еще одну модель — более упрощенную — на экспорт. Именно эту модель США стали навязывать другим странам, принуждая их преобразовывать свой политический строй под англосаксонские либерально-демократические стандарты» (*Манойло А.В.* Закат Pax Americana // Геополитический журнал. 2015. № 4 (11). С. 2).

Вот как отвечает на вопрос, «почему демократия?», И.И. Рогов: «Западная система ассоциирует себя со следующими ценностями: демократия, либерализм, открытое общество, права человека, равные возможности, глобализация. <...> Профессионалы проводят между ними грани и противопоставления. Но для обывателя... все они представляют одно целое. Этот комплекс называется “демократией”, поскольку именно на таком уровне обобщения воспринимает его массовое сознание, отшлифованное меседжами современных СМИ. Почему именно “демократия”? <...> ...Наиболее привлекательной среди идеологием оказалась та, которая фиксирует различия между Западом и всеми остальными во внешних механизмах функционирования государственного аппарата. Это — демократия. “Демократия” — в достаточной мере универсальное понятие, чтобы каждый мог применить его к себе, не боясь обвинений в слепом заимствовании»<sup>1</sup>.

Демократический мессианиззм, или «демократический имперский мессианиззм», — вот что получается, когда экспансионизм прикрывается демократической риторикой, мишурой. «...Важнейшим источником американской империи был особый органический мессианиззм американцев, — утверждает В.В. Согрин. «Американский имперский мессианизм во все времена был освящен идеалами демократии и либерализма...»<sup>2</sup>. Эти строки напоминают пафосные рассуждения американского публициста Джима Гаррисона. Размышляя над противоречиями демократии и империи, Гаррисон находит «оригинальный» выход: Америка, конечно, стала империей, но империей особого рода — империей переходной к миру демократическому, миру без всяких империй, который будет выстроен под ее эгидой, в чем, собственно, и состоит ее миссия. Довольно зловеще звучит его пассаж о «демократической и единой глобальной системе»:

---

<sup>1</sup> Рогов И.И. Теория империологии. М., 2017. С. 630. И это помимо того, что «демократия» — также просто «красивое слово», относящееся к *splendid generalities*: «Чрезвычайно широко в буржуазной пропаганде и рекламе применяется прием “красивые общие слова” (*splendid generalities*) — манипулирование словами и выражениями, имеющими позитивную окраску, такими, как, например, “свобода”, “демократия”, “независимость”, “гражданский долг”, “нация”, “родина” и т.д.» (Феофанов О.А. Агрессия лжи. М., 1987. С. 124).

<sup>2</sup> Согрин В.В. США как либерально-демократическая империя // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 1. С. 5–7.

«...Америка должна сознательно признать себя *переходной империей*, судьба которой в данный момент — это быть “акушеркой” для демократически управляемой глобальной системы. Ее главной целью является не лидерство, а катализ мировых процессов. <...> Америка должна стать последней империей, поскольку она завещает миру такую демократическую и единую глобальную систему, в которой империи больше не будет места»<sup>1</sup>. «Снимаемая» вполне по-сталински противоречие империи и демократии — уничтожение империи и всего имперского через ее максимальное усиление — не хочет ли *имперский* идеолог Дж. Гаррисон спросить, устраивает ли мир такое «благодеяние», нужна ли миру такая «акушерка»? Впрочем, оговорка «завещает» — обнадеживает...

## V

Начало практическому воплощению мечты о мировом господстве Америки, как это уже было подчеркнуто, положил Вудро Вильсон. Все предшествующие идеи наступательной американской исключительности и всемирно-исторической миссии, явного предназначения и превосходства англосаксонской (вариант — англотевтонской) расы, подвижной границы и расширения экспансии за пределы континента, превосходства американских (англосаксонских, или тевтонских) политических институтов, цивилизаторской миссии как права и обязанности англосаксонских (тевтонских) народов в отношении нецивилизованных и «неполитических» народов и рас; все идеологи, мыслители, политики, священники, писатели и поэты конца XIX — начала XX века, пропагандисты американской исключительности, американцы и англичане — Джон Фиске, Герман Мелвилл, Джон Барджес, Джошуа Стронг, Брукс Адамс, Альфред Беверидж, Редьярд Киплинг, Фредерик Тёрнер, Уолтер Пейдж, Альфред Мэхэн, Николас Спайкмен, не говоря уж о Теодоре Рузвельте, — все предшествуют Вудро Вильсону с его гегемонистско-мессианским либерально-демократическим интернационализмом, в котором кульминируют экспансионистские идеи и идеалы Америки, прикрытые миссионерско-морализа-

---

<sup>1</sup> *Гаррисон Дж.* Америка: последняя империя. М., 2008. С. 10–11.

торской «евангельско-демократической» риторикой. Все перечисленные деятели и идеологи могут быть названы «предгегемонистами», тогда как Вильсон — первый настоящий «гегемонист», который воплотил идеи и мечтания — в доктрины и дело.

Когда адмирал Мэхэн говорит: «Собственные интересы являются законной и естественной основой любой национальной политики, которая не нуждается ни в каких лицемерных оправданиях»<sup>1</sup>, — ясно, что те, от лица которых это заявляется, еще не готовы к «выходу в поле». Когда же Вильсон провозглашает: «Перед нами — новая эра, в которой, очевидно, мы будем руководить миром», призывая и Азию, и «автократическую» Европу, которую надо «спасти от нее самой», услышать, «как мы стучимся в их двери, требуя доступа для американских идей»<sup>2</sup>; или пророчит, что «у Америки более высокое нравственное призвание: переделать мир по своему образу и подобию»<sup>3</sup>; или возвещает: «Я никогда не выступлю с призывом установить мир, пока останется грех и зло на земле»<sup>4</sup>; или, наконец, торжественно предрекает: «Мы не ограничиваем наши концепции и цели Америкой, и мы освободим все человечество. Если мы не сделаем этого, вся слава Америки увянет и вся ее мощь рассеется»<sup>5</sup>, — к такого рода заявлениям следует отнести уже куда как более внимательно: разница подходов прекрасно чувствуется в самой риторике.

Стоит внимательно прислушаться к словам 28-го президента и в данном случае довериться ему, ибо он знал, о чем говорит: «Не может быть ничего более опасного, чем формулировать цели внешней политики нации в категориях материального интереса. Мы не смеем пренебрегать принципом, согласно которому мораль, а не выгода должна быть нашей путеводной звездой»<sup>6</sup>. Здесь Вильсон очень

---

<sup>1</sup> Дементьев И.П. Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX — XX вв.). М., 1973. С. 127.

<sup>2</sup> Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.; Тамбов, 2005. С. 32.

<sup>3</sup> Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.; Тамбов, 2005. С. 101.

<sup>4</sup> Вильямс В.Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960. С. 57.

<sup>5</sup> Уткин А.И. Вудро Вильсон. М., 2007. С. 464.

<sup>6</sup> Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.; Тамбов, 2005. С. 53. С этой точки зрения риторика

хорошо показывает, что при всем своем практицизме и материализме американцы ставили метаисторические мессианские цели, мыслили в историсофских категориях, и при этом вполне практичная сторона мессианизма, вполне материальные цели (иначе, конкретные выгоды от «руководства миром») — все это вовсе не снижает его заряда, но служит, наоборот, источником «дополнительной энергии». Также верно и то, что американский мессианизм, как и любой иной, никак не может быть сведен к сугубо прагматическим задачам, выгоде и т.п., — хотя подчас непросто поверить торжественным провозглашениям политиков, хотя бы и самому Вильсону, когда он, к примеру, вещает: «Мы сражаемся не за какие-либо преимущества или собственные эгоистические интересы, а за освобождение народов от агрессивных и авторитарных сил повсюду в мире»<sup>1</sup>.

Может показаться, и очень многим так и казалось, что речи и тексты Вильсона, в которых говорится о моральных принципах, Боге и т.д., — не более чем фарисейство, лицемерие. Что и говорить, в лицемерии Вильсона обвиняют нередко, однако «демократическо-евангельский» флер текстов Вильсона — деталь отнюдь не «фасадная», не элемент украшения. Прикрываясь именно такой или подобной благообразной риторикой, только и можно продвигать («продавать», как говорят американцы) миру свои гегемонистские идеи<sup>2</sup>. И эти вильсоновские «каскады прикрытия» — также несомненное удостоверение того, что Америка после долгой идейной артподготовки вышла на бой за мировое господство.

---

«материальных потребностей» в проекте Программы партии 1947 года и в самой Программе 1961 года была явно излишней. «Дело даже не в том, — замечает А.И. Фурсов, — что это — не задача КПСС, а в лучшем случае — правительства ... КПСС "на одну доску" с высокими идеалистическими и стратегическими целями поставила повседневно-материальные, бытовые задачи, резко снижая планку» (Фурсов А.И. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерения. М., 2017. С. 11).

<sup>1</sup> Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.; Тамбов, 2005. С. 101.

<sup>2</sup> Здесь нельзя не вспомнить Рональда Рейгана, который в 1983 году возглашал: «Я решил, что, поскольку наш народ является наследником торговцев-янки, прекрасно умеющих сбывать свои товары, мы должны также "сбывать" и принципы демократии» (цит. по: Кузьмин Э.Л. Вопросы демократии и борьба идей на международной арене. М., 1984. С. 21).

Многие критики также не прочь снизить морально-религиозный энтузиазм Вильсона, свести его возвышенный мессианский пафос к личным проблемам, к его психологическим установкам. Характерна в этом смысле знаменитая работа Буллита и Фрейда, получившая прекрасную рекламу и реноме в научных и околополитических кругах. В этой работе Вудро Вильсон, основоположник американского «практического гегемонизма», мессианский визави Ленина, — представляется попросту банальным религиозным фанатиком, экзальтированным ригористом, слышащим глас Бога и считающим себя его личным представителем. Вильсон и вправду был глубоко верующим человеком, он и в самом деле верил, что «находится в непосредственной связи с Богом», что «Бог избрал его для завершения великой работы и будет охранять его до ее завершения»; говорил: «Бог предначертал, чтобы я был следующим президентом Соединенных Штатов»<sup>1</sup>. Однако сводить всю деятельность Вильсона к религиозной экзальтированности явным образом нелепо; следует просматривать за всей религиозно-моралистической риторикой, за трескучим «евангелизмом» — железную логику гегемонизма, зачастую (и во многих моментах более чем удачно) прикрывающую геополитические амбиции, намерения и планы.

Нельзя сказать, что после Вильсона каждый президент призывал к «продвижению демократии»; более того, вильсоновская демократическо-экспансионистская риторика долгое время пребывала под спудом и была актуализирована лишь Рейганом<sup>2</sup> —

---

<sup>1</sup> Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон: двадцать восьмой президент США. Психологическое исследование. М., 2017. С. 101, 175.

«По утверждению современников и лиц, близко знавших президента, — пишет Э.А. Иванян, — образ мессии, посланца божьего, несущего бремя обязанностей по восстановлению справедливости на земле, ассоциировавшийся в представлении Вильсона с его собственной личностью, с каждым месяцем все в большей степени довлел над его поведением и решениями» (Иванян Э.А. Белый дом: президенты и политика. М., 1975. С. 75).

<sup>2</sup> «Доктринальная и институциональная систематизация “продвижения демократии”, — говорит А.А. Давыдов, — произошла... при президентстве Рональда Рейгана. <...> Исследователи концепции “продвижения демократии” соотносят начало ее развития с речью президента Р. Рейгана перед британским парламентом в середине 1982 г., в которой был обозначен идеологический тренд на поддержку наступления свободы и демократии, которое оставит марксизм-ленинизм на задворках истории. В рамках концепции “продвижения демократии” это озна-

причем, мало того что в мессианском контексте<sup>1</sup>, но и в сугубо вильсоновском «комплекте» с религиозной риторикой (своеобразный «библейский гегемонизм» Рейгана). Правда, в исполнении Рейгана эта риторика стала близкой к фарисейской трескотне; а после «победы» в холодной войне она была превращена неоконсерваторами в чистую трескотню (уже без фарисейства, вообще без всякого подобия интеллектуализма). Неоконсерваторы, следуя манихейской квазитроцкистской идее перманентной демократизации мира, обесценили концепцию «продвижения демократии», а демократию — низвели к жупелу. Однако дело вовсе не в риторике, которая по определению инструментальна и конкретные концепты которой подключается в своих бесчисленных вариациях в нужный момент. Важно то, что общая направленность американской внешней политики, «генеральная линия Вильсона», никоим образом не была подвергнута не то чтобы сомнению, но и малейшим изменениям, и так будет справедливо признать правоту тех, кто утверждает, что «неслучайно историки называют XX в. “вильсоновским” столетием, а внешнеполитические установки всех президентов Соединенных Штатов со времен мировой войны — всего лишь “вариациями на вильсоновскую тему”»<sup>2</sup>.

## VI

Так отнюдь не удивительным образом демократия в Америке изначально связана с агрессией и экспансией, с одной стороны, и с имперско-мессианским мироощущением — с другой. Поэтому нет ничего странного в том, что в общественно-политической мысли США

---

чало оказание помощи демократическим силам в авторитарных и тоталитарных режимах, чтобы они не примкнули к “просоветскому лагерю”» (*Давыдов А.А.* Концепция «продвижения демократии» во внешней политике США // *Человек. Сообщество. Управление.* 2017. Т. 18. № 4. С. 24).

<sup>1</sup> А. Шлезингер-мл. полагает, что «приход к власти администрации Рейгана ознаменовал собой мощное возрождение мессианизма во внешней политике... президент Рейган возродил мечту о Соединенных Штатах как о нации-спасительнице» (*Шлезингер-мл. А.М.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 83). Представляется, речь может идти об усилении риторики, тогда как мессианизм давно уже являлся составной частью, если не основанием, внешней политики США.

<sup>2</sup> *Романов В.В.* В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.; Тамбов, 2005. С. 11.

демократическая риторика прекрасно сочетается с риторикой имперской. «Имперский дискурс» в американской идейной жизни получает мощный импульс, по сути дела, после так называемой «победы» в холодной войне, а уже с начала XXI века на волне безудержного триумфализма распространяются концепции, идеи, представления о том, что США являются новой, уникальной в своем роде, «глобальной империей». Соответственно, тот порядок, который они пытались выстраивать (и не отказываются от этих уже заведомо бесплодных попыток даже и в наши дни), назывался «имперским»; причем одна из граней этой «уникальности» состоит как раз в том, что «мессианский продукт» США — демократия, которая таким образом приобретает характер имперской ценности. Ясно, конечно, что содержание мессианской риторики — элемент не первостепенный, она могла быть и другой; но тем не менее случайным это содержание не является (как и для сталинской сверхдержавы — марксистская риторика). Однако если история заставила бы выбирать между «имперством» и «демократией» или между «сверхдержавием» и «марксизмом» — результат выбора совершенно предсказуем.

Когда возникла «мода на империю» — конкретно сложно сказать. Однако до «победы» в холодной войне само слово «империя», по выражению Герффрида Мюнклера, «было зарезервировано как критический эпитет Советского Союза (вспомним «evil Empire» Р. Рейгана — *А.Н.*). Иной способ его употребления представлял собой нарушение табу...»<sup>1</sup>. Ныне, продолжает Г. Мюнклер в своей работе 2005 года, «когда в мире стала очевидна новая роль США, ситуация внезапно изменилась. И вот уже заговорили об “американской империи”, а критика действий США на международной арене приобрела устойчивые антиимпериалистические черты (не прошло и 15-ти лет после ухода СССР с его марксистско-ленинской риторикой! — *А.Н.*)»<sup>2</sup>. В 2003 году Джон Беллами Фостер восклицает: «Мы живем в период, когда риторика империи не знает пределов»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Мюнклер Г. Логика господства над миром. От Древнего Рима до США. М., 2015. С. 270.

<sup>2</sup> Мюнклер Г. Логика господства над миром. От Древнего Рима до США. М., 2015. С. 14.

<sup>3</sup> Фостер Дж.Б. Откровенный империализм — «бремя белого человека»... М., 2007. С. 206.



Многими мыслителями высказывается очень важный тезис: с «победой» Америка как бы перескакивает (меняет позицию и установки) от гегемонии к империи. Клайд Престовиц говорит: «Гегемония, которой Америка обладала в годы холодной войны, начала постепенно превращаться в абсолютное превосходство»<sup>1</sup>. Это — рефрен очень многих серьезных, влиятельных современных работ о гегемонии и империи («имперскости», «империализме») применительно к Америке. Мюнклер отмечает, что уход в прошлое биполярной системы заставил спустя некоторое время многих наблюдателей констатировать превращение США из «благосклонного гегемона» в «жесткую имперскую державу», приписывая это «заслугам» неоконсервативов. Эта мысль достаточно распространена в США. Ясно, что неоконсервативы тут не причина, а следствие (но нельзя, конечно, не согласиться с П.Ю. Рахшмиром, называющим их «ферментами имперской идеологии»). Дело в том, что почти сразу после ухода СССР в историю в среде американской внешнеполитической элиты, вообще «экспертов и идеологов» сложился, пишет Дж. Фостер, «почти консенсус относительно представления о том, что Америка должна решительно использовать свою мощь, чтобы переделать мир»<sup>2</sup>. Нечего и говорить, неоконсервативам была свойственна особого рода бесцеремонность; невосприимчивость к любого рода критике, понимание критики в свой адрес как акта враждебности; ничем не прикрытая агрессия; злобная трескучая риторика и имперские «идейные камлания», фанатичная уверенность в «колоссальной силе США» и примитивность аргументов в защиту «глобальной гегемонии» и «нового американского века». Но этот консенсус вряд ли сложился бы, не будь сущность Америки изначально экспансионистской и агрессивной. Неоконсервативы, как и многие политики, в своей злобной риторике попросту угождали специфическим американским настроениям безнаказанности и безответственности — поэтому не все заявления бесцеремонных политиков и идеологов США и не

---

<sup>1</sup> Престовиц К. Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений. СПб., 2005. С. 59.

<sup>2</sup> Фостер Дж.Б. Откровенный империализм — «бремя белого человека»... М., 2007. С. 180.

во всем стоит воспринимать всерьез, особенно учитывая, что, как правило, чем больше шума — тем меньше силы. Если Т. Рузвельт советовал говорить негромко, но носить большую дубину, а Г. Трумэн говорил о «железном кулаке и сильных выражениях», — то на долю неоконов остались только «сильные выражения», которые, будучи ничем не подкрепленными, вызывают разве что комический эффект.

В наши дни «имперская» риторика не так интенсивна, не так трескуча, как в былые годы, однако это не означает, что идеологи имперской Америки «успокоились» и «разоружились». Сущность США едва ли когда может измениться, однако история часто бывает довольно безжалостна к тем, кто возвысился не по заслугам. В работе 2003 года А.С. Панарин предугадывает, что не совсем заслуженное возвышение Америки легко может обернуться быстрым падением с пьедестала: «В конечном счете это грозит Америке положением, в котором не раз оказывались мировые победители: одинокой силы, которую подстерегает исторический случай — тот самый, которого даже внешне подобострастное окружение тайно, но напряженно ждет»<sup>1</sup>. Именно это в настоящий момент и происходит.

---

<sup>1</sup> *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 237.

Расторгуев В.Н.

Цивилизационное наследие:  
что понимает под ним  
школа, наука и политика?

В течение ряда лет кафедра философии политики и права участвует в исследовательской программе Научного совета по изучению и охране культурного и природного наследия при Президиуме РАН. Главная особенность программы — соединение естественнонаучного и гуманитарного подходов в изучении национального и мирового наследия с акцентом на выявление специфики природного и культурного синтеза в процессе цивилизационного развития России. Научная и общественно-политическая значимость программы постоянно возрастает по мере расширения межцивилизационных контактов и усиления позиций России как государства-цивилизации на международной арене. Осмысление цивилизационной идентичности и миссии России в современном мире — одна из центральных задач стратегии долгосрочного развития.

Результаты исследований апробированы на многих международных конференциях, в том числе на ежегодных Международных Панаринских чтениях. Чтения проходят на площадках МГУ имени М.В. Ломоносова (философский факультет), Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, Государственной Думы ФС РФ и Всемирного Русского Народного Собора при поддержке профильных министерств и ведомств. В частности, на ноябрьских чтениях 2017 года было заслушано свыше 100 докладов ученых из институтов РАН, десятков ведущих вузов страны, а также Сорбонны и других научных и образовательных центров.

Одно из основных направлений программы — осмысление цивилизационного наследия России. Надо отметить, что в нашей стране в последнее время усиливается понимание значимости

этой проблемы. Первые отечественные исследования появились в середине и в конце 90-х годов прошлого века<sup>1</sup> и активно продолжают в рамках программы: тематика Панаринских чтений в основном связана с различными аспектами цивилизационного наследия. Об актуальности данной тематики свидетельствует, в частности, перечень поручений Президента России, в котором Министерству образования и науки совместно с Министерством культуры РФ поручено представить в текущем году предложения о дополнении федеральных государственных стандартов общего образования разделом «Цивилизационное наследие России»<sup>2</sup>.

Для большинства наследников российской цивилизации само понятие о цивилизации ограничивается, как правило, самыми общими представлениями об уровне культурного развития и о степени освоения достижений современной эпохи. Эта ограниченность вполне объяснима: традиционные формы наследования, то есть накопления и передачи опыта от поколения к поколению, давно вытеснены из народной жизни универсальной и во многом обезличенной и обезличивающей образовательной системой. В школьных и вузовских программах и стандартах почти полностью отсутствует сколько-нибудь систематизированное знание о многообразии цивилизаций и даже о собственной цивилизационной идентичности, о наследии и праве на наследование. Эффект усиливается из-за постоянного прессинга массовой культуры и коммерческих субкультур, характерного для массмедиа и интернет-реальности, то есть для «цивилизации № 1».

Природа невосприимчивости к цивилизационной проблематике в целом и проблема цивилизационного наследия можно объясняется двояко. С одной стороны, кардинально изменилась вся информационная среда, из которой люди черпают свои представления об окружающем мире. Она стала злободневной, сузив временные горизонты человека, погруженного в информационный

---

<sup>1</sup> См.: *Рассторгуев В.Н.* Цивилизационное наследие славянского мира. М., 2009. См. также: *Рассторгуев В.Н.* Русский народ и мировое цивилизационное наследие // Проблемы культурного и природного синтеза / Институт иностранных языков. М., 2009.

<sup>2</sup> [www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/56263](http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/56263).

поток, до текущих событий, до со-временности в режиме онлайн. За границами восприятия остаются те временные горизонты, в которых живет историческая память поколений и сами цивилизации. А эти временные горизонты — столетия и тысячелетия, вечность и метаисторическое измерение истории. С другой стороны, происходят глубинные изменения в жизни самих мировых цивилизаций, все с большим трудом сохраняющих свою специфику в эпоху глобализации, принудительной ломки культурных границ и традиционных укладов. Но в России эти процессы были осложнены столетием насильственного выкорчевывания истории. А в наше время — инертностью государственной образовательной и информационной политики, так и не сумевшей окончательно избавиться от столетнего господства воинствующего антиклерикализма.

Предвзятое и настороженное отношение к возрождению религиозной жизни мешает признать, что цивилизационное наследие, ядром которого является, как известно, религиозная идентичность, имеет какую-то иную ценность, кроме музейной. Отказ от богосборческой идеологии, который должен был возродить интерес к цивилизационным основам государственного строительства, совпал с распадом единого государства, со сменой всех институтов власти и форм собственности, с возникновением новых границ, разделивших народы страны. Поистине цивилизационной катастрофой для России можно считать разделение государствообразующего русского народа, когда, по словам В.В. Путина, в одночасье за пределами Российской Федерации оказались 25 миллионов русских людей. В результате «русские оказались самой большой разделенной нацией в мире сегодня».

Все это лишь усугубило «подозрительное» отношение к собственному цивилизационному наследию — и имперскому, и советскому (с позорным ярлыком «совковое») — как «наследию проклятого прошлого». Однако дефицит знаний не мешает людям ощущать свою сопричастность с той реальной цивилизационной общностью, которая в течение столетий объединяет многие поколения. В чем заключается жизненная сила этой общности? Миллионы разделенных людей и целые народы, которые разошлись по новым государственным образованиям, объединены тысячелетней

общей историей, бесценным опытом сосуществования и взаимного культурного обогащения, схожим пониманием базовых ценностей и почитанием святынь. Не меньшую роль играет и язык, на котором осуществляется общение между представителями разных этнических групп, каждая из которых внесла свою лепту в великую русскую культуру и в сам русский язык.

Для того чтобы расширить наши представления о цивилизационном наследии и устранить искусственную терминологическую путаницу, зададим себе ряд вопросов, которые позволят найти общие подходы к этой непростой теме и узким специалистам, профессионально занятым исследованиями и популяризацией различных пластов цивилизационного наследия, его защитой и развитием, и самим наследникам.

*Первый вопрос:* можно ли в принципе добиться согласия между учеными, изучающими феномен цивилизации и цивилизационного наследия в рамках различных отраслей знания, если даже в границах каждой из научных дисциплин существуют конкурирующие школы, взаимоисключающие подходы и бесчисленное множество непохожих друг на друга авторских концепций?

*Второй вопрос:* какой должна быть система высшего образования, и прежде всего, в сфере подготовки и переподготовки специалистов гуманитарного профиля, чтобы они были знакомы хотя бы с основными научными школами и цивилизационными теориями, прочно вошедшими в научный оборот, и можно ли в научном сообществе устранить плюрализм мнений при отсутствии «третьего судьи»?

*Третий вопрос:* как добиться необходимого единообразия в процессе всеобщего школьного образования, целью которого уже на начальных ступенях должна стать максимально широкая популяризация базовых знаний об истории человеческой цивилизации и о том многообразии мировых цивилизаций, которые существуют в настоящее время, не забывая, разумеется, о собственной цивилизационной идентичности? Каким образом можно решить эту задачу, не искажая и не профанируя научные знания в процессе их адаптации?

*Четвертый вопрос:* как нам следует относиться к политизации цивилизационной тематики и к тому факту, что она в последние

годы не только входит в язык политики, но и врывается в самую мировую политику на фоне острейших межцивилизационных конфликтов, которые ставят под вопрос сохранение общечеловеческой цивилизации?

*Пятый вопрос:* возможна ли разработка и введение общего тезауруса законодателя, который позволил бы сблизить научные представления о цивилизационном развитии с понятийным аппаратом современной публичной политики, что позволит добиться синхронизации усилий государства, религиозных организаций и гражданского общества в великом деле сбережения и обогащения цивилизационного наследия России?

Но прежде чем ответить на каждый из поставленных вопросов, постараемся предельно сжато объяснить одну из главных причин, порождающих большинство споров, многие из которых заводят спорщиков в тупик только потому, что они говорят на разных языках, не подозревая об этом. В результате происходит не столько обычная подмена понятий, сколько подмена «этажей мышления». О каких языках идет речь и о каких «этажах»? В первую очередь, следует упомянуть о языке науки, а точнее, о языках многих отдельных наук, объектом которых является цивилизация. Их список становится все длиннее, а границы между ними — все более заметными, хотя наиболее интересные исследовательские направления развиваются на «пограничье» и «ничейной территории», что не отменяет ужесточения «демаркационных линий» и усиления стандартизации наук, в предметную область которых входит цивилизационная проблематика. Среди них — философские, политологические и теологические дисциплины, обширное семейство наук исторического цикла — от археологии до этнологии и этнографии, а также целые специализированные области культурологии и лингвистики.

Каждая из этих наук рассматривает цивилизацию под своим углом зрения, поскольку имеет собственный категориальный аппарат и особые методы — свой «этаж», на который могут подняться (уровень обобщений) или опуститься (уровень «углубления в предмет») только узкие специалисты. Именно в этом смысле о всяком узком специалисте говорят со времен Козьмы Пруткива, что он «подобен флюсу»: знания его односторонние, а потому и закрыты для большинства

смежных специалистов, а следовательно, и его горизонт весьма ограничен. И чем уже (глубже) специализация, тем труднее ученым, занимающимся одним предметом, дается общение между собой — на одном и общем «этаже науки». Поэтому возникает потребность в «указателях» и «толмачах», которые профессионально заняты «переводом» базовых терминов с языка одной науки на язык другой. Кроме того, нужен и свой перевод для тех, кто приобщается к наукам — начиная со школьной скамьи и кончая высшими ступенями профессионального образования.

В процессе такого «перевода» научных понятий, в том числе и понятия о цивилизации, на общедоступный язык учебной литературы происходит фантастическое, но не заметное со стороны обеднение основных смыслов. Поэтому приходится искать «усредненные» варианты интерпретации и толкования, считаясь с нормами обыденного языка и возрастной психологией восприятия, логикой преподавания и уровнем подготовленности аудитории. При этом в процессе популяризации изменяется вся система обоснований. Если в живом процессе научного поиска решающую роль играли, например, обоснования, позволяющие «подогнать» идею автора к требованиям дисциплины — принятым научным сообществом стандартам и парадигмам, то на этапе адаптации теории в ходе обучения на первое место выходят обоснования *ad hoc* (к случаю), облегчающие запоминания и усвоение, то есть мнемонические техники.

Не менее значим и тот факт, что в разных языках до сих пор существуют некоторые различия в понимании цивилизации, которые были более чем существенными еще столетие назад. Само это слово введено в активный язык науки и в лексику образованных классов сравнительно недавно (во Франции, Великобритании и Германии с конца XVIII века, а в России — несколько позже) и разными путями — путем заимствований из одного языка в другой с неизбежно возникающими разночтениями. Конечно, эти семантические различия стираются со временем в силу повсеместного повышения общеобразовательного ценза (во всем мире образовательные стандарты постоянно сближаются), но «память национальных языков» сохраняет предшествующий опыт. Пери-



петиям и особенностям «освоения» европейскими языками слова «цивилизации» посвящена обширная литература, восходящая к сравнительным исследованиям Э. Бенвениста.

К этому следует добавить, что совершенно по-особому тема цивилизационного развития преломляется в языке политики и речи миллионов людей, подверженных политической индоктринации. В этом случае происходит скрытое от постороннего взгляда превращение общеизвестных понятий в идеологемы — особые императивные формы коллективного мышления, подчиняющие сознание человека той или другой политической идеологии. Кстати, сами авторы научных цивилизационных теорий все в большей мере заинтересованы не только их продвижением в своей профессиональной среде, но и популяризацией среди широкого круга читателей и сознательно используют обоснования *ad hoc*. Ярким примером являются работы С. Хантингтона, которые посвящены природе межцивилизационных разломов и конфликтов в современном мире и прямо рассчитаны на политическую индоктринацию массовой аудитории.

Таким образом, в большинстве случаев авторские концепты, введенные в научный оборот, даже в научной речи часто отождествляются с так называемыми «общенаучными понятиями» или обыденными представлениями, а также с лексикой из «политического новояза». Соответственно, термины, закрепленные в законодательской практике, подменяются скрытыми наукообразными идеологемами или откровенными эвфемизмами, хотя воспринимаются как научные понятия. Да и все другие значения и смыслы, приоткрывающиеся только в речевой практике, тут же перемещаются до стадии полной неузнаваемости. Это легко обнаруживается даже в тех случаях, когда мы анализируем тексты какого-либо автора, пишущего о цивилизации.

Есть ли способ соединить несоединимое хотя бы в устоявшихся представлениях о цивилизации и цивилизациях, если за каждым упоминанием стоит та или иная концептуальная схема, а за ней — либо давно сложившаяся научная школа, опирающаяся на армию адептов, либо языковые нормы (узус), либо идеологемы, вошедшие в сознание и подсознание многих поколений?

Думается, такая возможность существует, но требует в качестве главной предпосылки уважения к концептуальному разнообразию, которое останется неустранимым во все времена (кроме тех, когда в науке допускается разномыслие), что не исключает поиск инвариантных, непреходящих смыслов. Не менее важная предпосылка — признание того факта, что даже самые образованные люди с трудом замечают границы, отделяющие язык науки (языки различных научных дисциплин) от языка массового образования, а то и другое — от языка публичной политики и обычной повседневной речевой практики, где происходит «смешение языков» и царствует «детерминализация».

В научном дискурсе узкие профессионалы имеют уникальную возможность использовать концепты особого рода. Когда мы говорим о концептах, то имеем в виду особый класс понятий, как бы имеющих на себе особый знак или «пробу», наподобие той, которую мы видим, например, на золотых и серебряных изделиях или слитках. Этот символ, который сразу прочитывается знающим человеком, — не что иное, как свидетельство о принадлежности концепта ко вполне определенной авторской концепции, конкретной теории или научной школе. Аналогия подобных концептов с дорогими изделиями становится более приемлемой, если вспомнить и о «руке мастера», а также об известности его имени среди ценителей. Точно так же, как «мировое хождение» имеют далеко не все «клейма», так и научные имена, авторские теории и национальные школы имеют различный «вес» в научном сообществе, что во многом зависит от политики страны, которая желает защитить свое «пространство смыслов».

По этой причине в большинстве случаев специалисту, говорящему о цивилизации, достаточно упомянуть, какую определенную теорию он имеет в виду применительно к тому или иному конкретному случаю (будь то теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, позиция О. Шпенглера или взгляды кого-то из его интерпретаторов), чтобы устранить основную часть возможных «разночтений». Знания такого рода не требуют от их носителей безусловного признания, что существенно снижает риск подмены понятий. В результате если дискуссия и возникает, то сразу же приобретает конструктивный и деловой характер.

Однако ситуация резко меняется, когда речь заходит о процессе распространения и популяризации научных знаний, а тем более о различных уровнях, моделях и этапах образования, где с необходимостью происходит адаптация знаний и унификация концептов, а следовательно, и возникает иску подмены понятий. Если, к примеру, в научной работе ссылка на обезличенную словарную статью нежелательна, то в образовательном процессе и в рамках просветительской деятельности, или «самопросвета», именно словари и (в лучшем случае) хрестоматии становятся основным источником пополнения знаний. Даже в сфере профессионального образования в обороте находятся преимущественно так называемые общенаучные понятия, которые, с одной стороны, выполняют множество необходимых функций, обеспечивающих коммуникацию, но, с другой стороны, подменяют концепты, искажая до неузнаваемости исходные смыслы.

Даже новейшие энциклопедические словари ограничиваются набором крайне упрощенных схем, в соответствии с которыми под цивилизацией понимается, к примеру, «следующая за варварством ступень культуры, постепенно приучающая человека к плановым, упорядоченным совместным действиям с себе подобными, что создает важнейшую предпосылку культуры». И эта цитата — далеко не худший типовой образец производства «общенаучных понятий» из узко понятых педагогических соображений («чтобы было просто и понятно»). По сути, если продолжить образный ряд, который мы открыли сравнением концептов с золотыми изделиями, «словарные знания» и общенаучные понятия, эксплуатируемые в системе образования и просвещения, можно уподобить бумажным деньгам, которые в большинстве случаев делают возможными общение и «обмен знаний». Риски, связанные с использованием такого рода «заменителей концептов», снижаются при условии, что существует «золотое обеспечение», а «пользователи знаний» помнят или догадываются о его существовании, хотя ни разу и не бывали в «хранилище подлинных ценностей».

Совершенно иная картина возникает в том случае, когда в спор по цивилизационной проблематике включаются публичные политики, что сегодня и происходит. Их определения, оценки и подхо-

ды иногда становятся общеизвестными, и более того — оказывают несомненное влияние и на узус, и даже на язык тех научных дисциплин, которые слишком близко находятся от «политической кухни» и «фабрик мысли». Если продолжить сравнение с денежной системой, то здесь можно говорить о ценных бумагах, курс которых напрямую зависит от стабильности того или иного режима, уровня взаимопонимания между основными акторами политики, а также от сиюминутной политической конъюнктуры и «спекуляций на рынке ценных бумаг».

Самое общее представление о цивилизации, которое можно рассматривать как инвариантную схему, заключается в том, что под цивилизацией понимается устойчивая форма человеческого сообщества, которая объединяет этнические группы, народы и нации, а иногда и государства. Объединяет на основе особенностей, либо выделяющих человека из природы (общечеловеческая цивилизация), либо позволяющих сохранять социокультурные отличия и преемственность поколений. Среди качеств, воспроизводящих самобытность и уникальность, обычно указывают общую религиозную и языковую принадлежность. В этом случае речь идет о так называемых локальных цивилизациях, в том числе и государствах-цивилизациях, — как существующих ныне, так и исчезнувших, оставшихся в истории общечеловеческой или глобальной цивилизации. Россия относится к числу немногих государств-цивилизаций (в одном ряду с Индией и Китаем), что предопределено ее географическим положением и историческим развитием, масштабами и богатством природных ресурсов, этническим и конфессиональным многообразием, уникальным опытом межэтнического взаимообогащения, который и служит гарантом сохранения целостности России как уникального культурно-природного синтеза.

Столь широкое толкование понятия приводит к тому, что его значение обычно устанавливается только в контексте устной или письменной речи, когда можно судить об эрудированности человека и его национальной принадлежности (в различных языках само это слово до сих пор сохраняет различные коннотации и оттенки), о политических установках и мотивации. Последнее требование — ключевое,

поскольку понятие «цивилизация» позволяет одновременно манипулировать многими смыслами, свободно комбинируя и «накладывая» их по своему усмотрению, что открывает неограниченные возможности для политической аргументации и манипулирования. Но несмотря на свою многозначность, это понятие давно вошло в узус многих языков и уже более двух столетий служит своеобразной «биркой», принятой в мировом научном сообществе и применяемой для обозначения феномена надэтнического, наднационального и метаисторического единства.

Природа этого единства чаще всего основывается на признании неких высших смыслов — ценностей и святынь, прежде всего конфессиональных, представление о которых не укладывается в прокрустово ложе узких политических целей и геополитических проектов. Выделим только некоторые из наиболее распространенных подходов к осмыслению феномена цивилизации, получивших распространение в научной литературе и языке политики у большинства народов. Под цивилизацией и, соответственно, цивилизованностью (принадлежностью общества, этнокультурной или социальной группы, той или иной нации или отдельного человека к цивилизации) понимают:

– Совокупность накопленных и усвоенных человечеством ценностей или особый тип и путь культурно-исторического развития, который проходят все или немногие, избранные, народы, а также высший этап, историческую ступень или веху на условно намеченной линии развития. Такое толкование должно свидетельствовать о зрелости и завершенности некоей политической системы, что широко используется в целях культурной легитимации политических режимов.

– Сложившийся культурно-исторический тип человеческой общности, ставший или образцом для всеобщего подражания, или «неподражаемым образцом» — свидетельством высшего избранничества какого-либо отдельного народа или группы народов и государств. На основе такого понимания рождаются мессианские идеи, играющие огромную роль в геополитике и призванные легитимировать изоляционизм или, напротив, цивилизаторскую экспансию. К этому же разряду толкований относится и способ само-

позиционирования национальных элит, цель которого — признание за какой-то нацией или социальной группой набора качеств, свидетельствующих о ее цивилизованности и, соответственно, о приобщенности доморощенной культуры к «высшему образцу» — культуре цивилизаторов. Именно так можно объяснить происхождение европоцентризма и «европейничания», прочие глобалистские варианты культурного и политического прозелитизма.

– Набор научных или псевдонаучных теорий и политических доктрин, позволяющих подавить внутренние распри в обществе благодаря мобилизации перед лицом реальной или вымышленной внешней угрозы, исходящей от потенциального исторического врага — чуждого цивилизационного мира, варваров. В том случае, если такого врага не существует, его приходится изобретать, чтобы потом бороться с ним (в соответствии с известной китайской стратагемой). К сожалению, в истории таким врагом-жупелом европейские правители не раз «назначали» Россию, что получило теоретическое обоснование, к примеру, в книге-манифесте «Пан-Европа» основателя Панъевропейского союза Р. Куденхове-Калерги.

Соловьев А.В.

## Полемология во Франции на рубеже XX–XXI вв.

После окончания Второй мировой войны человечество стало свидетелем ускоряющегося научно-технического прогресса, значительных изменений в политической картине мира, изменения способов ведения боевых действий, изменения в расстановке военно-политических сил, образования новых военных коалиций, и все это — под знаком «ядерного устрашения». Политико-стратегическая дихотомия породила ряд изменений, связанных с обликом войны, ее особенностями в новых условиях.

В мировом масштабе ядерное противостояние явилось залогом отсутствия столкновения между двумя основными военно-политическими союзами, но на периферии этого противостояния происходили войны и военные конфликты, которые не противоречили взглядам ни одной из сторон, участвовавших в «холодной войне», а также опосредованно в этих конфликтах. Об этом было написано много работ, в которых делались попытки увидеть «новое лицо» войны.

Полемологи также вложили свою лепту в поиски нового осмысления тех перемен, которые явились результатом «социальных мутаций» и повлекли за собой изменения в общей картине конфликтности в обществах и между обществами, особенно в тех случаях, когда это было связано с вооруженным насилием политического характера<sup>1</sup>.

С самого начала полемологии в качестве методологической основы избрали принципы позитивизма. Но даже в начальном периоде междисциплинарный подход, являющийся характерной чертой позитивистской методологии, предопределил появление различ-

---

<sup>1</sup> *Perre J.* La guerre et ses mutations (1961), *Les mutations de la guerre moderne* (1962); *Le Borgne C.* Les nouveaux visages de la guerre (1965), *Le Borgne C.* La guerre est morte... mais on ne le sait pas encore (1987); *Colin J.* Les transformations de la guerre (1990); *Daudel C.* Analyse géostratégique des événements (1991) etc.

ных подходов к решению ряда вопросов методологического и теоретического характера. Это коснулось и такого принципиального вопроса, как предмет полемологии.

Если первоначально Г. Бутуль определял предмет полемологии как «научное познание войны как явления», то по мере того, как менялись «социальные структуры», происходили изменения войны. Холодная война как результат «биполярности мира» породила новые формы вооруженного политического насилия, отличавшегося от войны, но нередко выполнявшего отдельные функции войны (одной из таких форм стал терроризм).

Г. Бутуль и другие полемологи уже на начальном этапе не ограничивали область исследования полемологии только явлением войны, ими неоднократно подчеркивалось, что мир являлся иной стороной существования цивилизаций. Эта антиномия «война-мир» для полемологов была основополагающей, так как, по их мнению, эти явления представляли собой диалектическое единство и взаимно переходили друг в друга при определенных социальных условиях. Но, понимая специфичность понятия «война», они расширяли область исследования полемологии за счет понятия «конфликт», одновременно ограничивая это понятие определением «жестокий, насильственный» (*violent*). Так, Французский институт полемологии считал, что областью исследования французской полемологии являлись войны, мир и насильственные конфликты во всех их составляющих: не только на уровне *событий*, но также на уровне *конъюнктур*, и особенно, более глубоко, на уровне *структур* (демографических, демоэкономических, географических, исторических, политических, ментальных и т.п.), а также *функций*.

Позднее сужение понятия «конфликт» за счет приведенных выше определений было снято. Это произошло на втором этапе становления полемологии. Журнал «*Etudes polémologiques*» так определил область полемологии — полемология изучает войну, мир и конфликты, неразделимую трилогию жизни обществ, она освещает социологическое окружение мирной деятельности и ее сохранение (1981). Такая тенденция способствовала пониманию того, что война является одной из разновидностей социального конфликта, и появлению расширительной трактовки самого предмета полемологии.



Так как в своих исследованиях полемологи, руководствуясь позитивистской методологией, старались идти от социального факта, они констатировали в результате «глобальной интерпретации» четыре больших категории насилия в мире: студенческая среда, этнические группы, расы, террористы. Это способствовало появлению у ряда представителей французской школы полемологии тенденций расширительной трактовки предмета полемологии. Г. Бутуль уже в 1974 году отмечал появление «социальной полемологии», занимавшейся способами разрешения и избегания конфликтов в сфере производства<sup>1</sup>.

Показательным в этом смысле является подход Ж. Фрэнда к определению предмета полемологии. По этому поводу он писал в работе «Социальный конфликт»: «В духе, аналогичном тому, который двигал Г. Бутулем, я уже несколько лет назад создал при Страсбургском университете гуманитарных наук *Институт полемологии*, но придав понятию полемологии более широкое значение. Я задумал ее как науку о конфликте вообще, таким образом, не только лишь как науку о войне и мире, но и о любом конфликте, каков бы он ни был: политический, экономический, религиозный, социальный или другой. Я обратился по этому поводу к термину «*πόλεμος*» Гераклита, включавшего в это понятие не только войну, но также раздор, распри, антагонизмы и напряженность. Следовательно, полемология занимается не только забастовками протеста, а также революциями, идеологическим противоборством — иначе говоря, явлениями насилия в общем, но в одинаковой степени явлениями соглашения, компромисса и мира, что невозможно понять в социологическом плане без соотнесения с человеческой конфликтностью»<sup>2</sup>. Близок к такой трактовке предмета и другой французский полемолог М. Маффесоли<sup>3</sup>.

Таким образом, во французской полемологии сформировалось два подхода к пониманию предмета полемологии: Г. Бутуля и его учеников, понимавших полемологию в узком смысле слова как

---

<sup>1</sup> *Prézelin J.* La polémologie, science française // *Communautés et continents*. 1974. № 36. P. 10.

<sup>2</sup> *Freund J.* Sociologie de conflit. Paris: PUF, 1983. P. 60.

<sup>3</sup> *Maffesoli M.* La dynamique sociale: la société conflictuelle. Lille, SRTUL, 1981.

«отрасль социологии, изучающую войну как социальное явление, не ее исторический, стратегический ход, а ее социологические причины»<sup>1</sup>; и его последователей, не ограничивавшихся таким пониманием полемологии и попытавшихся включить в область изучения полемологии более широкий круг явлений.

Среди феноменов, дополнительно входивших в расширительную трактовку полемологии, вошли такие, как терроризм, государственные перевороты, национальные меньшинства, этнические конфликты, сепаратизм, беженцы, торговля оружием, разоружение и др. Эти явления рассматривались под углом зрения их связи с конфликтностью. Кроме этого, традиционно исследовались войны и военные конфликты в традиционном смысле слова, проблемы поддержания мира<sup>2</sup>.

Такая тенденция могла привести к размыванию предметной области полемологии. Вставали вопросы принципиального характера, касавшиеся самой конфликтности: является ли она отдельной областью в социальной жизни? Можно ли ее изолировать от других социальных феноменов? Подчиняется ли она специфическим правилам? Имеет ли свою собственную логику? Имеет ли она всеобщий характер, заслуживающий глобального изучения?

По мнению Пьера Дабези, специфической чертой полемологии являлось противопоставление мира и войны, но в то же время, если рассматривать только политическое насилие, это противопоставление становилось все менее очевидным: «От простого взятия заложников до ядерного апокалипсиса, война, такая, какой ее рассматривали раньше, в самом деле, распалась и разложилась на спектр, связанность и единство которого теперь не всегда заметны. Насилие стало диффузным, мир больше совсем не отличается от войны, внутренняя политика и внешняя политика переплетают-

---

<sup>1</sup> Grawitz M. *Lexique des sciences sociales*. Paris: Dallos, 1991. P. 305.

<sup>2</sup> См.: Prézelin J. *La polémologie, science française // Communautés et continents*. 1974. № 36. P. 8; Bigo D., Hermant D. *La relation terroriste // Etudes polémologiques*. 1984. № 30, 31; Noyer J.-M. *Regards critiques sur le continuum dissuasif // Etudes polémologiques*. 1985. № 34; Puig J.-J., Chaigneau P., Clément J.-F. *Conflit et transferts d'armements // Etudes polémologiques*. 1986. № 40; *Les coups d'Etat // Etudes polémologiques*. 1987. № 41; *Minorités nationales et conflictualité: la volonté séparatiste // Etudes polémologiques*. 1987. № 43; *Les réfugiés et l'impératif de sécurité // Etudes polémologiques*. 1987. № 44.

ся, гражданские войны — зачастую матрицы просто войн — множатся, транснациональность увеличивает число источников войн; короче говоря, если не брать только военный аспект, полемология, лишенная центра тяжести, рискует потерять свою идентичность, превратившись — в точности по образу современной стратегии — дисциплиной, пластичность которой будет такой, что невозможно более будет точно определить ни ее контуры, ни предмет»<sup>1</sup>.

П. Дабези рассматривает междисциплинарность конфликтного явления как еще одну трудность, иного порядка, для идентичности и единства полемологии. Однако он признает необходимость взаимодействия между различными дисциплинами в исследовании конфликта<sup>2</sup>.

Проблема, которую ставит П. Дабези, имеет под собой реальное основание. Риск потерять свою идентичность и специфичность для полемологии существует, но междисциплинарность, которая, кстати, характерна не только для полемологии, но для целого ряда других общественных дисциплин (так как очень трудно обойтись без данных других гуманитарных наук), является предпосылкой возможности процесса размывания методологических и теоретических основ полемологии. Однако междисциплинарность может играть двоякую роль: не только дезинтеграции, но и консолидации вокруг определенных концептуальных основ французской полемологии. Например, Д. Эрман, отмечая роль Г. Бутуля как «первопроходца военной социологии», опиравшегося на классические труды Д. Фуллера и показавшего комплексность связи между разрушительными возможностями вооружений, политической и социальной организацией общества, показывает, что в трудах основателя французской школы полемологии заложены основы междисциплинарного исследования явления «мир/война», которое получило развитие в работах современных французских исследователей<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> *Dabezies P. Sur la polémologie // Approches polémologiques. Conflits et violence dans le monde au tournant des années 90. Paris: FEDN, 1991.*

<sup>2</sup> *Dabezies P. Sur la polémologie // Approches polémologiques. Conflits et violence dans le monde au tournant des années 90. Paris: FEDN, 1991. P. 15.*

<sup>3</sup> *Hermant D. Voyages aux sources de la polémologie // Stratégique. 1992. № 56. P. 379–380.*

Несомненно, что укрепление французской школы полемологии и сохранение ею своей индивидуальности зависело от самих представителей этой школы, от их желания и умения устоять в борьбе различных школ и направлений, исследующих проблемы войн, конфликтов и мира. Конечно, полемология не стояла на месте, она развивалась вместе с конфликтными явлениями, существовавшими в человеческой цивилизации. Вполне естественно, что это влекло за собой ряд изменений как в методологии, так и в теории полемологии, но осознание принадлежности к полемологической школе, признание права этой теории на существование создавали предпосылки для развития полемологических подходов в исследовании предмета данной науки. Критическое переосмысление ряда положений, выдвинутых Г. Бутулем и его соратниками в первый период существования полемологии, помогает современным французским полемологам идти в ногу со временем и своевременно и адекватно оценивать события, связанные с политическим насилием в обществах.

Новое поколение полемологов, учитывая достижения полемологии и ее просчеты в исследовании конкретных явлений вооруженного политического насилия, ставит перед собой задачи, соответствующие специфике развития этих явлений на нынешнем этапе исторического развития. Современные французские полемологи формулируют более скромные задачи — «изменение шкалы, при котором аналитик покинул бы глобальный уровень общества и его судьбы, чтобы сконцентрироваться на механизмах взаимодействия между акторами. Больше не ставится вопрос, можно ли ликвидировать конфликт, что является метафизическим или политическим вопросом, но каким образом завязываются, непрерывно продолжаются или заканчиваются конфликты?»<sup>1</sup>

В отличие от бутулевского подхода к изучению войн и военных конфликтов, не заострявшего внимания на том, что кризис вырастает из языковых различий, из неудач в общении и т.п., рассматривавшего войну как раз и навсегда вписанную в историю, как небесное тело на своей орбите, современное поколение полемо-

---

<sup>1</sup> *Hermant D. Voyages aux sources de la polémologie // Stratégique. 1992. № 56. P. 386.*

гов пытается освободить войну от этой фатальности и показать, что она зависит от особого состояния системы отношений между государствами, которое не обязательно заканчивается войной, хотя последняя также является одним из возможных вариантов. Эти изменения находят выражение в направленности исследований современной полемологии.

Рассматривая войну в качестве одной из разновидностей социального конфликта, последователи Г. Бутуля отмечают, что часто при рассмотрении войн предпочтение неправомерно отдается исследованию межгосударственных конфликтов, а внутрисостоятельные с применением вооруженного насилия остаются без должного внимания: «Каково бы ни было значение теории Раймона Арона, как основы для изучения конфликтных международных отношений, мы вынуждены допустить, что полуэксклюзивная роль, которую он приписывает межгосударственным отношениям, имеет тенденцию совсем принижать случаи вооруженной борьбы в обществе (*lutttes armées civiles*) и изолировать их от контекста, в который, наоборот, их надо вставить. Эти случаи борьбы, являются ли они тенью ядерного устрашения, растущим влечением слабых подняться на восстание или отражением деструктурированного мира, занимают обширное место в онтологии конфликта. Более того, реально нет больше нарушения связи между ними и межгосударственным и планетарным уровнем»<sup>1</sup>.

Лингвистический анализ текстов на тему конфликтов, войн, терроризма и т.д. показывает герменевтическую направленность изысканий отдельных полемологов, например, Франсуазы Том, которая предприняла попытку герменевтического анализа одного из произведений горбачевского периода, в котором рассматривались проблемы терроризма<sup>2</sup>.

Как уже говорилось об этом, тенденции творческого развития полемологии были характерны для второго этапа развития полемологических исследований в рамках Французского института

---

<sup>1</sup> *Dabiez P.* Sur la polémologie // *Approches polémologiques. Conflits et violence dans le monde au tournant des années 90.* Paris: FEDN, 1991. P. 20–21.

<sup>2</sup> *Thom F.* Le terrorisme et la «nouvelle pensée» soviétique. Paris: Presse universitaire de France, 1989.

полемологии и журнала «*Etudes polémologiques*». Так, А. Филоненко в статье «Война и язык» дает сопоставительный анализ двух универсальных явлений — войны и языка, корреляцию между ними<sup>1</sup>. Полемологическая интерпретация этих феноменов французским философом ознаменовала сдвиг в исследованиях полемологов Франции в сторону рационалистической трактовки причин возникновения войн, их связи с сознанием. Она показала, что язык является основой человеческой деятельности, в том числе и военной, так как, как любое поведение, война мыслится и выражается<sup>2</sup>.

Г. Бутуль для объяснения причин возникновения войн избрал в качестве основного фактора — демографический, сочетающийся с экономическим. Релаксационная функция войны, являвшаяся данью функционалистским веяниям 50-х годов XX века, была результатом интерференции функционалистских и демографических взглядов на причины войны, частным случаем которых являются теории жизненного пространства. Концептуальную поддержку своей гипотезе французский социолог черпал во взглядах мыслителей разных эпох и народов. Идеи Бергсона нашли отклик в «демо-экономической» трактовке причинности войн. Но если эта тенденция характерна для полемологов первого периода, то постепенно демографический фактор в полемологической трактовке ситуаций, порождающих войны и военные конфликты, начал утрачивать былое значение. Это произошло в силу того, что не существует прямой зависимости между ростом численности населения и возникновением войн и что биполярная модель развития мира, характерная для периода после Второй мировой войны, наложила отпечаток на развитие конфликтности между государствами. Она вытеснила военные конфликты на периферию цивилизации — в страны третьего мира, создав иллюзию благополучия и стабильности среди населения сверхдержав и их союзников. Однако метастазы холодной войны давали себя знать в других регионах, где «выпускался пар».

---

<sup>1</sup> *Philonenko A. Guerre et langage // Etudes polémologiques. 1974. № 14. P. 35–55.*

<sup>2</sup> См. также: *Thom F. La langue de bois (1987); Giraud M. Conflits de langues aux Antilles françaises (1985).*

Невозможность объяснить возникновение войны одним фактором была очевидна и для основателя полемологии, который кроме «демо-экономического» фактора указывал также на ряд других, но они у него не несли той теоретической и методологической нагрузки, как демографический. Современные французские полемологи уравнивают все факторы, влияющие на возникновение войн и военных конфликтов. Понятия бутулевской полемологии частично выводятся из оборота — такие, как «демографическая инфляция», «взрывная структура», «воинственный импульс», т.е. именно те термины, которые связаны с перенаселенностью; но многие другие остаются и успешно функционируют: «полемология», «ситуация, порождающая войну», «десакрализация войны», «полемологический барометр», «политическое насилие» и ряд других, способствующих реалистическому анализу войн, военных конфликтов и других явлений политического насилия и его результатов.

Характерной чертой современной французской полемологии является осторожное отношение к излишне широким обобщениям, попыткам создать всеобъемлющую картину конфликтности в мире, избегание упрощенных параллелей с естественными науками.

Такая осторожность, особенно в вопросе о народонаселении, вызвана, на наш взгляд, несколькими причинами, среди которых — определенная боязнь быть обвиненными во взглядах, перекликающихся с идеями, использованными в Германии для теоретического обоснования военной экспансии. Но, тем не менее, уйти от вопросов, которые ставит сама жизнь, невозможно.

Основные социальные проблемы, которые Г. Бутуль отметил как факторы, влияющие на возникновение «ситуаций, порождающих войны», и в настоящее время не потеряли своей остроты, но приобретают порой еще больший размах.

Бутрос Гали (Генеральный секретарь ООН в 1992–1996 гг.), сторонник полемологического подхода, выдвинул на первый план вопрос экономического и социального развития стран, влияющий на конфликтность как внутри стран, так и во всем взаимосвязанном мире. По его мнению, основные группы проблем приобретают политическое звучание, хотя каждая из них в той или иной

степени связана с ростом населения в мире и с проблемами, являющимися производными этого процесса.

Выделение социального и экономического фактора в генезисе конфликтности на разных уровнях и приравнивание их к политическим причинам видным политическим деятелем 90-х годов, представителем французской школы полемологии, свидетельствуют о том, что войны и конфликты современности воспринимаются как следствие социально-экономических и политических процессов, происходящих в обществах. Это отнюдь не противоречит формулировке Клаузевица по поводу причинно-следственной связи между войной и политикой, но в определенной мере углубляет и детализирует эту закономерность, выделяя социально-экономические аспекты этой взаимосвязи.

С разрушением привычной для всех схемы Восток-Запад появились попытки нового осмысления расстановки сил на мировой арене и «нового прочтения конфликтности» в мире. Эти попытки показывают расхождения во взглядах на тенденции развития этого феномена в постсоветском мире. Ряд специалистов придерживаются все той же биполярной модели конфликтности. С исчезновением старых субъектов такой формулы взаимодействия между субъектами конфликтных отношений на международной арене появляются новые, но сама формула остается неизменной. Введение в нее новых переменных по-новому структурирует отношения между субъектами конфликтности и создает основу для новой оценки расстановки сил на международной арене, но по старой схеме, только вместо Востока появляется Юг, а вместо Запада — Север.

Представители французской школы полемологии Д. Эрман, Д. Биго и ряд других не согласились с этой точкой зрения и противопоставили ей свое понимание соотношения сил в мире и векторов конфликтности<sup>1</sup>. Д. Биго, ставя под сомнение, что великие державы контролировали уровень интенсивности конфликтов, в которых участвовали их

---

<sup>1</sup> См.: *Bigo D., Hermant D.* De l'espoir à la crainte? Les lectures de la conflictualité // *Stratégique*. 1990. № 47. P. 297–307; *Herrnant D.* Les discours de la ménage, l'ordre international et la guerre du Gofle // *Stratégique*. 1991. № 54. P. 173–188; *Bigo D.* Les interpretations des années 1989/1990: enjeux et problématiques // *Approches polémologiques. Conflits et violence dans le monde au tournant des années 90.* Paris: FEDN, 1991. P. 29–49.



«подопечные», подверг еще большему сомнению применение старой биполярной формулы к новой геополитической реальности, которая образовалась в результате социально-политических и экономических процессов, приведших к кардинальным изменениям на территориях бывшего СССР и стран Восточной Европы. Он подверг критике позицию Р. Дебрэ, сторонника противопоставления Севера и Юга.

Р. Дебрэ среди обширной гаммы угроз миру, возникших в постсоветском мире, выделил две основные — 1) опасность, исходившую из деструктурирования Европы в связи с «взрывом изнутри» советского общества; и 2) опасность, возникшую в результате «опрокидывания оси Восток — Запад», что повлекло за собой возникновение новой угрозы с Юга. Он утверждал: «Подчиненная атлантическим приоритетам и привыкшая к ним натовская Европа “укрепила” свой немецкий фланг и ослабила свой южный фланг. Со всех точек зрения, а не просто с военной, мы тверды перед слабым и слабы перед твердым. Если, грубо говоря, зеленый цвет заменил красный в качестве крепнущей мировой силы, мы сосредоточиваем наше внимание и нашу решимость на фронте, ставшем второстепенным, перед лицом ставшего обороняющимся противника; но мы экономим их на более ощутимых фронтах перед лицом агрессивных потенциальных противников. В напряжении в зоне разрядки, расслабленные в зоне напряженности, мы можем в этом случае, как обычно, подвергнуться нападению с тыла... Ядерный и рациональный Север устрашает ядерный рациональный Север, а не мистический Юг с обычными вооружениями»<sup>1</sup>.

Министр обороны Франции (в 1988–1991 гг.) Жан-Пьер Шевенман на страницах газет «Монд» и журнала «Политик этранжер» поддержал точку зрения Р. Дебрэ: «Не будем забывать, что Европа может в будущем все больше и больше сталкиваться с угрозами, исходящими от Юга, где на фоне экономической слабости и подъема регионального и этнического соперничества и религиозного экстремизма развивается нестабильность, которую распространение химического, баллистического и ядерного ору-

---

<sup>1</sup> *Bigo D. Les interpretations des années 1989/1990: enjeux et problématiques // Approches polémologiques. Conflits et violence dans le monde au tournant des années 90. Paris: FEDN, 1991. P. 39.*

зия делает в военном отношении все более опасной»<sup>1</sup>. В духе высказываний Р. Дебрэ по этому вопросу выступили также А. де Бофор, Ж. де Зеликур, К. Нигуль, М. Торелли и др.

Д. Эрман и Д. Биго выступили против такой оценки отношений «Север-Юг» и их развития. Они считали, то это не является реалистической оценкой отношений между Севером и Югом, а своего рода идеологией. Дебаты по этой проблеме имели для них принципиальное значение, так как, по мнению специалистов, представление о характере опасностей, подстерегающих человеческую цивилизацию на пороге второго тысячелетия, имеет фундаментальное значение для будущего.

Полемологи не принимают модель противопоставления Севера и Юга, считая «идеологию угрозы с Юга» видением мира, обладающим меньшими возможностями консенсуса, хотя и отражающую интересы некоторых социальных слоев и имеющую инструментальный характер. По мнению последователей Г. Бутуля, речь идет о «социальном конструировании нового образа врага с целью реконструкции геостратегического пейзажа», где применялись бы выработанные ранее правила. Французские полемологи показывают, что эта идеологическая конструкция не принадлежит исключительно консервативным кругам, она не просто связана с материальными и идеологическими интересами, она черпает силу убеждения в социальной мифологии, и, в частности, как было подмечено Г. Бутулем и Ж. Фрэндом, в «фантазматическом отношении к врагу», являющимся структурирующим фактором «политического коллектива». Это отношение к врагу порождает тревогу, оправдывает существование границ и подчинение принудительному социальному порядку. Страх перед Другим используется некоторыми социальными группами и технотектурами для коллективной мобилизации на конфликтные проявления вплоть до войны.

Французские полемологи считают важной задачей разрушить эти ошибочные образы, показать их социальную логику, показать сложность каждого случая. Они утверждают, что нет оснований

---

<sup>1</sup> *Bigo D. Les interpretations des années 1989/1990: enjeux et problématiques // Approches polémologiques. Conflits et violence dans le monde au tournant des années 90. Paris: FEDN, 1991. P. 40.*

расценивать Юг как угрозу Северу: «Нет двух противоположных блоков, двух четко определенных врагов или, по крайней мере, пока нет, пока будет сопротивление убеждающей силе этих фантазматических представлений о враге, которые дьяволизуют противника и заново создают идентичности, солидарности внутри одного и того же лагеря, отрицающие все реальные отличия между актерами, чтобы придать им ипостась единственной манихейской и абсолютной разницы»<sup>1</sup>.

Полемологи исходят из того, что Юг, как и Север, не представляет собой единое целое, однородное образование. К тому же развитие отношений между народами различных стран создало условия культурного и политического взаимопроникновения, необратимого переплетения Севера с Югом. Но этот процесс может быть нарушен, если исповедовать идеологию размежевания и обвинений в адрес Юга. По мнению Д. Биго и других специалистов, «транснационализация», «беспокоящая» некоторых, является на деле лучшей формой иммунизации и предотвращения конфликта между Севером и Югом. Они считают, что невозможно рассматривать только под углом зрения безопасности и закрытия границ процессы миграции, демографии, культурного и экономического обменов, так как субъекты Юга — не обязательно государственные, они могут быть инфра-, суб- или трансэтнические. Отмечается, что между Севером и Югом в плане ценностей не существует фундаментального различия, хотя бы в силу того, что Юг не является сплоченным с географической, культурной и политической точки зрения. Поэтому «идея угрозы с Юга представляется методологически ошибочной и политически неприспособленной». Вследствие этого предлагается не строить политику на основе ложных представлений о военной угрозе со стороны Юга, а интегрировать социальные политики, чтобы избежать поворота от феномена планетарной интеграции к конфронтации. Полемологам выход видится в отказе от глобализма и отождествления Юга с антидемократическими режимами.

---

<sup>1</sup> *Bigo D. Les interpretations des années 1989/1990: enjeux et problématiques // Approches polémologiques. Conflits et violence dans le monde au tournant des années 90. Paris: FEDN, 1991. P. 44.*

Используя банк данных Французского института полемологии по конфликтам и политическому насилию, представители французской школы полемологии пришли к выводу, что в ближайшем будущем следует готовиться жить в хаотическом мире, во всех отношениях транснационализированном, не стесненном государственными границами, в котором автономия инфрагосударственных субъектов будет значительно большей. По их мнению, использование терминов «хаос» и «турбулентность» наиболее подходит в качестве характеристики нынешнего состояния мирового сообщества.

Французские полемологи считали, что, независимо от масштабов конфликтов и их границ, многие из них ощущают на себе влияние транснациональных факторов, которые можно назвать «транснациональные факторы конфликтности». Их значение лучше предстает в свете стратегических изменений, периодически потрясающих мировой порядок. Эти общие факторы затрагивают все кризисы и конфликты за редким исключением. Среди этих факторов можно назвать следующие: идейные веяния, средства массовой информации, покушения и взятие заложников, торговля и поставка оружия, движение капиталов и экономическая дестабилизация.

Еще одной тенденцией развития французской полемологии являются попытки геополитического и геостратегического осмысления конфликтности в мире. Эти попытки были начаты еще в 1968 году, но публикации, которые иногда появлялись на страницах «*Etudes polémologiques*» с картами мира, на которых обозначались феномены насилия за пятилетний период и фронты коллективной агрессивности, не могли быть очень значимыми, так как период в пять лет был короток для описания этих явлений по зонам. Поэтому уже тогда полемологами высказывалась мысль о необходимости компаративных исследований явлений конфликтности полемологией, геополитикой и геостратегией. Позднее такого рода анализы стали занимать более значительное место на страницах журнала и, соответственно, в исследованиях полемологов Франции<sup>1</sup>. Использование полемологией

---

<sup>1</sup> *Muraise E.* Relations de la polémologie, de la géopolitique et de la géostratégie // *Etudes polémologiques*. 1975. № 18; *Paucot J.* La nouvelle donne de l'affrontement // *Etudes polémologiques*. 1982. № 25–26; *Yakemtchouk R., Fontanel J. et al.* Incidences économiques et géopolitiques des transferts d'armements // *Etudes polémologiques*.

методов геополитики и геостратегий в анализе событий за продолжительный период объясняется не только междисциплинарностью полемологии, но и тем, что и полемология, и геополитика, и геостратегия стоят на исходных позитивистских позициях, что делает схожей их методологическую основу и сближает сами эти подходы к описанию конфликтности.

Получила развитие другая тенденция — использование математических методов при анализе конфликтности, а также использование электронно-вычислительной техники для накопления банка данных по этим проблемам. В полемологии эта тенденция была заложена Г. Бутулем, который исходил из стремления позитивистской методологии использовать математику и статистику для изучения социальных процессов с целью придать большую научность этим исследованиям<sup>1</sup>. Но об использовании математики в гуманитарных науках говорили еще раньше такие мыслители, как Пифагор, Августин Блаженный, Н. Кузанский, Боэций и др.

Хотя математизация социальных наук сталкивается с определенными трудностями, вхождение в них математики является одной из важнейших сторон современного развития этих наук. Французские полемологи при помощи такого мощного инструмента периодически проводили анализ «политического насилия» с помощью понятий и категорий полемологии. В результате этого ежегодно выходил специальный номер «*Etudes polémologiques*», посвященный анализу цифр, характеризовавших состояние «политического насилия» в мире, и синтезу оценки событий.

Введение информатики в исследовательскую программу «Политическое насилие в мире», осуществлявшуюся Французским институтом полемологии, делал легким и быстрым доступ к обширной базе данных, накопленных институтом. Еще одним пре-

---

1986. № 40; *Daudel C.* Analyse géostratégique des événements, 1991.

<sup>1</sup> *Bouthoul G.* Traite de polémologie. Paris, 1970. P. 538; *Bouthoul G.* Les barometres polémologiques // *Etudes polémologiques*. 1972. № 4. P. 30–54; *Prézelin J.* La polémologie, science française // *Communautés et continents*. 1974. № 36; *Carrere R., Valat-Morio P.* La violence mondiale en 1973 (comparaison avec 1968–1972, recherche avec ordinateur) // *Etudes polémologiques*. 1974. № 13. P. 61–95; *Blaquière A.* Introduction à la théorie mathématique des conflits // *Etudes polémologiques*. 1982. № 27; *Benhaim F., Cherqui P.* Le logi-violence: un instrument d'analyse // *Etudes polémologiques*. 1986. № 39.

имуществом было то, что обширная база данных и соответствующее математическое обеспечение давали возможность установить корреляции между фактами политического насилия, которые не всегда было легко установить обычным способом. Они регистрировались в результате обработки трех ежедневных изданий: «Монд», «Геральд Трибюн» и «Нойе Цайтунг». Факты классифицировались в хронологическом порядке, по географическому признаку и по типу. Каждый факт резюмировался в соответствии с одиннадцатью рубриками. Это давало возможность анализа этих событий в самых различных ракурсах и систематической выборки в соответствии с поставленными задачами исследования<sup>1</sup>.

Ряд авторов отмечают, что риск полемологического подхода заключается в том, что полемология может замкнуться в количественных наблюдениях<sup>2</sup>. Такую возможность при применении статистических методов отмечал еще основатель полемологии Г. Бутуль в работе «Трактат по социологии»: «Все эти примеры показывают, какие предосторожности надо принимать, когда хотят типологизировать общества, исходя из количественных критериев»<sup>3</sup>.

Тем не менее многие отечественные и зарубежные авторы отмечают, что прогресс математики позволяет отражать сложные реалии общественной жизни (в том числе демографии, конфликтности и других социальных явлений). Противоположность взглядов исследователей на применение математики в социальных науках вызвана рядом причин. *Первая причина* заключается в том, что в социальных науках возможность эксперимента ограничена, а сами измерения, как правило, касаются не непосредственно измеряемых величин, а обобщенных показателей, возникающих на базе эмпирического исследования. *Вторая* связана с тем, что эмпирические социальные науки сталкиваются с необходимостью изучения массовых явлений, в которых необходимо учитывать субъективные когнитивные факторы поведения и деятельности, отсутствующие у физических, механических и биологических объектов. *Третья причина* связана со

---

<sup>1</sup> Benhaim F., Cherqui P. Le logi-violence: un instrument d'analyse // Etudes polémologiques. 1986. № 39. P. 9–22.

<sup>2</sup> Dictionnaire des philosophes. Paris: PUF, 1984. P. 384.

<sup>3</sup> Bouthoul G. Traité de sociologie. Paris: Payot, 1946. P. 499.

сложностью и многомерностью социальных явлений, вызывающих определенные трудности в отражении этой сложности в системе данных, характеристик и категорий. *Четвертая причина* имеет гносеологический характер. По мнению Н. Винера, открываемые закономерности несут на себе отпечаток влияния исследователя, т.е. познающий субъект в процессе исследования накладывает отпечаток на открываемые закономерности<sup>1</sup>.

Полемология, как и ряд других научных дисциплин, уловила те изменения в мире, которые произошли во второй половине XX века и о которых хорошо сказал лауреат Нобелевской премии Илья Пригожин (Бельгия): «Пожалуй, пока преждевременно давать характеристику нашему времени, но я надеюсь, будущие историки вместе с нами отметят начало перелома, наметившегося после Второй мировой войны, который, возможно, будет способствовать формированию мировоззрения, опирающегося прежде всего на общественные науки, новый союз человека с природой, большее уважение человеческого достоинства»<sup>2</sup>.

Подводя итог, необходимо сказать о значимых этапах возникновения, становления и развития полемологии. *Первый этап* (1939–1965) связан с возникновением у основоположника полемологии Г. Бутуля гипотезы о существовании зависимости между социальными структурами и войной и их совместной эволюции. Этот этап знаменателен появлением ряда основополагающих произведений, заложивших теоретическую и методологическую основу для дальнейшего развития этой теории, возникновением Французского института полемологии, осуществившего институционализацию «новой науки о войне». *Второй этап* (1966–1980) характерен проявлением интереса к полемологии в широких кругах, в том числе и правительственных; появлением печатного органа Французского института полемологии «Guerre et paix» (впоследствии «Etudes polémologiques»), ставшего центром, вокруг которого сплотились исследователи, близкие по кругу научных интересов и методологии исследования. Этот этап отли-

---

<sup>1</sup> Математические методы в современной буржуазной социологии. Сборник аналитических обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1978. С. 7–8.

<sup>2</sup> Пригожин И. Новый союз науки и культуры // Курьер ЮНЕСКО. Июнь 1988. С. 12.

чается появлением конкретных полемологических методик исследования войны и их осмысления. *Третий этап* (1981–2000) примечателен уходом из жизни основателя полемологии Г. Бутуля, повлекшим смену состава Французского института полемологии и редакции журнала «*Etudes polémologiques*», а также изменениями в методологических установках полемологов, связанными с политическими реалиями современного мира. Для этого периода характерен спад полемологической активности французских исследователей и начало деинституционализации направления. *Четвертый этап* (2001 — по наст. время) можно назвать выходом из «полемологической летаргии». Так, в июне 2006 г. лаборатория «Культуры и общества в Европе» и институт полемологии Университета Марка Блока (Marc Bloch) организовали в Страсбурге день, посвященный ответам на вопросы о будущем полемологии. В 2007 году вышел сборник статей «*Héritage et actualité et la polémologie*», в котором каждый из авторов познакомил читателя со своей интерпретацией современных задач этой науки. В 2012 г. вышел № 53 журнала «*Etudes polémologiques*» (№ 52 вышел в 4 триместре 1989 г.). Ж. Бешлер в предисловии к номеру сравнил журнал с птицей Феникс. С тех пор следующий номер пока не вышел, но процессы возрождения идут, так как конфликтность в мире не прекратилась, а ее изучение и научно обоснованная борьба с ней становится одной из важнейших проблем современности.

Поныне в Страсбурге продолжает свою деятельность Институт полемологии, основанный Ж. Фрэндом. В различных странах последователи Г. Бутуля продолжают изучение военных конфликтов и войн в рамках полемологической парадигмы.

Современное состояние направления характеризуется расширительной трактовкой предмета данной науки, что связано с изменением облика политической конфликтности в мире.

С целью сохранения полемологией идентичности, позволяющей проводить грань между полемологией и другими школами и направлениями, она стремится подходить к рассмотрению войн и конфликтов, а также к явлениям политического насилия с точки зрения социологии.

Для французской полемологии конца XX — начала XXI века характерна тенденция уменьшения внимания к влиянию демографиче-



ского фактора в процессе возникновения ситуаций, порождающих войны, военные конфликты, политическое насилие, хотя этот фактор не сбрасывается со счетов. В настоящее время французские полемологи больше интересуются новыми формами конфликтности (информационная война, гибридная война и т.п.). При рассмотрении явления войны, вооруженных конфликтов, политического насилия они акцентируют внимание на различных формах общественного сознания в процессе возникновения этих явлений. Еще одной тенденцией современной французской полемологии является сближение полемологии с геополитикой и геостратегией.

В отношениях «Север — Юг» полемологи не усматривают априорного противостояния, а попытки некоторых исследователей придать им такой характер рассматривают как своего рода идеологию, призванную заменить старую форму биполярности новой. Они предлагают иной вариант трактовки конфликтности в мире. В первую очередь они выделяют «транснациональные факторы конфликтности». По их мнению, эти факторы свойственны всем кризисам и конфликтам современности за редким исключением.

В целом можно утверждать, что современная полемология, пережив трудный период переосмысления своих основ и вектора дальнейшего развития, пытается восстановить свои позиции среди прочих западных научных направлений, занимающихся исследованием войн, военных конфликтов и политического насилия.

Сытин А.Г.

## Проблематика «кризиса демократии» в современной политико-философской литературе

В современной научной литературе по философии политики и права, без сомнения, есть стержневые темы, и одной из таких тем в последние десятилетия является тема кризиса демократии. Это тем более примечательно, что еще совсем недавно, в конце XX века, о демократии говорилось в совершенно ином контексте — как об основном тренде мирового политического развития, где одна волна демократизации сменяет другую, причем каждая последующая из этих волн оказывается мощнее предыдущих; всерьез обсуждались вопросы о недалекой перспективе окончательной победы либеральной демократии во всемирном масштабе — как внутри стран, так и в форме так называемой «глобальной демократии»<sup>1</sup>. Сегодня же подвергается сомнению как эффективность демократии в качестве политического режима в настоящем, так и наличие у нее перспектив.

Такой резкий переход в оценках состояния и уместности демократии заставляет задуматься о существовании этой проблематики. Что произошло за столь короткое время, что приводит к «смене полярности» в оценках современной демократии? Что порождает возможность такой смены оценок в самой сущности демократии как политического порядка? Какого рода новые вызовы ставят под сомнение эффективность политической системы демократического типа? Могут ли дать на эти вызовы достаточно эффективные ответы политические режимы иного типа, и какого именно? Могут ли демократические системы быть модифицированы таким образом, чтобы обрести возможность давать эффективные ответы на эти

---

<sup>1</sup> См., напр.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

вызовы? И, в соответствии с этим, можно ли говорить о будущем, или, лучше сказать, о неких «путях сохранения будущего» для демократии в условиях этих вызовов — или, подходя к проблеме с другой стороны, может ли демократическая организация политической жизни, с учетом ее возможных модификаций, помочь сохранению будущего для современного общества? Цель настоящей статьи — постараться наметить возможные пути ответа на эти принципиальные вопросы.

Нужно сказать, что сама проблематика кризиса демократии для политико-философской мысли никак не является новой. Вероятно, с тех самых пор, когда возникли первые протодемократические формы управления, какие-то люди относились к ним критически. Во всяком случае, в античной Греции уже немалое число авторов, в том числе и весьма уважаемых, пишут о ней в определенно критическом ключе<sup>1</sup> как об одной из «неправильных» политических форм. Строго говоря, в их работах речь не идет о каком-то исторически конкретном и единичном «кризисе демократии», относящемся к строго определенным месту и времени. Однако в них отмечаются такие черты демократии, которые могут приводить и в итоге приводят к ее перерождению и смене иными режимами. Тем самым складывается своего рода мыслительная матрица для критического рассмотрения любой демократии и увязывания с этим способом общественного управления конкретных общественных кризисов.

Так, уже древнегреческие авторы ставят проблему компетентности политического управления при демократии. Особенно ярко эту мысль выражает Сократ. Демократическое голосование в народном собрании он сравнивает с выбором рулевого на корабле «с помощью бобов» (то есть посредством бросания жребия, случайно). Сократ формулирует риторический вопрос: хотелось бы кому-либо, чтобы кораблем в бурном море управлял человек, на которого совершенно случайно (и независимо от его умений и

---

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Кудрявцева Т.В.* Греческие философы о демократии: pro et contra // *Философия и общество*. 2008. № 1. С. 112–126; *Сытин А.Г.* Становление и особенности осмысления проблематики демократии в античной общественной мысли // *Философия и общество*. 2006. № 1. С. 145–165.

способностей) выпал жребий. Но ведь управление государством по крайней мере не легче, чем управление кораблем — как же могут участвовать в нем не подготовленные и мало знающие люди<sup>1</sup>? Таким образом, Сократ, который, согласно Платону и Ксенофону, полагал, что государством должны править истинно знающие люди, ставит здесь, пожалуй, ключевой вопрос к демократическому порядку правления: как избежать при нем влияния на характер принимаемых решений некомпетентных людей? Ведь правление некомпетентных будет вызывать общественные кризисы практически неизбежно.

Оратор Исократ ставит в вину демократии «уравнение в правах людей порядочных и дурных», утверждая, что «демократические правительства всегда добиваются равенства среди тех, кто располагает гражданскими правами, и у них высоко ценится, если один ни в чем не может иметь преимущества перед другим». По мнению Исократа, такой общественный порядок на руку только дурным людям<sup>2</sup>.

Платон также не анализирует какого-то исторически конкретного кризиса демократии, однако он, если можно так сказать, выстраивает логику, по которой строится любой ее кризис, и, более того, объявляет вырождение демократии на основе этой логики развития событий неизбежным. По Платону, демократия — строй приятный и разнообразный, но не имеющий должного управления. И вырождение ее есть просто доходящее до крайности развитие заложенного в ней принципа свободы. Логика этого вырождения такова, что у власти оказываются плохие лидеры, свободы при них становится слишком много, граждан, послушных властям, смешивают с грязью; вдохновляясь неограниченной свободой, дети перестают почитать родителей, школьники ни во что не ставят учителей и наставников. Затем люди перестают считаться с какими бы то ни было законами, не соглашаются выполнять уже лю-

---

<sup>1</sup> См.: Платон. Протагор // Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор. М., 1999; Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993; Якобсон А. Разговор о демократии: от Протагора до 19 декабря // Новый мир. 1999. № 12.

<sup>2</sup> Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подг. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М., 1996. С. 191.

бые распоряжения — и тогда наступает хаос, выходом из которого может быть только тирания. «Именно из этого правления, — заключает Платон, — такого прекрасного и по-юношески дерзкого, и вырастает, как мне кажется, тирания... Из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство»<sup>1</sup>. Таким образом, для Платона тирания вырастает из демократии, понимаемой как общество, в котором перестает действовать закон.

Несколько по-иному описывает логику вырождения демократии Полибий. «Пока остаются в живых граждане, испытавшие на себе наглость и насилие, — пишет греческий историк, — до тех пор сохраняется довольство установившимся строем и очень высоко ценятся равенство и свобода. Но когда народится новое поколение и демократия от детей перейдет к внукам, тогда люди, свыкшись с этими благами, перестают уже дорожить равенством и свободой и жаждут преобладания над большинством; склонны к этому в особенности люди, выдающиеся богатством... Лишь только вследствие безумного тщеславия их народ делается жадным к подачкам, демократия разрушается и, в свою очередь, переходит в беззаконие и господство силы... Тогда водворяется господство силы, а собирающаяся вокруг вождя толпа совершает убийства, изгнания, переделы земли, пока не одичает совершенно и снова не обретет себе властителя и самодержца»<sup>2</sup>. Важно, что, по мнению Полибия, вырождение одной политической формы в другую происходит по закону природы.

Своего рода «систематизацию» черт демократии, ведущих к кризисам, осуществляет позднее Томас Гоббс. В произведении «Основы философии. Часть 3. О гражданине» он, понимая демократию во вполне античном смысле как общее собрание граждан, сводит воедино ее вызывающие сомнение черты и создает, по существу, первую ее систематически построенную критику. Он отмечает, в частности, более широкие возможности коррупции, разжигание из-за разницы во взглядах вражды между гражданами, оставление в небрежении собственного хозяйства, манипулирующее воздей-

---

<sup>1</sup> Платон. Государство. 562с–564а.

<sup>2</sup> Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подг. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М., 1996. С. 170–171.

ствие ораторского красноречия, невозможность сохранять в секрете государственную тайну при принятии важнейших решений в массовых собраниях, неустойчивость принимаемых таким собранием законов<sup>1</sup>. Кроме того, Гоббс считал, что в условиях демократии достаточно небольшого небрежения к процедурам, чтобы возратилось чудовище войны всех против всех.

Таким образом, философами за ряд веков были выработаны достаточно систематические представления о свойственных демократии чертах, которые ведут к разного рода кризисам. Начиная же с эпохи Просвещения представители едва ли не каждого нового поколения философов говорят о чертах новых кризисов, связанных с демократией. Так, например, в XVIII веке Ш.Л. Монтескье говорит об опасностях, которые таит для демократии радикальное понимание равенства<sup>2</sup>. В XIX веке А. де Токвиль предупреждает, что основанное на духе равенства демократическое государство легко может вырождаться в деспотизм, хотя и деспотизм довольно-таки особого рода — форму рабства, которая могла бы сочетаться с некоторыми внешними атрибутами свободы, находясь в тени народной власти. Такую систему правления Токвиль называет «властью, которая стремится сохранить людей в младенческом состоянии. Она желала бы, чтобы граждане получали удовольствия и не думали ни о чем другом»<sup>3</sup>.

На рубеже XIX–XX вв. кризисные черты в развитии демократической идеи проявляются, в частности, в том, что набирают силу учения, подвергающие сомнению такой краеугольный камень демократической теории, как рациональность индивида — в частности, социально-психологические учения Гюстава Лебона и Жана Тарда, доказывающие тезис о возникновении в толпе некого рода коллективной души. С другой стороны, ключевые постулаты демократической теории оспаривают в это время авторы ставших впоследствии классическими учений элитизма.

Из них особенно важно сказать здесь о концепции Моисея Острогорского. Живя и работая в Великобритании, он хорошо

---

<sup>1</sup> Гоббс Т. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 377–383.

<sup>2</sup> Монтескье Ш.Л. О духе законов. Кн. 8. Гл. II.

<sup>3</sup> Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992. С. 497.

изучил практику политического процесса и пришел к выводу о глубоком несоответствии между принципами демократии и реальной английской политической жизнью, в частности, функционированием политических партий. В ставшей классической книге «Демократия и политические партии» (1903) Острогорский на основе непосредственных наблюдений доказывал, что прямой ответственности перед народом в современной политической жизни никто не несет, что политическое участие граждан превратилось в пустую формальность, что партийная система, по существу, вытеснила гражданина из политической жизни, а буржуазная пропаганда возвела политическое безразличие в добродетель<sup>1</sup>. За демократической системой осталась, по Острогорскому, только функция «социального запугивания» власть имущих: «Функция масс, — пишет классик партологии, — заключается не в том, чтобы управлять, а в том, чтобы запугивать правителей»<sup>2</sup>. Однако реальное соотношение сил таково, что и это запугивание у масс не получается, а это знаменует собой кризис демократической политики.

В период между двумя мировыми войнами к теме кризиса демократии обращаются уже многие авторы. П.И. Новгородцев пишет незадолго до своей кончины, что демократия оказалась не решением проблем, а отдельной проблемой, распутием дорог<sup>3</sup>. Освальд Шпенглер говорит о вырождении демократии через деньги, о том, что в современных условиях «бездна разверзается между духом законов и практическими обыкновениями»<sup>4</sup>. Что масса в качестве электората становится лишь объектом для субъекта. Что трудно говорить о собственном мнении каждого гражданина, когда он оказывается под мощным и постоянным воздействием одних и тех же СМИ.

«Пресса и связанные с ней электрослужбы новостей, — пишет Шпенглер, — держат бодрствование целых народов и континентов под отупляющим ураганным огнем фраз, лозунгов, воззрений, сцен, чувств день за днем, год за годом. Так что всякое “я” делает-

---

<sup>1</sup> Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997.

<sup>2</sup> Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997. С. 552.

<sup>3</sup> Новгородцев П.И. Демократия на распутьи // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.

<sup>4</sup> Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 2. С. 484.

ся чистой функцией колоссального духовного “нечто”». Находясь под непрерывным огнем «духовной артиллерии» СМИ, демократия, по Шпенглеру, постепенно упраздняет саму себя: «Из грезившегося самоопределения поздняя демократия превращается в радикальное определение народов теми силами, которым повинуются печатное слово». При этом, согласно Шпенглеру, деньги торжествуют и здесь, заставляя свободные умы себе служить. Что же касается самих народов, то, по оценке Шпенглера, «мышление, а тем самым и действия массы удерживаются в железных тисках»<sup>1</sup>.

Ярко пишет о кризисе демократии (между двумя войнами) и Карл Шмитт. Однако акценты в его трудах несколько иные — они нацелены на критический анализ прежде всего мыслительных оснований либеральной демократии. Шмитт доказывает, в частности, что «классическая» теория демократии основывается на ряде произвольных отождествлений нетождественных понятий и явлений. На самом деле центральный вопрос демократической политической жизни, по его мнению, — вопрос о том, в чьих руках находятся средства образовывать волю народа. И это полностью переворачивает классическую демократическую теорию, поскольку оказывается, что политическая власть может сама только и образовывать волю народа, которой она «по идее» как раз и должна порождаться.

Разговор о кризисе демократии не раз возникал и после Второй мировой войны. В частности, в 1970-е годы по линии Трехсторонней комиссии было выполнено исследование, вышедшее из печати в 1975 году под названием именно «Кризис демократии»<sup>2</sup>. Авторы, среди которых были видные политологи и политические философы, говорили о недостатке доверия граждан к институтам власти, о том, что механизм демократии продолжает работать, но управляемость им нарушается, отсюда возникают дисфункции. По оценке авторов, современный демократический дух подрывает все формы объединений и социальных связей, которые соединяют водино семью, бизнес и человеческие сообщества.

---

<sup>1</sup> Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 2. С. 490–494.

<sup>2</sup> Crozier M., Huntington S., Watanuki J. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. N.Y.: New York University Press, 1975.



Таким образом, в изучении кризисных явлений в демократии в разные времена было сделано не так мало. Однако важнее всего для нас ее современный кризис. Он носит, пожалуй, самый сложный и многосторонний характер. В чем наиболее очевидные его проявления?

В частности, как отмечает Питер Мэйр, происходит сегментация демократического процесса на небольшие промежутки времени, тогда как проблемы, стоящие перед обществом, носят долгосрочный характер. После выборов 1990 г. в выборах участвуют все меньше избирателей. Избиратели не только реже голосуют, но и становятся более непоследовательными в своем голосовании. Они также все менее хотят участвовать в какой-то повседневной политической работе. И потому возникает нечто вроде «демократии наблюдателей». Избиратели также все меньше хотят быть членами каких бы то ни было партий. По данным, которые приводит П. Мэйр, в конце 1990-х годов в 20 демократических странах средние показатели членства в политических партиях составляли всего 5% взрослого населения. Трудно не согласиться поэтому с выводом П. Мэйра, что «по всей видимости, во всех развитых демократиях граждане уходят с национальной политической арены». Партийная демократия превращается в зрительскую, политика превращается в зрительский вид спорта<sup>1</sup>.

Таким образом, кризисные явления в развитии демократии налицо. Важно, однако, разобраться в их корнях. В основе этих кризисных явлений, думается, прежде всего новые вызовы современного мира — такие, как глобализация, фундаменталистские движения, международный терроризм, геополитические катастрофы и изменение конфигурации международных отношений, масштабные межстрановые миграции, все большее распространение электронной слежки за гражданами и т.п. К этому можно добавить, что в современных условиях демократическая динамика — это прежде всего возможность контроля граждан над лидерами, над принятием решений. Однако важнейшие решения все чаще

---

<sup>1</sup> Мейр П. Правление пустотой. Схлопывание западной демократии // Прогнозис. 2006. № 8 ([www.intelros.ru/readroom/prognosis/021206/1011-pravlenie\\_pustotojj\\_skhlopyvanie\\_zapadnoj\\_demokratii.html](http://www.intelros.ru/readroom/prognosis/021206/1011-pravlenie_pustotojj_skhlopyvanie_zapadnoj_demokratii.html)).

принимаются на наднациональных уровнях, где никакого «демократического контроля» пока не существует.

Б.Г. Капустин добавляет и другие важные сюжеты к проблематике оснований современного кризиса демократии. Он различает проблемы дефектности (нарушения ее собственных принципов) и дисфункциональности демократии — и доказывает, что в современных условиях, даже когда демократия не является дефектной, она может не выполнять своих важнейших функций — служить справедливости, облегчать положение социальных низов, действовать в интересах народа. Это обусловлено, в частности, существенными изменениями в социальной структуре, когда исчезают многочисленные слои организованного самим производством рабочего класса, а работники сферы услуг сегодня отнюдь не представляются мощной силой, способной эффективно защищать свои интересы. Капустин показывает также, что проблема дисфункциональности демократии сегодня носит всемирный характер<sup>1</sup>. Важной представляется его мысль о том, что базой завоеваний демократии были определенные социальные слои с их способностью эффективно защищать свои интересы. В этом смысле изменения характера труда и связанные с этим изменения социальной структуры отнюдь не безразличны для судьбы демократии и для того, чтобы она оставалась функциональной.

Обозначенные выше проблемы не только многочисленны, но и весьма серьезны по существу. На сегодняшний день демократические институты политики далеко не со всеми из них способны справиться. Однако нельзя назвать и какой-то иной политический режим, который наверняка мог бы со всеми ими справиться. Принципиальной (и одновременно разумной) альтернативы демократии (в самом широком смысле) на ближайшее будущее не просматривается. Поэтому, скорее всего, речь может идти не о том, чтобы отказаться от демократии в принципе, а лишь о том, чтобы разрабатывать такие ее формы, которые будут в большей степени релевантными и действенными для разрешения все новых проблем, которые ставит время.

---

<sup>1</sup> Капустин Б.Г. Почему демократия перестает работать. Политэкономический взгляд на современный мир // [www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Pochemu-demokratiya-perestaet-rabotat](http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Pochemu-demokratiya-perestaet-rabotat).

Шамшурин В.И.  
Проблема значения  
в политическом знании

Значение как согласие и единство в подразумевании схожих и принимаемых в равновеликой очевидности коннотаций-смыслообразований — одна из основных прерогатив философии политики. Однако без осознания глубин этой проблемы невозможна и самая меркантильная политическая практика, обозначаемая в истории дипломатии как «договороспособность». Можно, конечно, вообще не ставить подобного рода вопросов, уходить от их постановки, называя их, например, псевдovoпросами. Так как у всех и у каждого, например (как учит постмодерн), уже как-то и откуда-то и так есть своя истина. Каждый — источник ее и хранитель. А универсальных и неизменных истин просто не существует в природе. Но это, во-первых, не умно, а во-вторых, опасно. Если истин не счесть, если они даны и их данность не обсуждается, а все по-своему правы, то никуда не уйти именно от политико-юридической постановки вопроса. Как в этом случае возможно хоть какое-то управление? Как все это взаимодействует? Да и может ли взаимодействовать вообще?

Если нет единой истины — понимания, как согласия в схожих подразумеваниях, в рамках которого происходит герменевтический информационно-коммуникационный переход из одной субъектности в другую, — то понимания как подразумевания схожих значений как такового нет вообще, оно невозможно. Тогда есть только механические столкновения, и истины не конвергируют, а дивергируют, т.к. истин понимания столько же, сколько и истин их выражения. Но герменевтика, языкознание, лингвистика, вообще любая работа со словом как согласие-согласование чего бы то ни было и кого бы то ни было возможно только при философском допущении как предварительном допущении — моноконтекстуальности, а не поликонтекстуальности.

Уже в Древней Греции понимали, что истина — одна и превосходит. Точнее, понимание все-таки есть, и оно — одно. Еще точ-

нее — язык понимания один, а языков выражения единого языка понимания как истины (даже самых неадекватных) — бесконечное множество, при этом действительно доходящих до противоположности языков выражения единого языка Понимания. Людям, культурам, языкам, эпохам, странам-государствам, цивилизациям, отдельным политикам дано сойтись (несмотря ни на что) в одном герменевтическом континууме как в синтезе. И в этом их путь — путь любви и согласия, основанный на смирении перед особенностями другого. А значит, и основанный на допущении собственных несовершенств и допустимости всеобщих коррекций в сторону понимания единых значений как некоторого должного состояния. И только на этом пути — жизнь. Другими словами, истина понимания единых значений одна, едина и универсальна. Добавим в духе Р. Мертона, Т. Парсонса и Ю. Хабермаса — еще и системна и целостна. И только в этом случае возможны хоть какие-то претензии на научность любого знания. Особенно — политического. И эта истина состоит в принятии предварительного условия всякого познания как акта веры, дальше которого идти уже нельзя.

Суть постулата, аксиомы, догмата, парадигмы, нормы, ценности (называть это предельное допущение, в данном случае лежащее в основе знания, можно как угодно) в следующем. Истина — в том, что есть, дана, задана возможность контакта-перехода друг в друга различных значений. В политике это значит, что консенсус — выше конфликта, а жизнь и любовь — выше смерти и войны. И если мы не принимаем эту предварительную установку, то вольно или невольно, явно или неявно, сознательно или по недомыслию нам придется принять прямо противоположное и утверждать победу сильнейших и гибель слабейших. Причем каждый раз ошибаясь в определении силы и слабости. И, как следствие, мы будем вынужденно принимать наступление всеобщих кризисов и катастроф, гибели всего и вся. Действительно, если конфликт, борьба — выше согласия, то смерть выше жизни и нет ни сильнейших, ни слабейших. Как, впрочем, и ни людей, ни философии, ни права — вообще ничего нет. Конфликтно-релятивистская парадигма чревата, по справедливому определению О.Ю. Бойцовой, автаркизацией структурных элементов знания, поскольку данный сценарий

связан с ситуацией, предполагающей замкнутость, разобщенность, независимое друг от друга сосуществование, минимизацию, если не полное исключение, взаимодействия с другими установками и ценностями. Кроме того, принципиальная релятивизация базовых ценностей и нормативных оснований знания в политике означает размытие конституирующей основы гражданского общества. В этом отношении показателен теоретический опыт постмодернизма, который показал, что релятивизация основ ценностно-нормативного регулирования неизбежно ведет к признанию волюнтаристского характера их установления, а в итоге приводит нормативное регулирование в формат игры. В рамках данной парадигмы задача нормативизации политического знания оказывается невыполнимой. «Легализация как отнесение к правовой норме, имеющей всеобщий характер и в силу этого требующей обязательности признания, оказывается невозможной, поскольку любые нормы признаются ситуативными, ангажированными, определенными политической волей и конъюнктурой. Принципиальная необоснованность нормы ставит под вопрос и всеобщую значимость права как верховной инстанции легитимации плюрализма гражданского общества»<sup>1</sup>.

Добавим, что релятивизация основ в духе постмодерна носит непоследовательный характер, т.к. все-таки априорна, заведома и предварительна. Это лукавая процедура, т.к. сама себя, в силу все-таки данности универсального стандарта (хотя и непоследовательного, противоречивого), точнее, придания его всему преходящему, уходящему, гибнущему, мнимому и второстепенному. Такой стандарт плох хотя бы потому, что сам себя и опровергает.

Теория и философия постоянных конкуренций, оппозиций, столкновения-взаимоисключения и борьбы-конflikта между частными истинами до победы одной из частных истин как истины мироздания и человеческого устройства — таковой признана быть не может. В лучшем случае она носит вспомогательный, вторичный характер как некое катастрофическое последствие или предостережение против недолжного при несоблюдении должного. И уж никак не

---

<sup>1</sup> *Бойцова О.Ю.* Ценностный плюрализм и политическая идентичность в современном дискурсе гражданского общества // *Цивилизационная миссия России. XI Парнаринские чтения: Сб. статей / Отв. ред. В.Н. Расторгуев. Пушкино, 2014. С. 68–69.*

в виде истины, которая «верна и преодолевает». Хотя бы потому, что соревнование, не просчитанное с точки зрения возможности именно сцепления *розносящихся* начал, — это логика тотальной гибели и всеобщего истребления. Частность, не приобщенная к вечности как всеобщности, необходимости обязательности и долженствования, как истинной априорности, погубив все остальные преходящие и не приобщенные к вечности и постоянству частности, все-таки всеобщностью и необходимостью как вечностью не становится. И тоже гибнет. Утверждение, основанное на отрицании в духе доказательства методом от противного, следующим шагом уничтожает самое себя: «А» в борьбе с «А», уничтожив «А», уничтожает и себя, т.к. никакого родового качества, которое могло бы сохранить «А», просто не содержит, целиком завися от отрицаемого состояния. Чтобы быть всеобщим и необходимым, нужно показать механизм приобщения к Единому в Вечности, как вечно единому, т.е. единосущному. Или же существу, что то же самое.

Кроме того, наделяя неудобные вопросы об источниках происхождения знания, как основах понимания, и, в этом смысле, определяя критику-оппоненту (особенно в споре об универсалиях) статусом кажимости, любой адепт, сторонник зачисления неудобных противников и точек зрения в ранг иллюзии-мнимости, должен быть готовым к «эффекту бумеранга». К тому, чтобы попасть под подозрение в собственной неадекватности и некомпетентности. Например, он должен осознавать правомерность следующего вопроса: а не является ли искаженной формой сознания точка зрения на единство и универсализм истины как на искаженную форму сознания? Ведь это тоже универсальное суждение! Однако плохое, т.к. самопротиворечивое и не содержащее качества. Как известно, один из предшественников постмодерна в Древней Греции, также утверждая довольно путаную мысль о том, что только «человек есть мера всего», пытался это делать с помощью столь популярной ныне, оторванной от вечности в пользу смертности «гуманистической» концепции, звучавшей тогда следующим образом: «нет абсолютно непрекаемых суждений!». И был совершенно обескуражен вопросом одного из своих слушателей-студентов, резонно спросившим: «Профессор, а это утверждение — абсолютно непре-

рекаемое суждение?» Понятно, что любой ответ не оставлял камня на камне от такой квазиаргументации...

Так мыслят, вопрошая «вообще», философ и богослов. А юрист, политолог и социолог (особенно юрист) точны в конкретном, чтобы избежать «пустотных» концепций вроде постмодернистских толерантных «политкоррекций» о допустимости и истинности любой точки зрения и позиции вплоть до одновременного утверждения «плюрализма истины как истинностей» вроде: истинно и «А», и «не-А». Значит, универсалия не истинна, если истины — взаимоисключающие суждения. Следовательно, если следовать постмодерну, и, скажем, неприятие-осуждение криминально-аномийного начала как такового в виде шиканы и прекарного поведения — это показатель отсутствия «гуманной» толерантности и не более того. Главное — либерально-постмодернистское «anything goes». Другими словами, утверждение скептического софизма вроде: «все позволено». В том числе и право на убийство. А обязанностей-обязательств соблюдать не надо, так как их нет вовсе в силу отсутствия обязательности той или иной вечной позиции и наличия обязательности постоянно меняющихся и конъюнктурно выгодных субъективных «уважительных причин»... Так вот, юрист (прежде всего), политолог, социолог в этом случае уточнят: «А на каких фактах основано и в виде каких последствий такой теории в случае осуществления ее на практике подтверждено?» И сразу все становится ясно, т.к. основания ужасны и неприглядны, а подтверждений нет вообще. Поэтому, конечно же, в отличие от «спортивно-созерцательной» постановки вопроса интерпретативного целеполагания, юрист, социолог и политолог всего более интересуются не менее важными «применительно-боевыми», праксиологическими вопросами в виде следующих практических рациональностей, поставленных И. Кантом. «Кто более для матери-истории, — как говорил классик, — ценен?» — только во взаимодействии, «в команде». В силу их, так сказать хоть и неслиянности, но и прежде всего взаимной «нераздельности», в духе Канта: 1) Что я могу знать? 2) Что я должен делать? 3) На что я могу надеяться? 4) Что такое человек и чем он сам может стать?

Сейчас в политическом знании основное внимание уделяется преимущественно гносеологическим сюжетам, превалирование которых

делает не только политическое знание, но и любое понимание между людьми как форму социализации в принципе проблематичной. Какие идеи и методы расчистили мировой общественной науке вообще и американской, как наиболее представительной ее части, в особенности дорогу начиная с середины XX века? Чаше всего имеется в виду традиционное «аналитическое» направление в англо-американской философии, «ведущее свое начало от британского эмпиризма (имеются в виду Дж. Локк, Д. Юм, Дж. Беркли), возрожденного в 1920 г. Венским кружком. Иногда — как более широкое политическое и метафизическое мировоззрение в духе О. Конта»<sup>1</sup>. Это направление представлено и в постпозитивизме современной философии науки К. Поппера, И. Лакатоса, Т. Куна, С. Тулмина, Л. Минка и др., во многом обязанных (по их же признанию) историко-эволюционной эпистемологии Р.Дж. Коллингвуда. И конечно же, это — аналитическая философия языка Л. Витгенштейна, у которого, как и у Г. Фреге, феномены сознания, знание, его эволюция анализируются с точки зрения их выведения, а не возникновения. А значение и, соответственно, понимание значений появляется в процессе их употребления. Особенно, повторяю, в этом отношении показателен Р.Дж. Коллингвуд, который особенно пристально пытался реализовать эти идеи в конкретных областях самых разных наук гуманитарного профиля. И не только в философии или логике, но и в археологии, эстетике, этике, политике и т.д.

Так или иначе, но широкий круг вопросов, касающихся проблемы значения, понимания, в той или иной форме определенно присутствовал на всем протяжении истории философии и особенно богословия, в котором истолкование текстов, их интерпретация в самом общем виде примыкали или к Антиохийской (буквальное понимание), или к Александрийской (иносказательное понимание) школам.

Специфика же аналитической философии состоит в том, что она особо пристально изучает значение «само по себе». Но даже в этом случае становится ясной недостаточность чисто философско-гносеологического подхода. Было бы, конечно, опрометчиво утверждать, что аналитическая философия целиком и полностью домини-

---

<sup>1</sup> Walker R.B.J. World politics and Western reason? Universalism, pluralism, hegemony. N.Y., 1982.



рует в этой области. Конечно, это не так. Важным здесь представляется следующее. Проблема значения ставится и исследуется западными философскими направлениями (феноменологией, структурализмом, герменевтикой и другими) в контексте, наиболее последовательно, определенно, отчетливо, а главное — целенаправленно разработанном в современной (англо-американской по преимуществу) философии языка. Именно этим и объясняется повышенное внимание к положениям аналитической философии самых разных специалистов. А среди них представители близких и далеких друг от друга научных областей — здесь и историки, и лингвисты и антропологи, и политологи, и специалисты в области теории информации и коммуникации, и историки философии.

Я хочу сказать о широко распространенном мнении, довольно спорном, об «антиментализме» теории значения аналитиков. Действительно, они отвергают реалистскую, наиболее древнюю, принадлежащую Платону концепцию значения. В ней утверждается, что функция значения заключается в обозначении объекта. Считается, что функциональная трактовка языка и значения, присущая аналитической философии, несовместима с постулированием сущностей, состояний или процессов. Другими словами, менталистское постулирование интроспективных актов понимания не схватывает нормативной сущности речевых действий.

На мой же взгляд, и у аналитиков, несмотря на все их заверения, идеализм в гносеологии все же переходит в онтологию, а концептуальный аппарат исследователя определяет построение изучаемой им картины действительности не только в плане познания, но и существования. Если даже допускать, что гносеологическая функция языка не перерастает у аналитиков в онтологию непосредственно, а имеет «предрасположенность» к этому и только «концептуально» определяет построение онтологической картины мира, то мы приходим к необходимости признать следующую любопытную вещь. В этом случае менталистская концепция значения Платона не остается в русле «реалистской» проблематики, а смыкается с «функционально-деятельной» гносеологией аналитической философии языка. Концепция значения, как она выражена у Платона, к примеру, в «Кратиле», также основывается на конструктивно-конвен-

циалистских принципах и априорных условиях предварительного, доопытного знания значения, упреждающих его познание<sup>1</sup>.

Это сходство не случайно. Основные идеи в аналитической философии — посылка о предваряющем, доопытном знании значения, а также функциональная трактовка значения, — несомненно, созвучны платоновскому анамнезису (бессмертие души, ее сопричастность миру нетленных ценностей, отвлеченных сущностей или понятий вещей делают возможным возбуждение в любом человеке методом диалектики воспоминания об этих ценностях). Кроме знания как припоминания (анамнезиса), другими словами, прояснения смысла «припоминаемых значений понятий, у Сократа, судя по диалогам Платона, были, как известно, ирония, знаменующая начало поиска, возбуждающая плодотворное сомнение; майевтика — конкретные приемы, «функции» установления истины. Однако, в отличие от современной аналитической философии языка, «чисто экспликативный», концептуальный момент в познании не представлял исключительной ценности для Платона. Главным для него было не всякое, а нравственно-оправданное знание (софросюне), то есть «знание-деятельность», обладающее социально-политическими и морально-прикладными и в этом смысле функциональными характеристиками (см., например, диалог «Хармид»)<sup>2</sup>.

Отсюда следует, что функциональная трактовка языка и значения, присущая аналитической философии, не противоречит постулированию идеальных сущностей, состояний или процессов в духе взглядов того же Платона или Канта. Для того, чтобы быть плодотворным, познание не должно останавливаться на анализе одного лишь знания. В этом случае непонятно, откуда берется знание, значение и его понимание — оно не соотносено с рефе-

---

<sup>1</sup> «Сократ. И видимо нельзя говорить о знании, Критил, если все вещи меняются и ничто не остается на месте. Ведь и само знание — если оно не выйдет за пределы того, что есть знание, — всегда остается знанием и им будет; если же изменится самая идея знания, то одновременно она перейдет в другую идею знания, то есть данного знания уже не будет. Если же оно вечно меняется — то оно вечно незнание. Из этого рассуждения следует, что не было бы ни познающего, ни того, что должно быть познанным» (*Платон. Собр.соч.*: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 680).

<sup>2</sup> «Сократ. Знание, будучи знанием лишь себя самого, способно ли различать нечто большее, чем то, что одно из двух — это знание, а другое — незнание?» (*Платон. Платон. Собр.соч.*: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 363). «Сократ. Ведь наше допущение позволяет думать, что можно знать то, чего ты не знаешь» (С. 370).

рентом. А чем, как не постулированием «идеальных данностей», «сущностей», являются утверждения аналитиков о необходимости доопытного (а значит, априорного) знания значения любого явления? Любая данность, открытость действительности субъекту, т.е. любой «эмпиризм», истолковывается Л. Витгенштейном, а затем и П. Стросоном, У. Селларсом, Дж. Сёрлом, М. Даммитом, Э. Тугендхатом как результат применения субъектом определенных понятийных «доопытных» структур, т.е. — «априорно». Добавим — без этого априорного допущения «открытости» незнания — знанию, объекта — субъекту и субъекта — субъекту как предварительного основания всякого знания вообще невозможна никакая наука.

Характерная же особенность и отличие аналитической философии, например, от феноменологии, заключается в том, что область предварительного и в этом смысле априорного знания в ней рассматривается не как область особых идеальных, надэмпирических сущностей, а как область интересубъективного взаимопонимания, употребления языка. Но эта особенность погоды не делает. Нельзя говорить о стройности и непротиворечивости теории, которая становится таковой, только за счет того, что ее приверженцы просто-напросто игнорируют, выводят за рамки собственного рассмотрения определенный круг вопросов и только поэтому не дают конечных логических ответов, подобных тем, которые предлагал Платон. Они просто-напросто те физики, которые «берегутся метафизики» и ничего не говорят о «роковых вопросах» по существу. Но подобная «осторожность» не ведет к «рождению» нового знания. А речь идет, например, о таком вопросе: каков онтологический статус значений? Поэтому аналитическая философия языка не преодолевает в своей теории значений традиционный (критикуемый и отрицаемый ею) и идущий от Платона метафизический «ментализм» даже с помощью положений (тоже идущих от Платона) о функциональных, правилообразующих свойствах лингвистического объекта, обеспечивающих осмысленность предложения. Этот вывод становится довольно правомерным, если задать вопрос, какова по Витгенштейну, существенная особенность, функция философии? Если учитывать, что изменение сознания выступает в «Философских исследованиях» главной целью всех разнообразных методик анализа языка, то эта функция — педагогическая.

И здесь Витгенштейн фактически возобновляет сократовское философствование. Главная цель философии — практическое философствование. А созерцательная философская теория заменяется философской практикой. Наверно, отсюда настойчивые и известные утверждения Витгенштейна о том, что он не собирается теоретизировать по поводу обыденного языка и что философия — не доктрина, а деятельность. Неотъемлемым элементом такого философского дискурса является жизнь самого философа. И если многообразие значений языковых выражений обнаруживается именно с помощью ряда примеров, то и биография философа — пример устройства жизни. И не только для того или иного философа, но и для любых участников этого процесса. Очень интересно в этой связи расценивали эволюцию взглядов самого Витгенштейна во взаимодействии с его биографией М.С. Козлова и А.Ф. Грязнов. Витгенштейн как раз и полагал, что современное общество нуждается в лечении (терапии). В этой связи показательно мнение Л. Стивенсона, особо пристально изучающего сравнение Канта и Витгенштейна. Исследуя кантовское рассмотрение необходимых условий любого возможного опыта, он прямо говорит о своей приверженности основным положениям современной аналитической философии языка и при этом пишет, что особый интерес в исследованиях представляет «последовательная в логическом отношении основа любого понятийного опыта, любого рационального существа, в любой культуре, пространстве и времени. Таким образом, с нашими выводами согласятся те философы, которые начинают исследования с изучения самих себя и своего опыта (т.е. опыта сознания. — *В.Ш.*), лингвисты, историки и антропологи, пытающиеся составить представление о культурах, в корне отличных от нашей (или же о типах внеземных разумных существ), да, пожалуй, и всеми теми, кто хочет понять друг друга»<sup>1</sup>. Собственно, это и есть «междисциплинарно-пограничная роль» философии на «стыке» субъектов и их интересов в процессе понимания как именно создания смыслов в культуре, науке и политике. И эта ответственность за создание «территории смыслов», приемлемых для всех в процессе публично-правового регулирования интересов, и есть прерогатива философии.

---

<sup>1</sup> *Stevenson L. The metaphysics of experience. Oxford, 1982. P. 9–10.*

Щипков А.В.

«Догоняющее развитие»:

из ниоткуда в никуда.

От идеи «Москва — Третий Рим»

к идее «Россия — неполноценная Европа»

*Многие общественные вопросы, считавшиеся сложными, получили неожиданно простое, пусть и не всегда и не для всех приятное, объяснение в последние четыре года. Многие, но не все.*

*Вопрос о том, кто виноват в «вековом отставании» России от Запада и что с этим делать, до сих пор проходит по разряду «вечных». Нельзя сказать, что интерес к нему не оправдан. Но, к сожалению, проблема отставания присвоена либеральной публицистикой, которая имеет обыкновение переворачивать ее с ног на голову. Поэтому на подступах к теме необходимо иметь в виду ряд принципиальных вопросов.*

*Например: во всем ли мы отстаем? А там, где действительно отстаем — только ли Россия отстает? То есть отставание — это явление локальное или мир-системное? Как соотносится реальная модернизация с идеологией модерна? Она универсальна или у каждой культуры свой тип модернизации? Можно ли вообще догнать мировые центры капитала, оставаясь на «периферии» мировой экономико-политической системы?*

*Чтобы развивать тему в направлении, заданном этими вопросами, придется пересмотреть ряд стереотипов — в частности, тезис об «отставании во всем».*

## Научный прогресс

Что такое Прогресс и можно ли говорить о нем абстрактно и обобщенно, имея в виду не технические открытия, а именно «Прогресс вообще», «Прогресс человечества»? Когда поют гимны веку Прогресса, далеко не всегда уточняют, что именно и куда развивается. Разные процессы порой «слипаются» до неразличимости.

Например, позитивист мыслит развитие культуры и общества по аналогии с техникой, с точными и естественными науками и тем самым воспроизводит миф прогрессорства. Собственно прогресс вытесняется культом Прогресса (с большой буквы), неистовой верой в неумолимую поступь времени, которое само по себе «идет куда надо». Здесь перед нами уже не просто время, но сам Мировой Дух. Такое вульгарное гегельянство больше напоминает шаманизм.

Иными словами, идея «Прогресса вообще» является вполне себе метафизической и даже квазирелигиозной идеей. Но стоит все же на секунду допустить обобщенное употребление этого понятия, чтобы окинуть взглядом XX век и оценить плоды и результаты «Прогресса вообще». XX век — это самая бесчеловечная война в истории, самая бесчеловечная идеология (нацизм), больше всего заключенных в концлагерях всего мира, самое страшное оружие, мировой терроризм, разрушение семьи, гимн греху и потреблению, виртуальная экономика, жизнь в информационных «пузырях»... И это Прогресс?

Существует точка зрения, согласно которой до начала XVIII века наука в России отставала от западноевропейских. Что в этом утверждении верно, а что нет?

Промышленный переворот XVIII–XIX вв. утвердил британское лидерство над всеми европейцами, не говоря уже об остальном мире. Но дальше ситуация выравнивается, в том числе и применительно к России. Сравним: с одной стороны — Лавуазье, Уатт, Эдисон, Парсонс, Сименс, Маркони, Даймлер, Бенц, Дизель, с другой — Ломоносов, Циолковский, Менделеев, Лодыгин, Яблочков, Попов. Так ли у нас все было плохо с наукой?

Совсем другое дело — реализация изобретений в России. Она оставляла и оставляет желать лучшего. Но это уже вопрос социально-политический, а значит, связанный с геоэкономикой, о которой речь пойдет позже.

## Искусство

Рассмотрим ситуацию с русским искусством — отставало ли оно от искусства западного. Интересно, что ставить так вопрос по отношению, скажем, к японскому искусству с весьма развитой системой жанров обычно в голову не приходит. Хотя внешне Япония сегодня куда более «западная» и модернизированная страна, нежели Россия.

В России не было Ренессанса, за Средневековьем сразу шли классицизм и Просвещение, именно это сформировало особую эстетику. Поэтому здесь нет, и не может быть, отставания. О том, что в России «не было литературы», говорят со времен Карамзина, но это не так. Конечно, в русской литературе была сильна назидательность — результат влияния духовной словесности. Но чтобы утверждать, будто бы русское искусство отставало от западного, придется забыть о русской иконописи, о русском театре, о великом расцвете, который начался с Пушкина, о существовании целых пластов древнерусской словесности, о русском барокко — более радостном, светлом, оптимистичном, чем барокко западное.

Литература русского барокко часто была посвящена государственным темам и воспитательным задачам — вспомним хотя бы Симеона Полоцкого с его «Вертоградом многоцветным», с загадками и «максимами». Например: «Человек некий винопийца бяше / Меры в питии хранити не знаше / Тем же многажды повнегда упийся / В очию его всяка вещь двоися / Во едино время прииде до дому, / И вся сугуба зрешася оному».

Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Феофан Прокопович, Кантемир, Сумароков, Карамзин, Ломоносов — разве не писатели? И как в условиях отставания мог возникнуть фундамент «золотого века», как могли в конечном счете появиться Пушкин, Гоголь, Достоевский, Лесков, Бунин?

В искусстве все уникально, и все — развитие. Поэтому оно не бывает отсталым, хотя упадок в нем возможен, и именно сегодня мы его наблюдаем.

## Общество

Следующий пункт — развитие гражданских и государственных институтов. Мне трудно согласиться с тем, что общественная система в России не была эффективной. Наряду с монархией были Земские соборы, общины, были Уложения — институциональность налицо. Вспомним, как всенародно выкликали Михаила Романова после Смуты. По сути дела, это была форма плебисцита своего времени.

Существует устойчивый миф о новгородской «демократии» как якобы более прогрессивной политической модели, чем «московская деспотия». На самом деле это просто модель компрадорского меньшинства, которое насильно тасило горожан от Москвы в сторону Литвы, ориентируясь на князя Казимира IV. Но эта «литовская партия» состояла всего из трех-четырёх сотен самых богатых людей. Позднее историки назвали их «партией белого хлеба», это, говоря в стиле нынешних соцсетей, поклонники пармезана. Большая часть новгородцев ела дешёвый ржаной хлеб, и у этого городского большинства было отнято право голоса. Чтобы достичь нужного решения, партия белого хлеба скупала голоса, запугивала несогласных, творила погромы, топила неугодных в реке, иными словами — устраивала майдан. И одновременно вела подробную переписку с князем Казимиром, консультировалась с ним по поводу своих действий.

Демократия ли все это? Нет, это, говоря категориями «Государства» Платона, — олигархия.

Иван III пришел, чтобы защитить народ и православную веру от олигархической шайки. Он установил подлинную демократию, то есть приоритет интересов большинства. И это было куда прогрессивнее для своего времени, чем диктатура олигархов-компрадоров. В каком-то смысле эта новгородская история очень напоминает ситуацию в Крыму накануне его освобождения в феврале 2014 года.



## Экономика («центр — периферия»)

Развитие социальных и политических моделей происходит отнюдь не в историческом вакууме и объективно следует либо за традицией («протестантская этика и дух капитализма»), либо за геоэкономикой. Какой из двух факторов оказывается решающим, зависит от места страны в мировом разделении труда, от степени ее суверенитета. Например, крепостное право в России поддерживалось ролью страны как поставщика зерна на мировой рынок, а не общинной традицией. Внешний фактор перевешивал.

И вот здесь, в сфере организации экономики, действительно имело место серьезное отставание. Только причиной отставания, вопреки неолиберальным догмам, был не недостаток, а как раз избыток влияния западных институтов и центров силы, например — глобального рынка зерна и его крупнейших потребителей. Излишняя кооперация с Западом как раз тормозила развитие, в том числе и отмену крепостного права.

Зависимость всегда ведет к отставанию, а не наоборот, это аксиома. Но вместе с Россией отставали и все другие периферийные и полупериферийные страны. Это результат диктата транснационального капитала в глобальной экономике, который существовал уже тогда — в XVII, XVIII, XIX веках. И чем сильнее вовлеченность страны в сферу глобального рынка — тем больше отставание.

Контроль за направлением финансовых потоков со стороны стран «центра» позволяет им развиваться, а страны периферии вынуждены спонсировать чужое развитие.

По этой причине «вторичная модернизация», то есть попытка догнать основных экономических игроков, была обречена на провал независимо от уровня предпринимаемых усилий. Вода льется не на ту мельницу. Выход — в создании собственной, альтернативной политико-экономической зоны. Китаю это сегодня удастся. Закрепляя невыгодную роль в мировом разделении труда и, того хуже, ломая свои традиционные социальные институты, страна только еще больше увеличит отставание; яркие примеры такого пути — Россия 1990-х годов и современная Украина.

Страна должна заимствовать и переосмысливать технологии, но не социальные институты и не культурные особенности. Только приспособив технологии к своим традиционным институтам, она и становится конкурентоспособной, поскольку создает «оригиналы», а не плохие «копии».

## Религия и квазирелигия

Тема «отставания России» перевернута с ног на голову и относится к разряду наиболее мифологизированных. В радикальном варианте она включает в себя дилемму «западничества и славянофильства», а в ультрарадикальном превращается в идеологию Смердякова из романа Достоевского: «Умная нация должна завоевать глупую-с». То есть, если мерить нынешними мерками, дать добровольное согласие на колонизацию. При этом свои достоинства — то, что нельзя перенять, а можно только создать самим, — отбрасываются. Например, православие начинает «мешать» историческому развитию общества, как утверждает известный интервьюер Владимир Познер.

Примечательно, что в такой трактовке проблемы отставания присутствует осязаемый религиозный оттенок. Ведь для либеральных сторонников «догоняющего развития» социальные институты стран — центров капитала являются некой абсолютной «общечеловеческой ценностью» (с которой как-то крайне замысловато соотносится идейный плюрализм), то есть предметом некоего цивилизационного культа, словно для австралийских туземцев — галантерейные товары из Европы. Они мысленно примеряют на себя «институты», формы социальной организации, выработанной в русле другой культуры, и, как правило, удовлетворены уже самим процессом такого внутреннего самосозерцания или, если угодно, созерцания в себе «внутреннего» Запада.

Идея догоняющего развития построена на культе этих институтов — чудесных атрибутов земного рая, «страны святых чудес», как выражался в свое время Ф.М. Достоевский. При этом часто упускается из виду, что любые общественные институты — если

только они не фиктивны — вырастают из традиции, а традиция всегда национальна.

Зона сакрального в восприятии данной проблемы начинается, строго говоря, именно там, где попытки рациональных объяснений сменяются магическим отношением, тягой к «институтам ради институтов», «модернизации ради модернизации» и т.п. Движение — все, конечная цель — ничто... Возникает ложное ощущение: будто бы все это само упало на Европу как манна небесная и может быть воспроизведено и повторено где угодно по неким лекалам. Подобное утверждение равнозначно попыткам за сутки родить ребенка или вырастить дерево. Не находя желаемого, эта публика злится и заводит песню о нашей якобы неполноценности, цивилизационной, а то и биологической. Любопытным изводом западнического мессианизма является его украинская версия, где под заклинание «Украина це Европа» цивилизационные украинцы развалили собственное государство и экономику, обвинив во всем «клятых москалей».

У российских западников, в отличие от их украинских коллег, нет дежурного образа внешнего врага, поскольку условный «Запад» в этой парадигме врагом быть никак не может, — но есть образ врага внутреннего. Это либо «кровавый чекистский режим», либо «быдло» (85% населения, поддержавшего Крым). Плюс сюда нужно добавить неприятие традиционной религиозности во всех ее видах, поскольку традиционный культ мешает культу новому, модернистскому. Это, в свою очередь, является источником русофобии, воинствующего секуляризма и ортофобии.

Антиправославная и «антицивилизационная» идеологическая модель воспроизводится у нас со времен Петра Чаадаева, который считал, что все беды России от неправильного выбора религии. Вот склонили бы колена перед Святым Престолом — глядишь, и с культурой и с экономикой было бы получше... Правда, век католичества в его классическом виде оказался недолог — и сейчас приходится привлекать для идеи «догоняющего развития» куда более экзотические культы — неогностицизм, техноязычество. Однако естественным образом эта квазирелигиозность в России пока не приживается.

## История

Обратившись к прошлому, можно вспомнить историческую легенду о Петре Первом как мудром преобразователе, прорубившем окно в Европу. Не будем говорить о степени мифичности этого сюжета, отметим лишь, что курс Петра означал смену государственного культа, переход от идеи «Москва — Третий Рим» к идее «Россия — неполноценная Европа», где обобщенный Запад становился культурным эталоном. Духовную преемственность, максимально творческую в условиях, когда византийский мир уже прекратил свое существование, Петр подменил духовной зависимостью, ощущением собственной вторичности.

Такой взгляд на самих себя вел к разрыву традиции, тем более прискорбному, что византийская и вообще христианская традиция аккумулирует и собирает, а западная модернистская модель развития (контртрадиция) предполагает экспансию, подчинение, колонизацию, разрушение как своей, так и чужих традиций. Кстати, до знаменитой поездки в Европу со своим «Великим Посольством» Петр предполагал расширение России в сторону Черного и Средиземного морей, достижение контроля над проливами и Константинополем. А по возвращении его стало интересоваться в первую очередь Балтийское направление. Это был геополитический просчет. Россия — наследница Византии — должна была быть черноморской державой. До сих пор мы стремимся наверстать упущенное.

Смена исторического «курса» ценой разрыва традиции была стратегической ошибкой, что не отменяет ряда достижений петровского времени — например, преобразования армии и флота. Примерно такую же двойственную оценку можно дать и советскому периоду, хотя и на несколько иных основаниях. Он означал декларацию отказа от периферийной модели развития, противопоставление себя Западу как нового глобального и идеологического центра. Но вместе с тем эта цель достигалась ценой утраты своих культурных, исторических, символических и иных ресурсов. Это была системная ошибка. Весь советский период ушел на ее преодоление.

## «Партнеры»

Никакие исторические сюжеты все же не дают универсального ответа на вопрос о причинах социально-экономического «отставания». Причины эти в разные эпохи разные — хлебная зависимость в XIX веке, сырьевая зависимость в XX веке, идеологическая, культурная и институциональная зависимость в XXI веке: отказ от собственной национальной научной школы (Болонская система), от национальных принципов образования (ЕГЭ), от нормальной связи между поколениями (ювенальная юстиция).

Для понимания глубинных причин отставания России надо учитывать, что тактические и стратегические ошибки — не просто результат выбора из двух равных возможностей. Это системный процесс, и поскольку конкуренцию в мире никто не отменял, наше желание «догнать» отнюдь не совпадает с желанием наших партнеров, которые не стремятся к тому, чтобы их «догнали». Зачем им новые конкуренты? Партнеры совсем не против того, чтобы мы шли путем слепого, буквалистского подражания — поскольку это явно не позволит нам кого-то догнать. Дело в том, что при разных исходных условиях нужны и разные принципы движения, чтобы оказаться примерно в одной точке. Автомобиль не догонит катер, если поедет по воде, но легко обойдет его по суше. Это так называемые «ножницы развития». Принцип ножниц важен как в технологической сфере, так и в идеологической.

Конкурентам есть смысл пустить нас по ложному пути, то есть идеологически вменить нам неэффективный сценарий. Например, строго подражательный: сделайте в точности как у нас, один в один. Или наоборот: убедить нас в том, что чего-то ни в коем случае делать нельзя. Например, проводить свободную эмиссию национальной валюты, вложения в науку и образование.

Так, британцы в XIX веке убеждали наших дипломатов в том, что России непременно надо оставаться аграрной страной — мол, так вам Богом предначертано, таково ваше призвание. Мотивация была проста. С одной стороны, устранить возможного конкурента в промышленно-технической сфере. С другой — обеспечить продолжение бесперебойной продажи зерна в Европу, освобождая ев-

ропейцев от этой головной боли и закрепляя за Россией роль хлебного поставщика. Точно так же и сегодня за нами пытаются закрепить роль мировой бензоколонки, идеологически запрещая поддержку внутреннего рынка и реального сектора экономики. В итоге продолжается вывоз капитала из страны, а экономика недофинансирована. В научной литературе это называется «мировым разделением труда». Невыгодная роль в ходе этого разделения отбрасывает Россию назад, тормозит развитие, закрепляет ее периферийный статус.

Компрадорский класс России всегда помогал тормозить наше развитие под предлогом европеизации. Многие реформы «по западному образцу» были абсолютно антиинституциональны для России и деструктивны. Вместе с тем русские всегда пытались с Западной Европой договориться «по-хорошему», каким-то образом в нее «вступить», словно мы сами по себе не европейцы и не имеем за спиной христианской традиции. Как будто бы требовалась еще какая-то сакральная санкция извне. В итоге глубинные культурно-исторические основания нашей общественной жизни подменялись попытками соответствовать сиюминутным политическим проектам и идеологиям. В том числе европейскому христианоборчеству, позитивизму, социал-дарвинизму, трансгуманизму. Это дезориентировало общество, лишало его собственного незаменимого опыта, выстраданного столетиями, обнуляло этот опыт.

А что же сами европейцы? Из Европы к нам приходили с войной, и не один раз. Только по вине гитлеровской коалиции — а это, напомним, несколько европейских стран — мы потеряли несколько десятков миллионов человек, но все никак не можем избавиться от исторических иллюзий. В итоге возникают такие уродливые явления, как «плач» по солдатам вермахта, которые якобы «не хотели воевать», как утверждал один уренгойский школьник в бундестаге, или попытка повесить в Санкт-Петербурге мемориальную доску Маннергейму, бомбившему Ленинград и учреждавшему в Карелии концлагеря для советских граждан.

## Кризис

Модель общества, основанная на «конструировании себя», на разрушении традиции, сакральных жертвах, колониальных захватах и ссудном проценте, терпит крах. Социальный и нравственный прогресс — это то, что данная модель не в состоянии обеспечить. Это констатировали еще критики «проекта Просвещения», от М. Хоркхаймера и Т. Адорно до Дж. Грея и Дж. Милбанка. Социум становится все менее предсказуемым, все более разделенным и циничным, все более манипулируемым. Это «общество спектакля» (Ги Дебор) и одновременно — «общество риска» (Ульрих Бек).

Некритичное отношение к идее прогресса привело к остановке реального прогресса и его мифологизации, к идеологии прогрессорства. Антураж научности и прогрессивности заслонил собственно науку и ее достижения. Мы наблюдаем сегодня множество так называемых «инноваций» и постоянно слышим о них, но прорывных открытий в области фундаментальной науки давно не происходит. Мы до сих пор живем за счет того, что было сделано учеными еще в 1970-е годы. Навыки научно-критического мышления постепенно утрачиваются массами вслед за давешней религиозностью. «Цифровая экономика» имеет мало общего с наукой и классической рациональностью.

Разрыв, расщепление культурного универсума на рациональное, символическое и сакральное привели к расщеплению уже самой рациональности, «внутри себя» порождающей собственную онтологию, мифологию, квазирелигию. Чтобы на фоне этих процессов (по существу — процессов культурной архаизации) говорить об отставании и лидерстве, необходимо повторно определиться с критериями этих понятий. Во всяком случае вполне очевидно, что если научно-критическое мышление будет возрождаться, то в тесном взаимодействии с традиционными ценностями, а не в «пику» им, как в XVIII веке. Возрождение христианского универсализма и классической рациональности возможно в рамках нового аутентизма, нового универсализма. Я называю это состояние культуры *аксиомодерном* (сочетание понятий «ценность» и «современный»).

Демистифицировать проблему «темпов исторического развития» можно лишь многолетними усилиями историков, экономистов, социологов, публицистов. Тем не менее уже сегодня стоит сформулировать несколько рабочих тезисов, которые бы способствовали такой демифологизации.

1. Отставание — особенность не одной России, а всех периферийных стран.

2. Отставание предопределено не позицией периферийных стран, а позицией «Запада» (то есть центров капитала).

3. В случае некритичного заимствования социально-экономических моделей (сценарий «догоняющего развития») отставание не уменьшается, а увеличивается.

4. Техническое отставание вовсе не означает отставания в социальной и культурной сферах.

5. «Догоняющее развитие» ведет к деградации социальных, политических и культурных институтов.

Что же касается своеобразной квинтэссенции проблемы — пресловутого спора западников и славянофилов — то сегодня вполне очевидно, что это надуманный спор. Ни в Европе, ни в Америке никогда не было западников или их аналога — значит, вестернизация внутренне противоречива. Если их не было даже там, зачем, спрашивается, они нужны здесь? По всей видимости, это лишнее колесо в телеге.



Юрина Н.С.

## Трактовка политического актора в теории общественного выбора

Теория общественного выбора является разновидностью экономического подхода к анализу политики, который изучает политическую действительность с помощью методов и категорий, заимствованных из экономической науки. Данное направление сосредоточивает свое внимание на исследовании механизма «принятия правительственных решений»<sup>1</sup>, затрагивающих и политическую, и экономическую сферы. Среди особенностей, присущих теории общественного выбора, следует отметить использование ею приемов микроэкономического анализа, опору на принципы классического либерализма, а также взаимопроникновение политики и экономики, которые «выступают как взаимные предпосылки, взаимодействуют друг с другом, постоянно переходят одна в другую»<sup>2</sup>.

Теория общественного выбора опирается на «допущение о рациональности», под которой понимается максимизирующее поведение всех участников политического процесса. Это поведение определяется институтами, которые, согласно Д. Норту, чье определение является каноническим для данного направления, представляют собой *правила игры* в обществе, призванные придавать «определенную структуру человеческим взаимоотношениям»<sup>3</sup> путем создания различных ограничений. При этом политические институты понимаются как соглашения по поводу кооперации между политическими акторами, достигнутые в результате переговоров, и рассматриваются в качестве особой разновидности социального капитала. Институты существуют как в виде формально очерчен-

---

<sup>1</sup> Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. М., 2005. С. 19.

<sup>2</sup> Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. М., 2005. С. 27.

<sup>3</sup> Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 18.

ных правил, так и в виде негласных кодексов поведения, к примеру, обычаев, формирующихся посредством культуры. Особо важная роль принадлежит формальным институтам, которые задают вектор дальнейших политических и экономических изменений.

Главным институтом, исследуемым в рамках теории общественного выбора, является государство. Трактовка данного понятия значительно отличается от большинства определений, существующих в политической науке. Как правило, государство рассматривается в качестве надындивидуального объединения, осуществляющего активное вмешательство в социальные и экономические процессы. Теория общественного выбора определяет государство как совокупность институтов и акторов. По мнению Г. Беккера, государство представляет собой набор правил, воплощающихся в его «конституции и других политических механизмах»<sup>1</sup>, призванных регулировать внутривнутриполитические конфликты. Э. Даунс рассматривает государство как арену конкуренции политических партий, а также составляющих их индивидов за богатство, престиж и власть, а Т. Эггертсон отводит ему роль генератора фундаментальных правил, обеспечивающих функционирование обменных отношений в обществе. При этом ключевым ограничителем власти государства выступает конкуренция, создающая возможности для появления новых игроков на политическом рынке. Такими игроками являются политические акторы, оказывающие воздействие на процесс принятия решений в политической системе, — индивиды, политические партии, группы давления и правительства.

Исходным объектом исследования в теории общественного выбора является индивид — «экономический» человек, вооруженный «максимизационным арсеналом»<sup>2</sup> и оценивающий политическую действительность с точки зрения критерия полезности. Личный интерес индивида рассматривается в контексте эффективности при выборе средств для достижения поставленных задач, которая проявляется в итоговом «превышении предельных выгод над предельными издержками»<sup>3</sup>. Индивид является рацио-

---

<sup>1</sup> Беккер Г. Человеческое поведение. Экономический подход. М., 2003. С. 358.

<sup>2</sup> Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб., 1998. С. 92.

<sup>3</sup> Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy // The Journal of

нальным эгоистом, т.е., столкнувшись с альтернативами в процессе обмена, последовательным и транзитивным образом выбирает скорее «больше», чем «меньше»<sup>1</sup>. Его рациональность ограничивается двумя факторами: во-первых, неопределенностью, т.е. невозможностью точного предсказания поведения других людей, а во-вторых, отсутствием чувства ответственности за решения, принимаемые коллективно. Принятие любых политических решений, в частности, осуществление конституционного выбора, также сопровождается стремлением индивида максимизировать полезность путем выбора тех правил, которые принесут ему наибольший доход в будущем. При этом целью индивида является не только максимизация собственного благосостояния, но и «изменение правил и достижение более благоприятных результатов, нежели те, что были возможны при прежнем режиме»<sup>2</sup>. Отсюда следует, что индивиды являются напрямую заинтересованными в трансформации социальных и политических институтов.

Политические партии, объединяющие рациональных индивидов, также выступают в роли ключевых акторов. Согласно Э. Даунсу, который осуществил наиболее детальный анализ данного концепта, политическая партия представляет собой команду людей, стремящихся попасть в правительство с целью обретения дохода, престижа или власти. Политические партии, заинтересованные в победе на выборах, формулируют свои программы для получения поддержки избирателей, по сути «продавая политику»<sup>3</sup> на конкурентном государственном рынке. В частности, они используют идеологии, представляющие собой «вербальные картины хорошего общества»<sup>4</sup>, в качестве средств борьбы за правитель-

---

Political Economy. 1957. Vol. 65. № 2. P. 137. Так, индивид, будучи членом партии, участвует в политической деятельности, желая максимизировать полезность, сопряженную с получением доходов, престижа и власти. Если человек выступает только в качестве избирателя, то также руководствуется рациональными мотивами, голосуя за ту политическую партию, от деятельности которой он ожидает получить наибольший доход (*Downs A. An Economic Theory of Democracy. N.Y., 1957. P.5*).

<sup>1</sup> *Buchanan J. M., Tullock J.* The Calculus of Consent. Ann Arbor, 1990. P. 22.

<sup>2</sup> *Эггертсон Т.* Экономическое поведение и институты. М., 2001. С. 27.

<sup>3</sup> *Downs A.* An Economic Theory of Political Action in a Democracy // The Journal of Political Economy. 1957. Vol. 65. № 2. P. 137.

<sup>4</sup> *Downs A.* An Economic Theory of Democracy. N.Y., 1957. P. 96.

ственный офис, выбирая из них ту, которая является привлекательной для большого количества избирателей. Ключевым фактором, оказывающим влияние на деятельность партий, является социально-экономическая и идеологическая позиция населения. Именно от того, каких воззрений придерживаются избиратели, зависит количество партий в стране, роль новых объединений в политической системе и, наконец, стабильность либо неэффективность правительства в демократии.

Специфика групп давления, являющихся значимыми политическими акторами, была предметом исследования таких ученых, как А. Бентли<sup>1</sup> и Й. Шумпетер<sup>2</sup>, идеи которых в дальнейшем развил американский экономист Г. Беккер. Центральной темой его работ, посвященных политике, является анализ конкуренции групп давления за политическое влияние. По мнению Беккера, индивиды стремятся к удовлетворению собственных интересов в процессе политического выбора, который осуществляется в условиях ограниченности ресурсов. Любое общество характеризуется наличием различных групп, формирующихся в зависимости от дохода, возраста, профессиональной принадлежности и других параметров. Целью каждой из этих групп является максимизация благосостояния образующих их людей, поэтому между ними всегда существует конкуренция за политические и финансовые привилегии.

Любое общество можно разделить на две однородные группы, конкурирующие друг с другом, одна из которых платит налоги, а другая получает субсидии. Политическое взаимодействие между ними «является игрой с нулевой суммой с точки зрения политического влияния»<sup>3</sup>, поскольку усиление позиций одних приводит к ослаблению других на ту же величину. Как правило, численность политически успешных групп, получающих субсидии, оказывается меньше, чем численность групп налогоплательщиков, за счет которых эти субсидии финансируются.

---

<sup>1</sup> Bentley A. The Process of Government; A Study of Social Pressures // The American Political Science Review. 1950. Vol. 44. № 3.

<sup>2</sup> Schumpeter J. Capitalism, socialism and democracy. N.Y., 1942.

<sup>3</sup> Беккер Г.С. Человеческое поведение, Экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003. С. 362.

Согласно Дж. Бьюкенену, группы давления обычно возникают в условиях представительной демократии. Становясь «источником финансирования предвыборной кампании или политической деятельности»<sup>1</sup>, они обменивают свою поддержку кандидата в президенты или партии на принятие выгодных для них решений в будущем. Таким образом, на политической арене побеждает «концентрированный интерес немногих»<sup>2</sup>, а большинству населения приходится нести издержки, связанные с принятием выгодных для лоббистов законопроектов.

Правительство в теории общественного выбора рассматривается в качестве политического актора, роль которого сопряжена с принятием решений, относящихся преимущественно к экономической сфере. Правительство является «участником разделения труда, имеющим право принуждать всех остальных игроков в обществе»<sup>3</sup>. Согласно Э. Даунсу, решения правительства определяются личными эгоистическими мотивами входящих в него людей. Поскольку все они заинтересованы в сохранении своих позиций, постольку действуют координированно. Таким образом, правительство в целом выступает в качестве рационального политического игрока, вовлеченного в конкуренцию с оппозиционными партиями. Его рациональность проявляется прежде всего в способности своевременного решения ключевых проблем, а также в умении выстраивать аргументацию, убеждающую электорат в необходимости своего переизбрания.

Автократическое правительство характеризуется извлечением максимального дохода с подвластного ему населения (до наступления революционной ситуации или массовой эмиграции из страны), наличием у правящей группы (или одного человека) монопольного права на принятие решений, а также низким уровнем жизни граждан, поскольку выбранная им фискальная политика «приводит к снижению чистых доходов, делая население почти равномерно бедным, удерживая его в настоящем рабстве»<sup>4</sup>. Демократическое правительство характеризуется тем, что «решения

---

<sup>1</sup> Нуреев Р.М. Джеймс Бьюкенен. М., 1997. С. 467.

<sup>2</sup> Нуреев Р.М. Джеймс Бьюкенен. М., 1997. С. 466.

<sup>3</sup> Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy // The Journal of Political Economy. 1957. Vol. 65. № 2. P. 136.

<sup>4</sup> Нисканен У. Автократическая, демократическая и оптимальная формы правления. М., 2013. С. 64.

принимает медианный избиратель»<sup>1</sup> (взрослый член семьи со средним доходом) в соответствии с правилом большинства, большая часть населения платит налоги, получая взамен трансфертные платежи, доход индивида максимизируется, валовый выпуск продукции в государстве также увеличивается. Для оптимального правительства, представляющего собой идеальную модель, характерна специфическая схема принятия решений: оно осуществляется специально уполномоченным лицом, находящимся за завесой неведения о размерах своего будущего дохода и объеме политического влияния на постконституционном этапе. Данное лицо принимает решения, максимизирующие как доход медианного избирателя после уплаты налогов, так и валовый выпуск продукции в стране.

Одним из ключевых политических механизмов в данной теории считаются выборы — «средство отбора гражданином такого правительства, которое для него будет наиболее выгодным»<sup>2</sup>. В идеальной модели политического мира, где информация является полной и бесплатной, индивид при принятии решения о том, за какую партию отдать голос, рассчитывает следующие показатели: ожидаемый партийный дифференциал, т.е. разницу между предполагаемыми доходами от деятельности правящей и оппозиционной партий, а также текущий партийный дифференциал, т.е. разницу между уже полученным от деятельности правящей партии доходом и гипотетической прибылью, которая была бы обретена, если бы у власти находилась оппозиция.

В реальном мире индивид не имеет точных сведений ни о фактических, ни о гипотетических доходах от деятельности партий. В подобной ситуации возникают эффекты убеждения и рационального неведения. Эффект убеждения сопряжен с деятельностью «увещевателей» — людей, предоставляющих населению, не имеющему четкой политической позиции, информацию, которая выгодна той партии или группе интересов, членами которой они

---

<sup>1</sup> Нисканен У. Авторитарная, демократическая и оптимальная формы правления. М., 2013. С. 32.

<sup>2</sup> Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy // The Journal of Political Economy. 1957. Vol. 65. № 2. P. 138.

являются. Рациональное неведение является следствием дорогой стоимости политической информации, а также незначительного веса индивидуального голоса на выборах. Крайней формой подобного неведения является игнорирование гражданами избирательного процесса, представляющее собой «крайне рациональный ответ на реальное положение дел в обширном демократическом государстве»<sup>1</sup>.

Процесс голосования, последовательно осуществляющийся во времени, заключает в себе определенные выгоды. Если индивид признает наличие у своего голоса экономической стоимости, которая «может относиться только к голосованию, осуществляющемуся, когда принимается решающее действие»<sup>2</sup>, и такую же значимость голосов других индивидов для него, он участвует в процессе логроллинга, т.е. торговли голосами. Суть данной процедуры заключается в том, что индивид обменивает свой голос по конкретному вопросу на ответную поддержку его позиции при решении иных проблем. Согласно Дж. Бьюкенену и Г. Таллоку, существуют две модели торговли голосами: явный логроллинг, свойственный представительным собраниям, где парламентарии договариваются о взаимной поддержке выгодных им законопроектов; а также неявный логроллинг, характерный для избирательного процесса, когда политики «покупают» поддержку граждан, обещая осуществление конкретных программ.

Итак, теория общественного выбора специфическим образом трактует государство, рассматривая его в качестве совокупности институтов и акторов. Институты представляют собой формальные и неформальные правила, задающие структуру взаимоотношений между ключевыми политическими акторами, к которым относятся индивиды, партии, группы давления и правительства.

Индивиды утилитарно воспринимают действительность, руководствуясь мотивами максимизации прибыли при принятии и политических, и экономических решений. Политические партии, состоящие из рациональных индивидов, воспринимают политику в

---

<sup>1</sup> Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy // The Journal of Political Economy. 1957. Vol. 65. No 2. P. 147.

<sup>2</sup> Buchanan J. M., Tullock J. The Calculus of Consent. Ann Arbor, 1990. P. 92.

качестве средства получения голосов, имея своей конечной целью победу на выборах. Группы давления конкурируют друг с другом за получение финансовых привилегий, используя богатый арсенал средств (к примеру, инсайдерскую информацию), позволяющих усилить политическое влияние. Правительства, заинтересованные в переизбрании и сопряженных с ним финансовых и политических выгодах, призваны своевременно решать возникающие в государстве проблемы, опережая оппозиционных игроков.

Теория общественного выбора акцентирует внимание на исследовании процесса принятия решений, позволяющего наиболее полным образом раскрыть сущность власти. Власть, основной чертой которой является обменный характер, представляет собой интеракцию между всеми политическими акторами в обществе. Власть неотъемлемо связана с выбором, которым может осуществляться на индивидуальном и коллективном уровнях.

Индивидуальный выбор сопряжен с принятием субъектом решения о голосовании за ту или иную партию. Индивид, стремясь максимизировать полезность, голосует за ту партию, от деятельности которой он ожидает получить наибольший доход. Он может либо участвовать в выборах, рассчитывая специальные показатели, характеризующие деятельность партий, а также принимая во внимание информацию, которую предоставляют ему другие индивиды, либо отказаться от голосования, рационально оставаясь политически неинформированным. Коллективный выбор сопряжен с формированием политической конституции общества, т.е. той системы правил, которая образует его государственную структуру. Идеальным принципом, позволяющим минимизировать внешние издержки, является правило единогласия. Однако в реальности большинство современных демократических государств используют принцип простого большинства голосов при принятии политических решений.



Яковлев М.В.

Идеи демократии  
русских политических философов  
в концептуальной призме  
социального конструкционизма

Сегодня становится ясно, что сложившееся в политической науке рассмотрение демократизации в рамках доминирующей на Западе (и, соответственно, во всем мире) научной парадигмы не способно объяснить проблемы и особенности установления режима народного правления в незападных обществах. Тщательный и масштабный анализ теории демократии и демократизации, политико-исторический и политико-культурный подходы, а также изучение в широкой перспективе демократического опыта неевропейских и несеввероамериканских стран позволяют сделать заключение о том, что необходимо изменить подход к осмыслению проблематики демократии в незападных странах. Речь идет об освобождении от ангажированных теорий, об отказе от признания универсальности «западной модели» и концентрации внимания на исследовании теоретических интерпретаций и практических возможностей демократии в конкретном обществе в местных условиях в данном периоде с тщательным учетом исторических и культурных особенностей.

Важная роль национальных традиций и ценностей, языка, специфических исторических факторов в формировании взглядов о способах осуществления власти в конкретном обществе требует концептуализации демократии в рамках такой системы взглядов, которая позволяет описать процессы создания и функционирования институциональных механизмов управления государством и методов взаимодействия политических субъектов. И такой системой может быть социальный конструкционизм. В основе этого вывода лежит, прежде всего, возможность осмысления социально-политической реально-

сти как сконструированной в результате коллективных соглашений, достигнутых людьми, живущими в определенных условиях, которые на собственном языке формулируют и массово воспроизводят в поведенческих актах однотипные представления о принципах и приемах властвования. Эти соглашения (институциональные факты) составляют основу концепта демократии в данном социуме. Таким образом, объяснение демократии как формы правления или политической системы должно строиться с учетом национальных особенностей конкретного народа и уникальных политико-культурных и политико-исторических факторов, оказавших наиболее значительное влияние на его развитие.

Подход социального конструкционизма позволяет выйти на новый концептуальный уровень в области исследования демократии, демонстрируя неразрывную связь последней с характерными чертами культуры и своеобразием исторического пути того или иного сообщества. В основе этого подхода лежат следующие методологические принципы: *во-первых*, демократия рассматривается как концепт, который, имея инвариантную основу, может по-разному интерпретироваться и осуществляться на практике посредством специфических институциональных фактов (принципа общинности, советов, выборов, представительства и пр.); *во-вторых*, признается, что понимание демократии детерминировано социальным опытом, общественными ценностями и ориентациями, а также интеллектуальной традицией осмысления тематики народовластия; *в-третьих*, указывается, что каждая нация способна формулировать собственную трактовку демократии.

В свете изложенного демократия может рассматриваться как система институциональных фактов, детерминированных историей и культурой нации, сконструированных как коллективные соглашения в ходе совместной жизнедеятельности индивидов, определяющих и обеспечивающих свободную общественно-политическую дискуссию и самостоятельный политический выбор народа. Поэтому в каждом обществе демократией считается только то, что его представители признают демократией и поддерживают как демократию, исходя из традиций двух основных типов: интеллектуальной (особого теоретического подхода к народовластию, вы-

работанного или усвоенного мыслителями и политическим классом данного социума) и деятельностной (специфического демократического поведения представителей этой нации).

Центральным основанием реальной демократии, ее критерием и инвариантной основой является традиция коллективной выработки решений по наиболее важным проблемам в виде публичного обсуждения и/или в разных формах выдвижения и поддержки народных представителей, предполагающая равное и свободное участие разных сторон, нацеленных на консенсус и общую перспективу.

Для разработки нового подхода к концепту демократии в западных странах целесообразно обратиться к теоретическим трудам мыслителей России и других странах СНГ, которые критически анализировали проблематику народного правления и указывали на существование разных демократических форм, на несводимость демократии исключительно к той либеральной интерпретации, которая стала доминирующей в западной науке. Выводы русских философов основаны на конкретной общественно-исторической практике стран СНГ (в сравнении с опытом западных наций), где на протяжении весьма продолжительных периодов существовали оригинальные институциональные факты демократии — самобытные демократические институты и системы: вечевая, земская, советская социалистическая и др.

Своеобразие концептуального подхода к демократии в России и культурно близких ей странах СНГ обусловлено политико-культурными ценностями их обществ, восходит к уникальным историческим демократическим формам (институциональным фактам) и основано на отечественной традиции осмысления народовластия, оформленной в трудах И.А. Ильина, П.И. Новгородцева, М.Я. Острогорского, Б.Н. Чичерина и др. Специфика демократизма в странах СНГ определяется демократической традицией общинности (коллективизма), ориентацией на духовность, религиозность и мессианизм, сочетанием сильной центральной власти и широкой свободы для местной инициативы, а также отсутствием партийности и строгого разделения властей.

Политический опыт Российской империи, СССР, стран СНГ выпукло и ярко демонстрирует, что теоретические и действующие

модели демократии могут значительно отличаться друг от друга. В научном наследии российских мыслителей ясно показывается, как меняются представления о демократии в процессе человеческого развития, как под влиянием политических изменений возникают новые концепции демократии, авторы которых пытаются решить главные проблемы политического развития, и как, в свою очередь, созданные доктрины порождают новые проблемы и в теории, и в практике демократии.

Необходимо особо выделить демократическую предысторию и четыре этапа развития теоретических представлений о демократии в Российской империи — СССР — СНГ. Переход от одного этапа к другому происходил по причине значительных (чаще всего радикальных) изменений в обществе и государстве при заметной (даже кардинальной) трансформации демократических идей и взглядов.

Предыстория развития теоретических представлений о демократии на пространстве СНГ охватывает очень большой период демократической жизни древних славян, а затем русского и других народов, набравшей максимальную силу в оригинальной модели вечевой демократии средневековых Великого Новгорода и Пскова. В это время происходит формирование таких институциональных фактов демократии в России, как институт веча, принцип общинности и др. В данной модели основополагающим и центральным политическим институтом выступало вече как высший законодательный и контролирующий орган в виде всенародного собрания с функциями судебной и исполнительной власти. Помимо веча основными элементами данной модели были: пирамидальная структура представительных собраний; приоритет принципов общинности и единодушия; опора на религиозность; наличие подконтрольной вече группы ответственных попечителей, входящей в Совет господ и обладавшей рядом важных политических полномочий; предоставление права голоса на основании имущественного ценза.

Первый этап развития теоретических представлений о демократии на пространстве СНГ приходится на вторую половину XIX — начало XX в., когда набирает силу политико-философская дискуссия по проблемам народовластия и путям развития Российского государ-

ства. В этот период концептуальные основания демократии (народное представительство, партийная система, конституционность власти и т.д.) наиболее комплексно разрабатываются Б.Н. Чичериным и М.Я. Острогорским, которые также анализируют ее возможности для Российской империи. Кроме того, весомый и весьма критический вклад в отечественную демократическую теорию вносят В.И. Ленин, Г.В. Плеханов, Л.В. Тихомиров, Н.В. Устрялов, которые проанализировали недочеты и недостатки либерально-демократической теории и западных демократических систем.

Второй этап развития теоретических представлений о демократии начался после революции в России 1917 г. и продолжался до перестройки в СССР. Ключевой особенностью данного периода является установление двух интеллектуальных традиций рассмотрения демократии в СССР (советская социалистическая модель) и в среде русской эмиграции (ориентация на духовное развитие).

В первом направлении марксисты-ленинисты (Г.Ф. Александров, А.П. Бутенко, Ф.А. Гусейнов, С.А. Авакьян, В.М. Иванов и др.) разработали концепт «советской социалистической» демократии, который стал первой в мировой истории попыткой обоснования принципов и институтов широкого общественного самоуправления в отдельной социалистической стране (или блоке стран) в окружении капиталистических государств. В его центре находится тезис о массовом участии граждан в государственной политике (при руководящей роли партии) на основании демократического централизма в рамках системы советов, при помощи представительства трудовых коллективов и общественных организаций, органов народного контроля. Положение о руководящей роли партии оказалось серьезной теоретико-методологической проблемой, которая на практике привела к ограничению широкого политического участия и сокращению гражданских и политических свобод. Сущностными чертами и особенностями данного направления стали: идеологические ограничения, накладываемые на научную дискуссию о демократии, декларативное провозглашение социалистической модели демократии, неуспех ее практической реализации после 1970-х гг., давление КПСС. «Диктатура партии» и

преобладание неформальных практик явились одними из основных причин упадка академической дискуссии о «советской социалистической демократии». Во второй половине 1980-х гг., во время перестройки, наметилось оживление научной и общественно-политической полемики о демократии и о способах реального оформления принципов социалистической демократии в практике советских политических институтов; были введены выборы на производстве и на нижнем уровне партийной организации. Однако в конце данного этапа в ходе противостояния коммунистов-консерваторов и сторонников реформ модель «советской социалистической» демократии оказалась дискредитирована, а концепт демократии подвергся существенному искажению в общественно-политической дискуссии, получил негативную коннотацию в обществе (как «пустая болтовня»), его рассмотрение политиками-реформаторами сузилось (до понимания в качестве механизма экономических преобразований).

Другим направлением в рамках второго этапа стало оформление интеллектуальной традиции осмысления демократии философами Русского зарубежья, которые сфокусировались на духовном начале как основополагающем элементе концепта демократии и в большинстве своем критически относились и к марксистско-ленинской, и к либеральной парадигме, обосновывали своеобразие принципов и институциональных механизмов народовластия в России, имея в виду СССР.

Третий этап развития теоретических представлений о демократии начался после крушения СССР в конце 1991 года. В этот период исследователи политики большинства стран СНГ, воодушевленные теорией политической модернизации, тезисами транзитологии и работами американских политологов, сконцентрировали усилия на обсуждении западных концепций и способов эффективного установления демократических институтов. На данном этапе можно выделить три ключевые особенности. *Во-первых*, произошла подмена категории демократизации понятием суверенизации как овладением политико-экономическими ресурсами на местах. Соответственно, термин «суверенитет» в трактовке политико-экономической автономии (в том числе от общественного контроля) регионального

политического класса отчасти подменил концепт демократии. *Вторых*, в силу ошибочных и расплывчатых представлений о народовласти, а также рецидивов большевистской политической культуры в новых условиях демократия стала упрощенно определяться как антикоммунизм. *В-третьих*, на первый план была выдвинута ускоренная и максимальная либерализация экономики, что стало причиной игнорирования вопросов теории и практики построения эффективного конституционного демократического порядка. Кроме того, в забвении оказались не только «советская социалистическая» демократическая модель, но и весь пласт демократических идей и практик — от веча древних славян до земств, до идей российских политических философов (институциональных фактов демократии в России).

На четвертом этапе развития теоретических представлений о демократии в странах СНГ, начавшемся с 2000-х гг., по разным причинам (вследствие неуспеха демократизации по западному образцу, с целью обоснования политики действующих режимов, для определения путей устойчивого государственного развития) нарастает интерес академического сообщества к обоснованию концепций демократии, пригодных для условий России и других стран СНГ. В связи с этим особенно актуальными стали идеи Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, П.И. Новгородцева, Б.Н. Чичерина и др. В российских и казахстанских исследованиях наметилась тенденция к учету национальных особенностей, в результате чего были сформулированы концепты демократии «управляемой», «суверенной», «традиционной коллективистской» и т.д., которые могут быть объединены в более общую категорию «направляемой демократии». Киргизстанские, молдавские, украинские специалисты продолжили развивать положения теории демократизации, разработанной западными авторами.

Концепция «управляемой демократии» создана с целью обоснования политического курса правительства Российской Федерации. Она характеризуется следующими главными особенностями: формальный характер функционирования институтов демократии, централизованная (практически неразделенная) и персонифицированная государственная власть, попечительство президента как

главного выразителя общественных интересов, невысокий уровень политического участия и конкуренции.

Концепция «суверенной демократии» стала попыткой самостоятельного осмысления демократического концепта и обоснования права на особую форму демократичности для России. К основным особенностям этой концепции относятся: самостоятельность и независимость от внешних акторов при принятии важнейших решений, централизация и персонификация государственной власти, идеологизация общественной и политической жизни, поддержка действующего политического режима населением в обмен на социальные льготы и субсидии.

Для объяснения политической жизни США и их союзников с пропагандистской целью российскими специалистами создана модель «зрительской» демократии. Ее ключевые особенности следующие: управление демократическим развитием со стороны правящего класса, формальное разделение властей, СМИ как ключевой инструмент государственной пропаганды и агитации, формирующий картину подлинной демократичности, наличие сети фасадных общественных организаций — посредников между народом и правительством, которые артикулируют интересы общественности.

Ученые и политики Казахстана с целью содействия устойчивому социально-экономическому и политическому развитию государства сформулировали концепцию «традиционной коллективистской» демократии. Она имеет следующие основные особенности: сильная центральная государственная власть, распределение властей с приоритетом исполнительных органов, персонификация государственной власти в лице президента как выразителя общественных интересов, традиционализм, общественное согласие, национальное единство.

Специалисты Киргизстана, Молдавии и Украины, находящихся в условиях зависимости от США и ЕС, поддерживают концепцию демократизации американских авторов (Д. Растоу, С. Хантингтона и др.), согласно которой первоочередной задачей является построение демократических институтов по западному образцу при ведущей роли европейских и американских политических консультантов. Подразумевается, что созданные институты должны обеспечить формирование и развитие демократического порядка и



гражданской культуры. Однако при этом из поля зрения выпадают особенности местных обществ. Игнорирование этих особенностей стало причиной значительных проблем в процессе демократизации. Эти трудности обусловили новый виток научной дискуссии о демократии в Киргизстане и Молдавии, где в центре внимания оказалась национальная специфика. Украинские ученые продолжают теоретическую работу по обоснованию целесообразности и эффективности западных концепций либеральной демократии и ведут поиск возможностей адаптации моделей демократизации, разработанных американскими и западноевропейскими экспертами.

Необходимо выделить аспекты, которые на сегодня являются ключевыми для изучения проблематики демократии в странах СНГ: влияние углеводородного фактора, значение религии и традиции, деформация коллективистской продемократической политической культуры.

Углеводородный фактор как одна из движущих сил демократизации актуализировался во второй половине XX в. и привлек внимание исследователей только в 1990-е годы. Он играет важную роль в поддержании политического порядка и осуществлении власти в нефтегазэкспортирующих странах СНГ. Доходы от продажи топливно-энергетических ресурсов помогают сохранять легитимность режима через механизмы инструментального и прагматического согласия, оказывая влияние на характер политической культуры и массовые социальные тенденции, определяя низкое гражданское участие. Запасы нефти и газа и ведущая роль ТЭК в экономиках Азербайджана, Казахстана, России, Туркменистана обусловили специфику моделей демократии и демократизации в этих государствах: гибридность, формальность, имитационность, решающее значение олигархических групп и авторитарных правителей, низкая активность населения, нефтедолларовые субсидии.

В ходе аналитического рассмотрения значения религии и традиции для демократии в странах СНГ можно сделать три основных вывода. Во-первых, интерпретации демократии в обществах СНГ (в отличие от ориентированных на секуляризм либеральных концепций) не содержат в себе препятствий для религии и традиций, напротив, в них наличествует акцент на духовном развитии.

Во-вторых, религиозные учения, получившие наибольшее распространение в странах СНГ (православие, буддизм, умеренные направления ислама наподобие джадидизма), хотя и влияют на представления о демократии (потому что устанавливают собственную иерархию ценностей), однако не противоречат положениям ее теории, т.к. поддерживают важные для народного правления принципы межрелигиозного и межнационального диалога, сотрудничества, консолидации, направленности на совместное развитие, а также призывают к духовности и добродетелям справедливости и благочестия, являющимся базовыми для народовластия в трактовке философов Русского зарубежья. В-третьих, в собственной интеллектуальной традиции осмысления демократии и опыте народного правления обществ СНГ прослеживается конструктивное и эффективное сочетание религиозной традиции и принципов демократии. Из этого следует, что в сообществах СНГ перспективны те концепции демократии, в которых учитывается позитивный потенциал религии и традиции.

Для анализа политической культуры обществ СНГ после 1991 г. в призме социального конструкционизма автором вводится концепт деформированной продемократической коллективистской политической культуры. В современных условиях эффективная демократия означает результативную деятельность граждан по оказанию влияния на процесс принятия политико-государственных решений и на структуры власти в интересах устойчивого развития общества и государства в соответствии с национальными ценностями. Поэтому деформированная продемократическая коллективистская политическая культура в первом приближении определяется как травмированная вследствие внешних воздействий система демократических ценностей и ориентаций общества, проявляющаяся в самоограничении демократической деятельности по причине потери уверенности в ее значимости и результативности. Деформированная продемократическая коллективистская культура выглядит разбалансированной и противоречивой, включает малосовместимые элементы: как демократические, так и недемократические.

Выделяются следующие недемократические характеристики деформированной продемократической коллективистской политиче-

ской культуры населения стран СНГ: политическое отчуждение, недоверие к окружению, неготовность к добровольному и бескорыстному объединению с другими для совместного решения задач. К демократическим характеристикам деформированной продемократической коллективистской политической культуры граждан стран СНГ относятся консолидация, патриотичность, совместное участие в делах местного уровня, публичное обсуждение вопросов о народо-власти, коллективность, уважение традиций и религий. При этом интересно отметить особую черту: население стран СНГ в своем большинстве не обладает ярко выраженной партийной приверженностью (некоторым исключением являются сторонники коммунистических и правых радикальных партий).

Отсутствие у многих сообществ СНГ ярко выраженной стабильной и широкой поддержки демократии и высокий уровень политического отчуждения неудивительны, если принимать во внимание следующие политико-исторические факторы: ликвидация союзного государства, разрушение экономики, тотальная смена ценностей, вестернизация, нарастание социального недоверия и других кризисных явлений в обществе. К перечисленному стоит добавить искажение представлений о демократии, произошедшее в ходе стремительных политико-государственных преобразований. Вместе с тем политическая культура обществ СНГ имеет демократический потенциал, коренящийся в общественно-исторической практике, особой интеллектуальной традиции, национальном единстве, традициях общинности и коллективизма и в других институциональных фактах.

Применение подхода социального конструкционизма к проблематике демократии в странах СНГ позволяет выйти на новый уровень концептуализации особенностей существа и способов народного правления в незападных странах. Это подход дает возможность осознать значимость национальной специфики, истории и культуры для интерпретации демократии, предлагает методологический инструментарий, необходимый для описания механизмов создания представлений о демократии и демократических институтов (коллективных соглашений и институциональных фактов) в конкретном обществе. Практическое значение социального конструкционизма

заключается прежде всего в том, что он открывает возможности теоретического обоснования таких принципов и технологий осуществления власти, которые исключают использование внешнего принуждения и строятся главным образом на способности самого общества создавать для себя оптимальную модель народного правления и использовать ее в своих политических целях.

Методология социального конструкционизма обеспечивает оформление идей политических философов России и других стран СНГ и сформулированных здесь теоретических представлений о народовластии в одну из основ теории демократии для незапад-ных обществ, ориентированных на духовные ценности, традиционализм, религиозность, коллективизм.

# ПРИЛОЖЕНИЯ

## ПРИЛОЖЕНИЕ 1

### Семинары-дискуссии по актуальным проблемам философии политики на основе книжных новинок зарубежных авторов

С 2017 года кафедра регулярно проводит семинары-дискуссии по актуальным проблемам философии политики на основе книжных новинок зарубежных авторов. Всего в 2017–2018 гг. состоялось три семинара. Ниже приводятся краткие обзоры данных семинаров, составленные основными докладчиками.

#### *СЕМИНАР-ДИСКУССИЯ № 1 (4 АПРЕЛЯ 2017 г.)*

*СОЛОВЬЕВ А.В.*

*Западное общество: назревающий кризис  
(Ж.-П. Ле Гоффа. «Недомогание демократии»<sup>1</sup>)*

Книга французского философа и социолога Жан-Пьера Ле Гоффа «Недомогание демократии», вышла в свет в Париже в издательстве «Stock» в 2016 году. Ее автор принадлежит к поколению, примкнувшему к протестному движению Мая 1968 г. во Франции. Испытав на себе влияние Клода Лефора и анархо-ситуационизма, после майских событий стал тяготеть к маоизму. Его «левизна» проявилась во многих работах, в том числе и в «Недомогании демократии». В этой книге он останавливается на проблемах демократической формы правления в современной ему Франции.

---

<sup>1</sup> *Le Goffe J.-P. Malaise dans la démocratie. Paris: Stock, 2016.*

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения. В ней автор поднимает многочисленные проблемы, вызывающие обеспокоенность сограждан: индивидуализм нового типа, воспитание, безработица, дегуманизация труда, декультурация, новые формы диффузной религиозности, развитие личности и др.

Особенностью книги является сосредоточенность автора на проблемах во французской демократии, что несколько сужает проблематику, рассматриваемую в монографии, и исключает компаративный анализ схожих проблем в других демократиях.

Ле Гофф указывает на культурные и социетальные основы «разломов» внутри общества, которые он связывает с классовыми отличиями, социальным положением, антропологическим фактором, расслоением между глобализированными монополиями и периферийной Францией. Он указывает на новую пропасть между поколениями.

Французский философ отмечает, что критический подход к рассмотрению явлений французской жизни в этой книге может показаться пессимистическим, но это не так — это призыв к решительным действиям по выводу демократии из затянувшегося недоумогания.

В начале книги он поднимает вопрос о возникновении демократического индивидуализма и культурного релятивизма как одной из принципиальных черт нового индивидуализма. Также он выделяет в качестве его имманентных черт «примат эмоций и чувств». Современный индивидуализм с трудом отрекается от эгоцентризма. Отношение индивида с самим собой отмечено конструированием личности, которой дозволено не быть в долгу ни перед кем. Новому индивидуализму свойствен отказ от обязательств и консюмеризм. Ле Гофф отмечает, что сама политическая деятельность несет отпечаток нового индивидуализма. Он предъявляет современному французскому обществу обвинение в бесформенности власти и добровольном рабстве остальных.

Другой важной проблемой современной Франции является процесс воспитания молодежи. Ле Гофф отмечает пропасть, существующую между поколениями, и заявляет о необходимости формирования новых методов воспитания и обучения молодого поко-

ления. Философ сожалеет о том, что утрачен предшествующий опыт воспитания ребенка в семье и школе. Он говорит о парадоксальном феномене превращения ребенка в сверхинвестированное ожиданиями сакрализованное существо, «своего рода живого Бога», который становится объектом почитания.

Другой существенной проблемой являются безработица и дегуманизация общества. Автор отмечает, что рост производства, материального благосостояния и потребления осуществлялось ценой индивидуализации и дегуманизации труда, разрушения навыков и традиционной солидарности. Новые методы модернистского управления являются не только дегуманизирующими, они контрпродуктивны и приводят к тому, что действуют вопреки эффективности и необходимой адаптации к развитию.

Одной из самых поразительных черт современной Франции является парадокс наличия массовой безработицы и одновременно увеличения досуговой и праздничной активности.

Возврат фундаментализма и коммунитаризма представляет собой один из наиболее заметных признаков недомогания демократии, который находит многочисленные формы религиозного наполнения. Появляются новые формы диффузной религиозности, предлагающие новые дискурсы и практики. Эта религиозность, прежде всего, отражает аномию общества, которое больше не знает, откуда оно и куда идет. Интегрируя ангельскую версию прав человека, эта религия всеобщей любви формирует обширное поле для всяческого рода толкований.

Ле Гофф считает, что французская и европейские демократии поверили, что могут укрыться от беспорядков и от вызовов, создавая свой фиктивный, ложно успокаивающий и защищающий мир. Идея «мирового гражданства» смещает ориентиры, структурирующие историческую общность, она опустошает понятие гражданства, извращая чисто политическое значение его.

В политической области бесформенный дискурс стал способом выражения власти, не отдающей себе отчета в своих ориентирах и своем выборе. Новый язык не утруждает себя связностью, этот тип дискурса подрывает изнутри доверие к политике и демократии. Автор выступает против той части СМИ, которая пытается

представить мир в виде схемы, делящей его на две части — «хороших» (южные страны, бывшие колонии) и «злых» (богатые страны, капитализм, Запад). Он осуждает «хаотические дебаты» в замкнутом мире, ведущиеся ради самих дебатов. Он расценивает их как иллюзию, вводящую в заблуждение по поводу того, что можно изменить порядок вещей, если о нем много говорить.

Ле Гофф встает на защиту государства, политического класса, элиты — против тех, кто односторонне, демагогически восхваляет общество и «тех, кто внизу». Он настаивает на формировании демократического этоса и просвещенной гражданственности, а также на восстановлении достоинства политики и государства.

Социолог ставит вопрос о роли школы и семьи в процессе перестройки этоса. Он показывает непростую ситуацию с воспитанием подрастающего поколения в семье из-за ее деструктуризации. Автор считает, что важно привить деструктурированным семьям ответственность, прекратив политику «оправдания жертвы» и антиавторитарной демагогии. Он утверждает, что школа не должна быть лабораторией идеологов и педагогов-модернистов, желающих формировать молодые поколения в соответствии со своей моделью ребенка (автономного и соответствующего их идее блага). Ле Гофф выступает против обилия директив и педагогических циркуляров, поступающих в школу.

Автор констатирует в сегодняшней Франции утрату общения между различными группами населения, так как была упразднена обязательная воинская служба, а республиканская школа давно находится в глубоком кризисе. Чтобы изменить ситуацию к лучшему, он предлагает возобновить связь между различными социальными категориями через общечеловеческий опыт и культуру.

Ле Гофф обращает внимание на потерю уважения к политикам и политике, так как «этика ответственности» политических деятелей была поставлена под сомнение серией дел и скандалов, в которых они были замешаны.

Какой же выход видит французский философ? Он считает, что экономическая, социальная и политическая перестройка должна сопровождаться «рекультурацией», овладением заново культурным наследием. Не для того, чтобы вернуться вспять и думать, что



возможно восстановить старый мир, но чтобы заново создать демократический этос. Но это одно из условий выхода Франции и европейских демократий из недомогания и открытия новой страницы своей истории.

В заключение можно отметить, что при знакомстве с содержанием книги возникает вопрос: являются ли перечисленные недостатки следствием демократии, капитализма или присущи обществу вообще?

СЕМИНАР-ДИСКУССИЯ № 2 (30 НОЯБРЯ 2017 Г.)

АЛАСАНИЯ К.Ю.

*Мир политики в эпоху перемен  
(Дж.С. Най-мл. «Закончился ли американский век?»)*

Работа Джозефа С. Ная «Закончился ли американский век?»<sup>1</sup> была опубликована в 2015 году, но она видится вполне актуальной сегодня. Автор термина и создатель концепции «мягкой силы» обращается к вопросу, который поднимался в истории международных отношений не раз и является злободневным сегодня.

Отметим сразу, что Най не дает на данный вопрос исчерпывающего, окончательного ответа, но высказывает ряд предположений, на основании которых читатель может сделать выводы, касающиеся места Соединенных Штатов Америки в современной международной политике, изменений, которые происходят в мировой политике сегодня.

Очевидно, что принципиально важным для Джозефа Ная является обозначение роли США в системе, которую условно можно назвать «многополярной». Условность в данном случае связана с самим подходом Ная, который анализирует современную систему международных отношений и оценивает то, насколько она «многополярна» в полном смысле слова, хотя напрямую об этом не заявляет.

---

<sup>1</sup> Joseph S. Nye, Jr. Is the American Century Over? John Wiley & Sons, Ltd., 2015.

Метод рассмотрения заявленной проблемы заслуживает отдельного внимания. Складывается впечатление, что автор избегает однозначных, резких суждений и окончательных выводов в отношении сложившейся мировой политической ситуации. Нельзя не заметить при этом, что именно благодаря этому подходу можно попытаться взглянуть на проблему максимально широко.

Изначально автор предлагает несколько критериев, чтобы определить, что представляет собой «американский век» как понятие. Прежде всего, это экономический критерий. В этом случае «американский век» начался после Второй мировой войны, когда США достигли пика экономического роста.

Однако мощный экономический потенциал — не единственный фактор, позволяющий говорить о том, что целая эпоха может называться эпохой господства одного государства. Най говорит, что помимо экономического потенциала, государство должно обладать военной мощью и «мягкой силой». И тогда автор делает вывод о том, что американский век начался, когда американские войска были отправлены в Европу в 1917 году.

Пытаясь очертить рамки эпохи, которая была названа «американским веком», Най называет еще две вехи: решение Рузвельта о вступлении во Вторую мировую войну и распад Советского Союза. Любопытно, что последняя точка отсчета (1991 год) выявляет как будто бы объективный характер того, что в определенный момент США получили возможность быть единственным актором на политической арене, претендующим на распространение собственной военной мощи по всему миру.

В этом контексте Най задумывается над необходимостью различения терминов «гегемония», «первенство» и «превосходство». Определять «американский век» через понятие гегемонии неверно, поскольку слово имеет однозначно негативную коннотацию и ассоциируется с навязыванием собственных интересов другим государствам, с желанием получить необходимое во что бы то ни стало.

«Первенство» и «превосходство», по мнению Найа, не вызывают строго негативных ассоциаций. Именно поэтому «американский век» — это время, когда Соединенные Штаты держали безоговорочное первенство перед другими странами. Однако сегодня это

первенство перестает казаться безоговорочным. Следует отметить, что Най не формулирует подобного тезиса. Однако вопрос, который вынесен в заглавие книги, и логика рассуждений позволяют говорить именно об этом.

Най выделяет два направления рассуждения о возможной утрате США своего бывшего политического могущества. С одной стороны, нельзя не брать во внимание проблемы, которые имеют место во внутривнутриполитической жизни Америки (Най говорит об экономических и социальных факторах, обусловивших внутривнутриполитический кризис в США). С другой — необходимо говорить о появлении новых сильных соперников США на мировой арене.

Най последовательно и детально рассматривает политических акторов, способных потенциально противостоять США. Критерии для сопоставления остаются прежними — экономические ресурсы, военный потенциал и «мягкая сила».

В качестве первого потенциального соперника Най обозначает Европейский союз и констатирует, что в экономическом смысле он вполне сопоставим с США, однако в вопросах «мягкой силы» явно им уступает (расходы на научные исследования в США выше, количество лучших университетов мира в США больше и т.д.). Важнейшим же оказывается вывод о том, что в глобальном смысле США и Евросоюз остаются союзниками. Тесные экономические связи и общая база ценностей не дадут этим игрокам выступить против друг друга. Отметим, что такой же вывод Най делает по поводу Японии.

Следующим в списке возможных конкурентов Америки оказывается Россия. Сопоставить политический потенциал сегодняшней России с потенциалом СССР невозможно, поэтому Россия не может составить конкуренцию США. Наю представляется очевидным, что Россия слабее Америки с точки зрения выстраивания политических стратегий как внутри страны, так и во внешней политике. Хотя в качестве преимуществ Най выделяет ядерное оружие, природные богатства, образование и науку.

Индия, несмотря на огромный численный потенциал, также не может рассматриваться в качестве соперника США. Единственная возможность для Индии нарастить политическую мощь — разви-

тие китайско-индийского альянса. Но перспективы этого развития, по мнению Ная, на настоящий момент не очевидны.

Еще одну страну БРИКС — Бразилию — Най также не может причислить к сильным соперникам США. Экономические успехи Бразилии — явно недостаточное условие для того, чтобы оказаться в числе конкурентов Америки.

Итак, по мнению Ная, единственным возможным соперником США оказывается Китай, который наращивает свой экономический, политический, информационный потенциал. Однако говорить о том, что Китай может стать причиной окончания «американского века» в обозримом будущем, преждевременно. США вместе с тем необходимо сосредоточиться на развитии сотрудничества с Китаем с целью преодоления глобальных проблем, к которым относятся терроризм, киберпреступность, экологические проблемы.

Таким образом, Най констатирует, что ожидать окончания «американского века» в ближайшие два десятилетия не стоит. Важно при этом осознать, что статус США сегодня не может оставаться прежним. Речь не может идти не только о гегемонии, но и о безусловном доминировании, превосходстве. Сохранять лидирующие позиции сегодня без учета позиции других акторов невозможно. Для этого есть объективные причины: поменялась конфигурация политической картины мира. Игнорирование этого обстоятельства очевидно приведет к утрате контроля. США, по мнению Ная, не должны этого допустить.

В заключение следует отметить, что работа Джозефа Ная написана, кажется, не для того, чтобы дать ответ на один из ключевых вопросов современных международных отношений, но чтобы заставить задуматься над трансформациями, происходящими сегодня в мире. В зависимости от того, как читатель отвечает на вопрос об окончании «американского века», возникают перспективы, которые, в свою очередь, могут стать основой для дальнейших размышлений и дискуссий.

МИРОНОВА Д.

*Неудобная свобода (Т. Саррацин. «Новый нравственный террор. О границах свободы мнений в Германии»)*

Книга Тило Саррацина вышла в 2014 году<sup>1</sup> и в том же году была переиздана 4 раза. Она до сих пор вызывает дискуссии как в Германии, так и в других немецкоязычных странах (Австрия, Швейцария) и воспринимается очень по-разному не только среди различных сегментов общества, но и внутри них. Поэтому, как нам кажется, она вполне актуальна. Книга состоит из шести глав и дополнительного заключительного размышления («Идеология, действительность и будущее общества»).

Прежде всего, автор обращается к вопросу о свободе мнений, ее границах, а также к процессу формирования общественного мнения. Для Т. Саррацина свобода выражения мысли и свобода мышления неразрывно связаны, поэтому он, указывая на формально-юридическое положение этого вопроса в Конституции, подчеркивает, что гарантированная свобода существенно ограничивается «медийным» классом, который, собственно, определяет, о чем можно говорить (и над чем размышлять), не нарушая «нравственные установки» общества, то есть определяет понимание добра и зла в обществе. Иллюстрируя этот тезис, автор анализирует реакцию СМИ и общества на его первую книгу, вышедшую на русском языке под названием «Германия. Самоликвидация»<sup>2</sup>. В центре описания — конфликт восприятия того, чем является свобода мнений в современном германском обществе. На примерах обсуждения своей работы Саррацин раскрывает самые частые приемы подавления или искажения «неудобного» мнения со стороны СМИ и государства.

Продолжая рассуждения о структуре и особенностях формирования общественного мнения, Саррацин обращается к таким мыслителям, как Макиавелли и Токвиль. Он анализирует психологию

---

<sup>1</sup> *Sarrazin Thilo. Der neue Tugendterror. Über die grenzen der Meinungsfreiheit in Deutschland // DVA. 4. Aufl. 2014.*

<sup>2</sup> *Саррацин Т. Германия. Самоликвидация. М., 2012.*

ческую сторону становления табу в обществе, а также понятие «спирали молчания». Этот термин, введенный в научный оборот Элизабет Ноэль-Нойман, служит для обозначения тех случаев, когда человек чувствует, что его мнение не совпадает с мнением большинства. Тогда он, опасаясь общественной изоляции, с большой вероятностью его не высказывает.

Исследуя формы приспособления человека к обществу, Саррацин говорит о «новой поведенческой экономике», показывает, каким образом формируется «мнение большинства», насколько формирование индивидуального мнения связано с определенной групповой принадлежностью.

В этой связи Саррацин обращается к языку как инструменту формирования общественного мнения. Однако язык, выполняя эту функцию, становится инструментом нравственного террора. Саррацин говорит о проблеме языка в связи с вопросами о половой принадлежности, то есть о тех гендерных особенностях использования языка, которые в существенной степени засоряют его и при этом влияют на формирование общественного мнения.

Рассматривая взаимосвязь между этническими названиями (теми, которые считаются неполиткорректными, и теми, которые используются внутри этнических групп для обозначения самих себя), автор показывает, что они выполняют различные функции. Обладая неким «магическим» содержанием внутри группы, слово, служащее для обозначения принадлежности к группе, получает расистскую окраску, если речь идет о его широком использовании.

В этой связи поднимается проблема названия однополых партнерств, обсуждается возможность обозначать их словом «брак». В этой (и не только в этой) ситуации используются слова, не отражающие сущность общественного явления, которое они призваны обозначать. Обращаясь к произведениям Оруэлла, автор указывает на ужесточение языковых норм как на инструмент уменьшения простора для мышления, когда «новый» язык удаляет определенные темы полностью из дискурса, так как просто нет возможности их выражения в новом языке.

Тема социального упорядочения при помощи дискурса находит интересное продолжение в работе Саррацина. Он говорит о так называемом «нравственном терроре». Это явление имело место в

разные исторические эпохи. По мнению автора, проявления нравственного террора столь же старые, как человеческое общество. Они возникают вновь и вновь из борьбы за политическую власть или стремлений заново упорядочить, формировать и направлять общество... Не всякий нравственный террор ведет к насилию и преступлению. Но каждому нравственному террору присуща хотя бы склонность к тоталитарному. В этой связи рассматриваются такие вопросы, как свобода религии (на примере становления христианства), инквизиция и террор Французской революции. Появление современного нравственного террора автор выводит из отождествления свободы с равенством, а равенства — со справедливостью, сначала в философских конструкциях, но затем и на практике, по мере того, как данный стиль мышления подкреплялся политической властью. Размышляя в части под названием «Отступление: Мораль и достоверность» об «относительности почти всей морали», а также о роли «социальной смелости», автор приходит к выводу, что ядро всякого нравственного террора заключается всегда в попытке получить господство над умами и общественным дискурсом посредством контроля над мнениями и мыслями, при этом лишит легитимности нежелательные формы мышления и подорвать доверие к людям, придерживающимся иного мнения.

Саррацин развивает свои размышления на предмет контроля над умами, выделяя «четырнадцать аксиом нравственного безумия в современной Германии». Речь идет о темах, которые в политическом дискурсе имеют вполне официальное прочтение, а мнения, альтернативные этому прочтению, подпадают под моральное осуждение. Автор формулирует эти темы следующим образом.

1. Неравенство — плохо, равенство — хорошо.
2. Вторичные добродетели не важны. Конкурентное соревнование сомнительно.
3. Тот, кто богат, должен ощущать вину.
4. Различия жизненных условий, как правило, связаны с обстоятельствами и едва ли зависят от человека.
5. Человеческие способности зависят почти исключительно от образования и воспитания.
6. У народов и этносов нет никаких различий, кроме внешних признаков.

7. Все культуры равноценны. В частности, западные индустриальные государства и христианская Европа не должны иметь никаких преимуществ, независимо от собственных ценностей и образа жизни.

8. Ислам — культура мира. Он обогащает Германию и Европу.

9. Главную ответственность за бедность и отсталость в других частях мира несут западные индустриальные государства.

10. У мужчин и женщин, за исключением физических половых признаков, нет врожденных различий.

11. Классический образ семьи устарел. Дети не нуждаются в отце и матери.

12. Национальное государство устарело. Будущее принадлежит всемирному обществу.

13. Все люди в мире обладают не только одинаковыми правами — они равны, и поэтому, собственно, у них у всех должно быть признание на базовое обеспечение со стороны германского социального государства.

14. Дети — частное дело, миграция решит все демографические проблемы.

Завершая свои размышления в части под названием «Идеология, действительность и общественное будущее», автор подчеркивает, что выделенные им «аксиомы» раскрывают фактически всю картину мира современного человека. За этими аксиомами скрываются ценностные установки или же идеология, суть которых нельзя рационально объяснить, так как за ними стоит именно норма равенства, понятая, однако, не как равенство возможностей, а как нивелирование всех различий с вытекающими отсюда политическими требованиями и последствиями.

Идеи, высказанные Тило Саррацином, очевидно, являются остро дискуссионными. Размышления на тему ограничения свободы слова и механизмов этого ограничения, по сути, представляют собой критику самой системы мышления, сложившейся в европейском сообществе. А это — серьезный вызов, который не может остаться без ответа. Представляется, что эта книга положила начало серьезным спорам, касающимся дальнейшего культурного, социального, политического развития не только Германии, но и других европейских стран.



## ПРИЛОЖЕНИЕ 2

РАСТОРГУЕВ В.Н.

*Личностное измерение цивилизации и «незаемные смыслы»  
политики: школа А.С. Панарина  
и ежегодные Панаринские чтения*

Каждая цивилизация имеет множество измерений — историческое и теолого-философское, экономическое и военное, природное и этнокультурное (одно из условий цивилизационного развития — культурный и природный синтез, а также сами народы, укорененные на своей земле). Но особую значимость в становлении каждой цивилизации и в междивизиационном «трансвременном» общении, в котором осознается и оттачивается их уникальность и восприимчивость к инородному, превращающая саму локальную самобытность в сердцевину общемирового цивилизационного наследия, приобретает неповторимое *личностное измерение*. Русская цивилизация — не исключение. Ее лицо — это светочи духовности, заместники Бога на земле, вожди и герои, властители дум — то есть славная галерея великих русских писателей, поэтов и художников, ученых и мыслителей. Этим людям мы обязаны нашей способностью творить и мыслить на русском языке, который вошел в узкий круг мировых языков, вобравших в себя все богатство человеческой мысли и многообразие культур, открытых для постоянного обновления.

Их именами называют переломные моменты и даже эпохи отечественной и мировой истории, а также новые идеи, изменяющие со временем самосознание многих поколений и наполняющие незаемным смыслом все сферы социальной и политической жизни. Это особенно важно в эпохи безвременья, когда дефицит государственной долгосрочной стратегии восполняется принудительным насаждением чужих и заведомо чуждых смыслов, за которыми часто скрыты интересы, несовместимые с национальными интересами России. С именами людей, «персонифицирующими русский

цивилизационный тип», остальной мир впитывал в себя непохожий духовный опыт России, что позволило Тойнби назвать благотворное личностное воздействие русских писателей, выделяя особо Достоевского и Толстого, на западную цивилизацию — «русским проектом». А мы связываем с этими именами важнейшие исторические события, в том числе и роковые, которые и называются так потому, по словам И. Канта, что за ними мы видим указующий перст Божий<sup>1</sup>. И каждое имя в этой галерее имен — не только великороссов, но и всех, кто стал лицом Русского многонационального мира, будучи телесно и духовно связан с другими национальными культурами, — является самоценным, поскольку именно личное измерение цивилизации наполняет ее образ живыми и неповторимыми чертами, позволяя преодолеть схематизм восприятия.

В XX веке личностное измерение цивилизации приобрело совершенно новый размах и характер, в результате чего возникло новое явление — бесчисленные «бездымные фабрики мысли», которые поставили на поток и коммерческую основу «производство смыслов», конструирование «событийных рядов» и «раскрутку мировых имен» (авторских концепций и научных школ) во всех сферах интеллектуальной деятельности. Со временем, особенно после окончания Второй мировой войны и строительства «биполярной системы», эти «бездымные фабрики», которые, по словам П. Диксона, одного из первых авторов, попытавшихся осмыслить этот феномен, «как бы просят забыть о своем существовании, когда вы проходите мимо них»<sup>2</sup>, будучи по преимуществу американским изобретением, — стали основным инструментом идеологической индоктринации.

Они же стали и важнейшими центрами государственного стратегического планирования со «встроенным» в политические проекты сценарным прогнозированием во многих европейских странах, которые попали в зависимость одновременно от двух полюсов силы

---

<sup>1</sup> *Kant I. Works in six volumes. Moscow. Vol. 6. 1966. P. 279–280.*

<sup>2</sup> Этими словами открывается его книга «Think tanks» (New York, Atheneum, 1971), переизданная на русском языке в издательстве «Прогресс» в 1976 году (см.: *Диксон П. Фабрики мысли. М., 1976; М., 2004*).

и вынуждены были проводить курс «между Сциллой русской военной диктатуры и Харибдой американской финансовой диктатуры»<sup>1</sup>. Эта сверхзадача для европейцев была четко сформулирована еще в 20-е годы графом Р. Куденхове-Калерги — создателем Панъевропейского союза, который стал, по сути, крупнейшей фабрикой мысли на европейском континенте, в недрах которой идея Европейского союза приобрела контуры реального геополитического проекта. В процессе становления «фабричного интеллектуального производства» началась ожесточенная, но скрытая конкуренция на «рынке смыслов и имен» между ведущими европейскими странами.

Каждая из них претендовала если не на лидерство, то на некоторую автономию от безальтернативного диктата США и полноценное представительство в семье «властителей дум», которым предстояло стать абсолютными авторитетами для всех народов планеты. Результат известен: во всем мире любому образованному человеку известны имена не только выдающихся американских философов и политологов — не только американских, но и немецких, французских, итальянских... Все они вошли в государственные стандарты соответствующих вузовских программ по философским, политическим и социальным наукам в большинстве стран, включая сюда и Российскую Федерацию. Нет среди них в послевоенные годы только имен современных российских авторов — за исключением тех, в «раскрутке» которых принимали самое непосредственное участие западные «фабрики мысли». Это, по преимуществу, заметные фигуры в среде русской политической эмиграции разных «волн», которые вели принципиальную борьбу с советским режимом, и поэтому их книги издавались и популяризировались как на Западе, так и в самой постсоветской России; а также несколько авторов, которых поддерживали властные структуры России в период демонтажа Советского Союза. При всем желании это мизерное присутствие «русского духа» было и остается и нерепрезентативным, и идеологически пристрастным, и, если называть вещи своими именами, носило в ряде случаев ярко выраженный русофобский характер, что иногда болезненно вос-

---

<sup>1</sup> Куденхове-Калерги Р.Н. Пан-Европа / Перевод с немецкого. М., 2006. С. 13.

принималось как самими «избранниками», так и некоторыми западными интеллектуалами.

Именно это обстоятельство, кстати, заставило Ж.-П. Сартра отказаться от присужденной ему Нобелевской премии, которая, по его мнению, «на деле представляет собой награду, предназначенную для писателей Запада или “мятежников” с Востока. <...> Вызывает сожаление тот факт, что Нобелевская премия была присуждена Пастернаку, а не Шолохову и что единственным советским произведением, получившим премию, была книга, изданная за границей и запрещенная в родной стране»<sup>1</sup>.

Впрочем, проблема явно недостаточной и однобокой представленности Русской цивилизации, а точнее, ее «личностного измерения» (за исключением, конечно, влияния «вождей-мыслителей» и «пролетарской культуры») на мировой арене в последнем столетии прошедшего тысячелетия и в начале нового явно не сводится к названным причинам. Ее невозможно объяснить только лишь «заговором молчания», ссылкой на пассивность государственной власти в России или признанием ведущей роли западных «фабрик мысли», осуществлявших «идеологическую селекцию». Причина глубже — она заключается в специфике того цивилизационного пути, по которому шла сама Россия и который был связан, прежде всего, с доминирующей и деструктивной тенденцией на отречение от собственной цивилизационной идентичности.

По сути, то, что называют *советской цивилизацией*, представляло собой эпоху реализации воистину величайшего геополитического проекта построения новой общечеловеческой цивилизации, где России отводилась роль зачинщика и первопроходца, готового пожертвовать всеми своими ресурсами, всем многовековым конфессионально-цивилизационным наследием, укладом жизни многих поколений да и самой жизнью миллионов граждан во имя грандиозной «*осуществимой утопии*». Фундаментальные цели и общий замысел этого цивилизационного проекта неоднократно и кардинально изменялись, как и судьба самой России. Об этом, в частности, писал И. Валлерстайн, который, к слову, также, как и

---

<sup>1</sup> Сартр Ж.-П. Почему я отказался от премии // За рубежом. 1964. № 45.

Куденхове-Калерги, указывал на главную причину такой нестабильности, используя метафору «Сциллы и Харибды»: «Выбор мог быть сделан лишь между немедленным пересмотром целей и неизбежным поражением в будущем». В результате Валлерстайн указывает на четыре основных и «последовательных геополитических решения, которые оказались поворотными и которые определили далеко не единственно возможный путь, которым мог бы пойти советский режим»<sup>1</sup>.

Кардинальные изменения в самой логике великого проекта при всей своей очевидности никогда не признавались властью, а потому в СССР возникла собственная «фабрика мыслей», а точнее, централизованный аппарат по производству смыслов социалистического строительства. В этой перевернутой логике роль творцов, генераторов идей исполняли «проводники» — функционеры идеологической машины, а самим «генераторам» — ученым-обществоведам — отводилась функция «проводников передовой идеологии», то есть «линии партии». На смену советской социалистической системе с ее общественными дисциплинами, не имеющими аналогов в общепринятой и традиционной модели институционализации общественных и политических наук, пришла эпоха, которую трудно определить иначе, как эпохой безвременья.

Доминирующей тенденцией была поэтапная деконструкция всех основ социалистического общества и механическое калькирование западного опыта функционирования институтов власти с отрицанием всего собственного цивилизационного наследия — как имперского, так и советского. Следствием такого подхода стало простое заимствование западных философских и политологических школ все с теми же «раскрученными именами» немногих *российских мыслителей*, прошедших через соответствующую идеологическую селекцию. При этом традиционные выражения «русские мыслители» и «русская интеллигенция», которые использовались даже при советской власти для обозначения имперского наследия, были признаны по негласному соглашению недостаточно политкорректными...

---

<sup>1</sup> Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004. С. 42, 19.

Становление оригинальных национальных научных школ — философских и особенно политологических — требует длительного времени, конкуренции и деятельной поддержки со стороны государственной власти, а точнее, отечественных «фабрик мысли». Ни одного из этих условий в нашей стране сегодня, к сожалению, нет, как нет и понимания тех цивилизационных рисков<sup>1</sup>, с которыми сопряжено тотальное господство «заемных смыслов» в сфере публичной и непубличной политики. Поэтому рассчитывать на то, что ситуацию можно будет «переломить» одним политическим решением, не приходится.

К счастью, земля российская талантами не обделена, и даже в ситуации безвременья появлялись высокопрофессиональные теоретики и оригинальные мыслители, которые чувствовали и осознавали свою личную сопричастность великой русской цивилизации и писали об этом, не боясь встать в один ряд с «вечными диссидентами». Среди таких имен можно назвать и ведущих академиков (к примеру, Д.С. Лихачева, Н.Н. Моисеева, Е.П. Чельшева и многих других), и отдельных мыслителей, которым удалось создать целостные и вполне конкурентоспособные цивилизационные теории. В этом списке особое место занимает научное наследие Александра Сергеевича Панарина — выдающегося философа и политического аналитика, основателя нового направления политической философии и первой в России кафедры теоретической политологии, открытой на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. После отделения факультета политологии, произошедшего после кончины А.С. Панарина, его кафедра была объединена с кафедрой политических учений и названа кафедрой философии политики и права.

Для всего теоретического наследия Панарина характерен четко прописанный цивилизационный подход, учитывающий историческую, культурную и конфессиональную специфику России, что

---

<sup>1</sup> О подходах к пониманию природы цивилизационных рисков см.: *Черешнев В.А., Расторгуев В.Н.* Цивилизационные, политические и экологические риски нашего времени // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Международные Лихачевские научные чтения. 16–17 мая 2013 г. СПб., 2013.

было особенно ценно в период становления отечественной политологии и выбора курса нашей страны. Спектр его интересов был чрезвычайно широк — от философии истории и культурологии до методологии глобального прогнозирования и выявления факторов перерождения национальных элит. Столь же обширен и выбор жанров, в которых он работал, — от многолетнего мониторинга текущих публикаций западных авторов в реферативных изданиях ИНИОН (основное его занятие в период жесткой государственной цензуры) до объемных монографических трудов в эпоху демократизации режима и актуальной и жесткой политической аналитики. Занимался он и активной экспертной деятельностью, связанной, прежде всего, с продвижением евразийского проекта.

Многие его работы, принадлежащие к разным жанрам, носят острополюемический характер. Такое соединение академического стиля и яркой публицистики отличает даже написанные им авторские ученики. Все свои учебные пособия он сам называл экспериментальными. Во введении к учебнику «Глобальное политическое прогнозирование» он объяснял эту особенность тем, что «ни отечественная, ни мировая наука пока что не представили скольнибудь разработанной теории глобального политического прогнозирования. Обычно учебная литература следует за фундаментальными разработками и фиксирует уже апробированное, устоявшееся знание. В данном случае мы имеем дело с другой ситуацией. Теоретические разработки и учебно-методические задачи автору пришлось решать практически одновременно»<sup>1</sup>. Отметим также, что круг интересов Панарина постоянно расширялся, как и выбор методов анализа, что позволяет говорить об эволюции его взглядов, отражающей все большую свободу в выборе тем, среди которых не было закрытых и табуированных.

Этой особенностью, а также полной свободой от идеологической зафрахтованности научное творчество Панарина разительно отличалось на общем фоне, который определял состояние общественной мысли в «постсоветской» России. И «западников», и

---

<sup>1</sup> *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. Учебник для студентов вузов. М., 2002. С. 16.

традиционных доктринеров Панарин называл «людьми заемного текста», что вызывало да и сейчас вызывает неоднозначное отношение к его наследию в научном сообществе. По его мнению, все «вторичные модернизации стран не-Запада, как и самосознание и деятельность направляющих эти модернизации элит, организовывали догматики текста — люди, в большинстве своем воспитанные в определенной национальной среде, вскормленные ее пейзажем и культурой, слушающие голоса страдающих и надеющихся соотечественников. И тем не менее практически неизменно в деятельности этих людей воспроизводится один загадочный парадокс: они с неистовой, фанатичной последовательностью следуют заимствованным на стороне “великим учениям” — текстам, столь же упрямо отрицая права окружающей социальной действительности прямо, помимо текста заявить о себе или хотя бы добиться коррекции текста в соответствии с местной спецификой»<sup>1</sup>.

Этот тип индоктринации, в основе которого лежит обмен действительности на текст и, соответственно, скрытая зависимость от «чужих смыслов», по его мнению, характерен для интеллигенции, что негативно отражается на становлении науки и принятии политических решений, а также на гражданской и цивилизационной самоидентификации российского общества. Причина такого положения, как уже говорилось, заключается в том, что отечественная политология находится на ранней стадии институционализации дисциплин, когда еще не сложились да и не могли сложиться сильные научные школы и сколько-нибудь самобытные, введенные в научный оборот конкурентоспособные концепции, способные оказать влияние на политику страны.

Переход от открытого доктринерства с характерным для него обезличиванием знания (знакомая старшему поколению ученых-гуманитариев борьба с «отсебятиной») к идейному плюрализму, где ценится «авторское клеймо» на любой новой теории или на введенном в научный оборот концепте, призванном обновить смысловую палитру политики, не мог быть простым. Любое под-

---

<sup>1</sup> *Панарин А.С.* Православная цивилизация / Сост., предисл. В.Н. Расторгуев. Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 89.



ражание и самоизоляция означают, по словам Панарина, признание собственного бессилия и того позорного факта, что «подлинными мы никогда не были». А это не так, поскольку, по его глубокому убеждению, именно в России больше всего подлинного и непреходящего — доброго и сострадательного. Для Православной цивилизации оказался открытым «путь в будущее, моделью которого является не конфликт, а концерт цивилизаций», а «русская духовная традиция — традиция сострадательности — на самом деле препятствует угрозе геноцида, нависшей над этим морем новой нищеты и неприкаянности»<sup>1</sup>.

Если говорить о его академической карьере, то она сложилась крайне противоречиво. Ему довелось перенести многолетние преследования, которые начались с исключения из комсомола и отчисления из МГУ на третьем году обучения, и взлеты — руководство сектором, лабораторией, Центром социально-философских исследований Института философии РАН, возможность основать кафедру в ведущем университете России. Его кандидатская диссертация была посвящена анализу социальной доктрины Жана Фурастье, а в своей докторской диссертации «Современный цивилизационный процесс и феномен неоконсерватизма» Панарин очертил общие контуры главной научной программы, которой отдал все последние годы. В течение многих лет его философское служение, как говорила на первых Панаринских чтениях профессор МГИМО Н.Н. Зарубина — его вдова и близкий друг, не было воспринято и востребовано ни обществом, ни интеллектуальным сообществом. Но оно обрело подлинный размах в последние 20 лет его жизни: «20 лет молчания и 20 лет творческой самореализации».

Только за эти годы он издал около 30 книг — монографий и учебников, которые меньше всего походили на школярские штудии, и огромное количество статей. О статусе ученого часто судят по индексу цитируемости его трудов. А.С. Панарин — один из наиболее цитируемых авторов среди отечественных философов и политологов нашего времени. Для большинства его работ была

---

<sup>1</sup> *Панарин А.С.* Православная цивилизация. М., 2014. С. 145.

характерна жесткая критика политической верхушки, за которой скрывалось желание излечить власть. В этой связи вспоминаются известные слова: друг у власти — потерянный друг.

Повышенный интерес к научному наследию Панарина во многом объясняется сменой ценностных ориентиров в сфере внутренней и внешней политики России, в определении которых все в большей степени учитывается особая цивилизационная миссия России. В частности, в Концепции внешней политики Российской Федерации среди приоритетных задач названы предотвращение межцивилизационных разломов и формирование партнерства между культурами, религиями и цивилизациями, чему служит взаимодействие государства с Русской православной церковью и другими основными религиозными объединениями страны. На эту тенденцию и на необходимость глубокого и всестороннего изучения философского наследия Панарина указал Святейший Патриарх Кирилл в своей речи на присуждении ему степени *honoris causa* Московского государственного университета (28 сентября 2012 г.). При этом Предстоятель, обращаясь к научному сообществу, сослался на книгу Панарина «Православная цивилизация в глобальном мире»: «Как писал наш современник, а для многих из вас и коллега — замечательный философ, политолог и публицист Александр Сергеевич Панарин, идентичность русских людей скреплял православный идеал священного царства, основанный на высшей правде и жертвенном служении вере»<sup>1</sup>.

Не менее значимой для понимания масштабов его наследия является и последняя монография «Стратегическая нестабильность в XXI веке». Само это соединение понятий — стратегия и нестабильность — кажется противоестественным, но именно оно отражает реальное положение дел в мировой политике. Панарин подчеркивает тот факт, что мы сталкиваемся в наше время не только с ситуацией нестабильности, но с ее производством, целью которого является сохранение и углубление социального неравенства в глобальном масштабе. Книга открывается словами: «Памяти отца, Панарина Сергея Алексеевича,

---

<sup>1</sup> Речь Святейшего Патриарха Кирилла на церемонии присуждения степени *honoris causa* Московского государственного университета // [www.patriarchia.ru/db/print/2496952.html](http://www.patriarchia.ru/db/print/2496952.html).

солдата Великой Отечественной войны, посвящаю». Но адресат этой книги, ставшей политическим завещанием Александра Сергеевича, — не столько его современники, сколько те наследники нашей цивилизации, которым еще суждено появиться на свет, чтобы проводить XXI век и встретить новый (или не суждено, если мы совершим политические действия, не совместимые с жизнью Российского государства). Панарин говорит: «Мы, таким образом, становимся свидетелями и соучастниками драмы, последствия которой определяют судьбу всех поколений XXI века». Выбор адресата Панарин объясняет предельно просто и честно: «Это последнее поколение, сегодня отделенное от нас целым столетием, является, может быть, нашим главным собеседником: именно оно подивится нашей свободе — ведь оно, а не мы, станет пленником наших решений — и нашей слепоте. В этом отношении оно будет походить на нас, переживших трагедии XX века. Разве мы не дивимся слепоте тех, кто развязал хаос Первой мировой войны, перечеркнувшей лучшие ожидания поколения, встретившего зарю XX века? Разве мы не хотели бы получить ту свободу, которую еще имели они до принятия рокового решения, — свободу иначе-возможного? Мы стали заложниками их авантюры, сделавшей трагический ход событий необратимым»<sup>1</sup>.

Книга-завещание написана, как определил ее особенности сам автор, не как очередной «исторический проект» из жанра утопической инженерии и не как антиутопия (такие «остужающие» тексты создаются, по мысли Панарина, не столько под влиянием чувства заботы, сколько из чувства раздражительности, вызванной идеологической назойливостью апологетов-оптимистов). Жанр книги он определяет как опыт политической аналитики, которая «строит возможные сценарии событий, исходя из сложившихся тенденций развития, с одной стороны, и оценки тех или иных влиятельных субъектов социального действия, с другой»<sup>2</sup>.

Панарина отличал ярко выраженный прогностический дар (многие его прогнозы сбылись) и особый интерес к методам прогнозтики, которые он исследовал также через призму цивилизационного подхода.

---

<sup>1</sup> Панарин А. С. Православная цивилизация. М., 2014. С. 579.

<sup>2</sup> Панарин А. С. Православная цивилизация. М., 2014. С. 577.

В центре его интересов были проблемы глобального политического прогнозирования и сама логика становления системы глобализующегося мира, которая по-разному отражается на судьбах народов и государств, что чревато запределными рисками и социальными потрясениями. Главный источник рисков — тот факт, что страны вошли в эту систему неодинаково подготовленными, значительно отличающимися по своему экономическому, военно-стратегическому и информационному потенциалу. Закономерным результатом различий в стартовых возможностях стала архаизация отношений между акторами мировой политики и тотальное господство социал-дарвинистской модели перелома ресурсов в пользу наиболее приспособленных и за счет менее приспособленных. «В данном случае речь идет, — по мнению Панарина, — не столько о конфликте цивилизаций, сколько о конфликте модерна, монополизированного Западом, с культурным и цивилизованным наследием всего человечества, с историей вообще»<sup>1</sup>.

Это отчасти объясняет выборочное отношение к глобализационной тематике — очевидный интерес мировой политической и финансовой элиты, а соответственно, и ведущих мозговых центров к поиску эффективных моделей управления процессами глобализации и откровенное нежелание увидеть и просчитать долговременные последствия этого процесса. Панарин задается вопросом — является ли прогноз о качественно ином будущем очередной утопией или жизненной необходимостью? Характерно, что в поисках ответа он близко подходит к позиции Н.Н. Моисеева, на работы которого ссылается, рассуждая о методологии политического прогнозирования. Моисеев, как и Панарин, был сторонником теории локальных цивилизаций и таким же мастером парадоксов, которые, по его мнению, вполне могут служить удобной интерпретацией реальности. Обращение к трудам Моисеева было закономерным, поскольку в его исследованиях также доминировало проектное мышление, а новые идеи почти всегда вырастали, как и у Панарина, до масштабов большой стратегии, зачастую глобальной, с характерными для синтеза стратегий междисциплинарными проникновениями и философскими обобщения-

---

<sup>1</sup> *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. Учебник для студентов вузов. М., 2002. С. 21.

ми. По мнению Моисеева, «любая активность человека, особенно в интеллектуальной сфере, всегда начинается с утопий». Причем эту закономерность проектного мышления он относил, прежде всего, к собственным проектам и прогнозам. Так, в книге «Судьба цивилизации. Путь Разума» он говорит о своих проектах как об утопиях, но особого рода, выделяя среди всех типов утопий «конструктивные утопии», опирающиеся не на логику теоретика, а на логику Природы. По мысли Моисеева, его теория — это такая же утопия, но относящаяся к разряду конструктивных утопий. Ее принципиальное отличие состоит в том, что при ее описании он не пытался говорить о том, как должен быть устроен будущий мир, а лишь о том, чего нельзя делать и без чего нельзя обойтись. При этом она будет опираться «на систему эмпирических обобщений или логических следствий всей той схемы мирового эволюционного процесса, фрагменты которого и составляют историю человечества»<sup>1</sup>.

Позиция Панарина и здесь полностью согласуется со взглядами Моисеева, поскольку обвинение в утопизме — не что иное, по словам Панарина, как «новейшая цензура модерна на долгосрочное историческое воображение, заклеенное как утопический радикализм», что дает возможность представить прогнозирование качественно иного будущего в качестве жанра, далекого от науки. По сути, подчеркивает Панарин, речь идет о дискредитации цивилизованных ценностей и норм не-западного типа, а это не что иное, как торжество варварства: «Дискредитация суперэтнических синтезов (применительных к Западу считающихся синонимом цивилизованности, а к Востоку — олицетворением русского империализма), завершившаяся первым катастрофическим успехом — развалом СССР, привела не к цивилизованности, а к самым неожиданным и грубым рецидивам племенного сознания, ксенофобии, варваризации и примитивизации общественных отношений»<sup>2</sup>.

В то же время англо-американская программа «технологизации» и прагматизации культуры на самом деле не только противостоит политическому планированию, обвиняя его в утопизме (так

---

<sup>1</sup> Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М., 1998. С. 90.

<sup>2</sup> Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2002. С. 222.

определяется надежды угнетенных), но и закрывает перспективу качественно иного будущего, подменяя геополитической «*real policy*» высокие утопии Просвещения, которые знаменовали собой прорыв человечества в иное историческое измерение.

Именно в этом плане — как якобы заведомо утопичную борьбу с очевидной социальной несправедливостью Панарин понимал и известную формулу, определяющую политику как искусство возможного, рассматривая возможность не как вседозволенность. В сотворенном мире вседозволенность сужает спектр возможного, лишает человека рассудка, народы — энергии жить и выстоять, а саму жизнь — высшего смысла. Подлинное имя вседозволенности, которую демонстрируют и страны-гегемоны, и социальные группы, сконцентрировавшие в своих руках власть, — хаос: «Сначала хаос выступает под знаком либеральной вседозволенности — потакания Эдиповой “безотцовщине”, не выносящей “репрессии норм”. А затем, на стадии, когда он принимает форму “терроризма” и стихийного “экспорта уголовщины”, которую цивилизованное общество не в состоянии терпеть, он становится поводом для “гуманитарных вмешательств” мирового жандарма»<sup>1</sup>.

\* \* \*

У А.С. Панарина не было весомых государственных наград, что вполне объяснимо, так как он был постоянным оппонентом власти. Но среди научного сообщества его авторитет был непрерываем — как среди единомышленников, так и со стороны критиков его независимой позиции. Его работы были отмечены Ломоносовской премией, Почетным знаком «Общественное признание», Премией Александра Солженицына. В своей лекции, прочитанной при вручении ему Премии Солженицына, Панарин говорил, что, может быть, сам русский народ и является в мире той загадочной исторической инстанцией, которая остановит глобальное крушение. «Может быть, русскому народу дано защищать те ценности, которые заведомо нерентабельны и потому преследуются рыночниками. И, может быть, когда-нибудь история воздаст ему за это...

---

<sup>1</sup> *Панарин А.С. Православная цивилизация. М., 2014. С. 691.*

Никакой рынок не будет содержать Большой театр, Фундаментальную национальную библиотеку, выстраивать стройную систему высшего образования. Они нерентабельны»<sup>1</sup>.

Наследие Панарина изучается и обобщается с участием многих ведущих и молодых ученых, которые относят себя к панаринской школе или поддерживают ее. Большой друг и соратник Панарина И.К. Кучмаева — известный ученый и организатор Государственной академии славянской культуры (эта академия, созданная при участии Панарина, была в течение 20 лет основным центром притяжения всех славянских стран) писала, что школа Панарина — «это процесс становления научного направления с четко выраженной авторской методологией. Школу мы рассматриваем как реконструкцию и переосмысление важнейших культурологических идей Панарина»<sup>2</sup>. Именно Кучмаева стала инициатором проведения ежегодных Международных Панаринских чтений, которые были призваны объединить ученых из разных стран, в том числе славянских, которым близок панаринский подход к изучению и защите цивилизационного наследия Русского мира. Панарин участвовал в ежегодных миссиях ГАСК, которые с огромным успехом проходили во всех славянских странах, что было особенно ценным на фоне политического отчуждения и разобщения славянского мира.

В настоящее время Панаринские чтения стали одной из основных площадок для обмена новыми идеями и проектами по цивилизационной проблематике. При этом многочисленные отдельные конференции и семинары с таким же названием, но организационно не связанные с московскими чтениями, не раз проходили на территории России. Панаринские чтения, проводимые в ГАСК и в МГУ, — ежегодный международный форум, посвященный памяти философа. При этом многочисленные отдельные конференции и семинары, посвященные наследию Панарина и даже с таким же названием, но организационно не связанные с чтениями, не раз проходили и в Москве, и в Крыму, и в целом ряде других городов России.

---

<sup>1</sup> *Панарин А.С.* Я — на стороне народа // Газета «День Литературь». 2002. № 69.

<sup>2</sup> *Кучмаева И.К.* Из суеты в суть. История Академии в лицах. М., 2013. С. 143.

Ежегодные чтения включали в себя иногда по две-три большие конференции, в том числе с международным участием. **I чтения** состоялись в 2003 году, через небольшое время после кончины Панарина. «Готовя первые Панаринские чтения, — писала Кучмаева, — мы избрали одну из самых важных для А.С. Панарина тем “*Культурное наследие как основа национальной идентичности*”. В Исторический музей прибыли люди, которых по праву называют интеллектуальной элитой Москвы и России». Панаринские чтения «*Российское образование и образ России*» были организованы в 2004 году в Доме Русского Зарубежья имени А.И. Солженицына (Александр Исаевич принял участие в подготовке форума, войдя в состав оргкомитета). **III Панаринские чтения** 2005 года «*Наследие Александра Панарина*» состоялись в Кремле, в Оружейной палате. Ряд больших конференций проходил в рамках чтений в Паломническом центре Московской Патриархии, который неоднократно брал на себя также заботы по изданию и распространению материалов чтений. **IV чтения** открылись в 2006 году и были посвящены механизмам цивилизационного наследования: «*Культура наследования: природа дарения в глобализирующемся мире*».

К **V чтениям** 2007 года, посвященным *взаимодействию духовной и политической власти*, проявил интерес председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Кирилл, в настоящее время Святейший Патриарх, благословивший их проведение и вошедший в состав Оргкомитета. Тематика **VI Панаринских чтений** 2008 года — «*Цивилизация и цивилизаторы: прошлое, настоящее, будущее*». **VII Панаринские чтения** 2009 года открылись пленарным заседанием «*Россия и Русский мир: социальные перспективы в условиях модернизации*». В рамках каждого форума с момента его организации работала молодежная конференция или специальная секция. К примеру, Молодежным прологом к **VIII чтениям** 2010 года стала Международная научно-практическая конференция «*Молодежь — Культура — Политика: историческая память и цивилизационный выбор*», давшая возможность многим молодым исследователям представить результаты своей работы на широкое обсуждение. В 2011 году состоялись



**IX Панаринские чтения** «Диалектика “вызова-ответа” в прогнозировании социального и культурного развития России».

**X Юбилейные Панаринские чтения** 2012 года «Миссия России в современном мире», проходившие в МГУ, подвели 20-летний итог работы научных и образовательных центров, которые были созданы при участии Панарина. Среди них Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, Государственная академия славянской культуры (ГАСК), а также Российский НИИ культурного и природного наследия имени академика Д.С. Лихачева. В работе форума участвовали ученые, представляющие целый спектр научных дисциплин: философов и культурологов, политологов и социологов, филологов и экономистов, а также деятели культуры, церкви и политики, что еще раз подтверждает многоплановый характер научного наследия Панарина. К сожалению, даже беглая аннотация всех заявленных докладов и сообщений потребовала бы написания обширного текста, но не смогла бы передать творческую атмосферу, которая отличала этот форум. Поэтому ограничимся упоминанием нескольких постановочных тем. Большая часть докладов была посвящена различным аспектам цивилизационной преемственности и культурной идентичности России в ситуации поиска альтернативы глобализационному единообразию, а также поиску стратегий, в том числе и образовательных, способных консолидировать российское общество и преодолеть последствия социального разлома.

Тематика **XI чтений** 2013 года — «Умная политика и цивилизованные вызовы» — была продолжена на **XII чтениях** 2014 года: «Цивилизационный контекст и экспертное обеспечение государственной политики России». **XIII Панаринские чтения** 2015 года проходили с широким международным участием и были посвящены 75-летию со дня рождения Панарина, их тема — «Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития». Торжественное открытие Панаринских чтений состоялось в рамках XIX Всемирного Русского Народного Собора (ВРНС) «Наследие князя Владимира и судьбы исторической Руси». Первый день чтений проходил в Конгресс-зале Храма Христа Спасителя.

**XIV чтения** проходили в 2016 году, в преддверии 100-летия Октябрьской революции, их тема — *«Традиционализм в эпоху революции: культурная политика и цивилизационный выбор»*. В 2017 году на традиционных площадках МГУ имени М.В. Ломоносова, Государственной Думы и Института наследия состоялись **XV Панаринские чтения** на тему *«Выбор национальной стратегии в условиях глобальной нестабильности и цивилизационное наследие России»*, на которых было заслушано свыше 100 докладов.

Организаторами чтений в последние годы являются кафедра философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Институт Наследия) и Научный совет при Президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, одним из создателей которого был Панарин. В подготовке и проведении чтений традиционно участвуют Министерство культуры РФ, экспертные советы и комитеты Государственной Думы, Экспертный центр Всемирного Русского Народного Собора, Институт политических исследований (Белград), Российско-французский центр по развитию связей в области науки, образования и культуры и ряд других российских и зарубежных научных и экспертных центров. Благодаря поддержке этого центра (руководитель — Г.Н. Самуйлов) в течение ряда лет известные ученые и политики из Сорбонны и других ведущих образовательных и научных центров Франции являются постоянными докладчиками на чтениях и частыми гостями кафедры философии политики и права. Среди наиболее активных участников чтений — профессор Иван Бло, ряд книг которого посвящен российско-французским отношениям и переведен на русский язык. За эти годы по итогам чтений издана целая библиотека коллективных монографий и сборников научных конференций.

Главная проблема организаторов заключается в том, что интерес к форуму превышал возможности организаторов: большая часть зала, рассчитанного на 100 человек, была заполнена докладчиками — известными учеными, политиками, деятелями церкви. В этом заключены и минусы, и плюсы подобных форумов. С одной стороны, нужна максимально широкая популяризация идей, востребованных време-

нем, и каждому участнику хотелось услышать все доклады, участвовать во всех дискуссиях. С другой стороны, в силу необходимости расходясь по секциям и сжимая время и, что самое важное, логику докладов до минимума, мы обираем себя, выводя из регламента главное — вдумчивую и неторопливую речь, радость погружения в новые теории... По этой причине к удовлетворению от сделанного примешивается горечь: чем интереснее идеи и сами люди, которые их представляли на форуме (а я убедился, что спектр новых идей и подходов почти безграничен), тем обидней осознавать, что не хватает времени дослушать, добраться до тонких обоснований.

Оргкомитет чтений в процессе их подготовки по традиции работает в тесном контакте с экспертным сообществом Федерального Собрания, в том числе с рядом профильных комитетов Государственной Думы ФС РФ. А лидер фракции «Справедливая Россия» С.М. Миронов, который неоднократно участвовал не только в чтениях, но и в подготовительной работе (событием стало проведение Пролога Панаринских чтений в Государственной Думе с приглашением молодежной секции), в своем обращении к участникам форума отметил: «Панаринские чтения — своеобразный знак времени. В обществе просыпается интерес к собственным мыслителям, способным вернуть смысл государственным делам и решениям, а не к одной лишь заемной мудрости и не к тем моделям социально-политического устройства, которые сложились в странах, называющих себя цивилизованными, но убивающим сердце своей цивилизации — веру отцов и самобытность культур. А.С. Панарин говорил, по сути, о нравственном измерении политики».

## ПРИЛОЖЕНИЕ 3

*МОЩЕЛКОВ Е.Н., СЫТИН А.Г.*

*Развитие направлений политической науки  
на философском факультете  
Московского государственного университета  
имени М.В. Ломоносова в период 1998–2017 гг.  
(на примере деятельности диссертационного совета Д 501.002.14)*

В настоящем обзоре анализируется деятельность одного из диссертационных советов по политическим наукам, который был образован Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и деятельность которого охватывает период с июня 1998 по июнь 2017 года. Речь идет о совете, имевшем в последнее время шифр Д 501.002.14, но прошедшем за указанный период несколько этапов в своем становлении и развитии.

В начале 1990-х гг. после включения политических наук (или политологии) в номенклатуру научных специальностей данный совет был создан в Московском университете для защиты кандидатских диссертаций по политическим и философским наукам.

Возглавил его в то время профессор философского факультета МГУ И.А. Козиков. В июне 1998 г. председателем этого совета (К 053.05.88) был назначен профессор, доктор политических наук Е.Н. Мощелков. С февраля 2001 г. совет, оставаясь кандидатским (К 501.001.01), был реформирован и стал работать только по политическим наукам — по специальностям 23.00.01 (тогда — теория политики, история и методология политической науки), 23.00.02 (в то время — политические институты и процессы) и 19.00.12 (политическая психология). В мае 2008 г. совет был преобразован и получил право, наряду с кандидатскими, проводить защиты и докторских диссертаций по политическим наукам. И наконец, в декабре 2012 г. он получил право проводить защиты по двум следующим специальностям: 23.00.01 (теория и философия политики, история и методология

политической науки) и 23.00.03 (политическая культура и идеологии). По этим специальностям совет проводил свои заседания до июня 2017 г., пока в связи с предоставлением МГУ права формировать собственные советы и самостоятельно присуждать ученые степени кандидата и доктора наук по Приказу Минобрнауки РФ (№ 885/нк от 29 августа 2017 г.) все диссертационные советы МГУ, которые работали в системе ВАК, не прекратили свою работу.

Всего с июня 1998 по июнь 2017 г. на диссертационном совете состоялось **203** защиты на соискание степени кандидата политических наук и доктора политических наук. По научным специальностям эти защиты распределяются следующим образом: по специальности 23.00.01 — **83** диссертации (в том числе **3** докторские), по специальности 23.00.02 — **78** диссертаций, по специальности 19.00.12 — **34** диссертации и по специальности 23.00.03 — **8** диссертаций (в том числе **2** докторские).

Следует констатировать, что все 203 соискателя по решению ВАКа и Минобрнауки РФ своевременно получили степени доктора или кандидата политических наук.

Таковы некоторые сводные фактические и статистические данные деятельности диссертационного совета.

Теперь кратко о содержательной стороне деятельности совета по каждой из указанных выше научных специальностей.

### **1. Направление политической науки, связанное с развитием общих теоретических проблем — 23.00.01**

*(теория политики, история и методология политической науки)*

Диссертации, защищенные по данной специальности (всего по ней в совете за период его существования прошло 83 защиты), были посвящены разработке важнейших теоретических и методологических проблем политической науки, как на основе анализа учений и концепций прошлого, так и на современном материале.

Важным объектом диссертационных исследований стала американская политология XX века. Здесь необходимо отметить кандидатские диссертации *Н.С. Павлова* («Американская политическая наука XX в. о влиянии политики на государственное управление: история

исследования проблемы и основные концепции») и *Н.Л. Подвойской* («Концепт политического менталитета в американской политологии второй половины XX века»). В первом исследовании выявлены и проанализированы основные позиции, представленные в дискуссиях 1940–1960-х гг. о соотношении политики и администрирования, о сущности бюрократии, раскрыта полемика ведущих американских политологов того периода — Д. Уолдо (1914–2000) и Г. Саймона (1916–2001) и выявлено ее влияние на дальнейшее развитие американских исследований в данной области. Во втором — на материалах американской политологии проводится анализ политического менталитета как категории политической науки, дается характеристика политико-культурного подхода как новой парадигмы исследования политических систем, раскрывается взаимосвязь и взаимозависимость политического менталитета и политической культуры.

К данному направлению примыкает ряд кандидатских диссертаций, посвященных анализу политических концепций отдельных англоязычных политологов. Это диссертация *С.П. Фурс* «Проблема демократии в политической теории Роберта Даля», в которой выявляются методологические основы, логика и динамика развития политической теории классика американской политологии, исследуется понимание Р. Далем феномена демократии в системе координат идеального типа демократии и проблемы взаимоотношения экономической системы и реальной демократии. Далее следует отметить диссертацию *А.Ф. Яковлевой* «Политическая теория Г.Дж. Уэллса», в которой подробно раскрываются политические идеи английского мыслителя, известного в России, прежде всего, как писателя-фантаста, дается анализ его теоретических подходов к интерпретации сущности и перспектив социализма, исторической роли войн, определения принципов оптимального политического устройства и путей достижения политического идеала.

К этому же блоку примыкает диссертация *Н.А. Чамаевой* «Политическая теория Майкла Джозефа Оукшотта (1901–1990)», автор которой осуществляет комплексную реконструкцию политической теории известного британского ученого. В диссертационном исследовании показана логика перехода от базовых понятий политической теории к сложным моделям, раскрыты функции, пределы

применения и потенциал данных моделей. Автор диссертации аргументированно доказывает, что в политической теории мыслителя приоритет отдается «беседе традиций» как наиболее ценной и богатой по содержанию модели политики; и «гражданской ассоциации» — как более жизнеспособному и эффективному типу политической организации, не подвергающему пространство человеческой свободы необоснованной редукции.

Две диссертации посвящены анализу франкоязычной политологии XX века. В их числе можно выделить диссертации *О.О. Вишневого* («Соотношение политики и рациональности в политической теории Мишеля Фуко») и *И.А. Матвеева* («Ангажированность как характеристика политического знания (концепции Л. Альтюссера, М. Фуко, Ч.Р. Миллса)'). В первой автор вводит в научный оборот ряд малоизвестных текстов Фуко; решается задача реконструкции в политической теории французского мыслителя проблемы соотношения политики и рациональности, выявляется трактовка универсальной конструктивной роли власти, прослеживаются линии преемственности фукольдианской политической концепции с классикой политической науки (Т. Гоббс, К. Маркс, Ф. Ницше, М. Вебер, М. Хайдеггер). Во второй диссертации в сравнительном аспекте проанализированы произведения трех перечисленных в названии авторов. На основе концепции ангажированного знания Л. Альтюссера в диссертации дается характеристика позиции «партийного интеллектуала»; в концепции же «нового соотношения теории и практики» М. Фуко выявлена специфика позиции «интеллектуала, предоставляющего слово угнетенным»; а в концепции ангажированности Ч.Р. Миллса определены особенности позиции «публичного интеллектуала». К данной диссертации тематически примыкает исследование *А.В. Никандрова* «Роль интеллектуалов в политике: концепция Норберто Боббио (1909–2004)», в котором уже в контексте итальянской политологической традиции анализируется проблематика роли интеллектуалов в реальных политических процессах, говорится о принципах взаимоотношений интеллектуалов и реальных политиков, а также политических партий, о рамках политического диалога в обществе, о характере взаимоотношений политики и культуры.

Особое внимание следует уделить диссертации *О.А. Семеновой* «Концепция государства в исламском фундаментализме (вторая половина XX — начало XXI в.)», тематика которой чрезвычайно злободневна в современной международной обстановке. В исследовании автором предпринята довольно удачная попытка научной классификации мусульманских идеологических течений, использования религиозного терминологического аппарата в политологических исследованиях. На этой основе в диссертации анализируются труды ряда теоретиков исламского государства, выявляются принципы фундаментальной концепции организации власти в исламском государстве, раскрываются представления об идеальном государстве в идеологии исламизма и пути реализации этого государства. Показательно, что теоретики современного исламизма расходятся во мнениях относительно концепции джихада. В диссертации делается важный вывод о том, что обоснованием вооруженной борьбы все чаще становятся ссылки не на религиозный долг, а на неразрешенные территориальные споры. Учет этого обстоятельства необходим при выработке стратегии и тактики противодействия радикальному исламизму.

Проблематика немецкоязычной политической науки раскрывается в диссертации *А.Н. Линде* «Концепция делиберативной демократии Ю. Хабермаса в контексте современной теории политической коммуникации (теоретико-методологический анализ)», где раскрывается взаимосвязь кризисных явлений в теории демократии и практике демократических государств, обосновывается значение этой взаимосвязи как предпосылки для разработки концепции делиберативной демократии.

Большое количество диссертаций посвящено мало разработанным темам и проблемам истории отечественной политической мысли. Здесь необходимо выделить две тематически и содержательно связанные друг с другом диссертации: «Роль социально-политических учений Византии в развитии государственных концепций Московской Руси» *А.Х. Кажарова* и «Концепция взаимоотношений правителя и подданных в русской политической мысли середины — второй половины XVI века» *А.С. Ермолиной*.

В первой диссертации автор показывает историческую обусловленность перехода и трансформации византийских политиче-



ских учений в процессе формирования модели государственности Московской Руси, показана специфика и характер адаптации византийского политического и идейного опыта на русской почве, показана русская политическая практика своеобразного решения проблемы «симфонии» светской и духовной властей, идейные и политические причины отказа правителей Московской Руси от принципа «премудрой двоицы» как фундаментальной основы государственности византийского типа. В диссертации А.С. Ермолиной проблематика предыдущего исследования анализируется на материалах позднего периода Московской Руси. Здесь на основе комплексных и сравнительных исследований идей и концепций И.С. Пересветова, А.М. Курбского и Ивана IV Грозного анализируется проблема сущности власти, ее границ, методов государственного управления, выявляются различные подходы к пониманию категории свободы в соотношении с категорией власти. Автор диссертации приходит к выводу о том, что идея свободы (хотя и в разных трактовках) вовсе не была чужда средневековой русской политической мысли, а напротив, являлась одним из базовых оснований различных политических концепций.

Ряд диссертаций посвящен анализу отдельных направлений русской политической мысли. В докторской диссертации *Н.Н. Козловой* «Политическая философия российского консерватизма XIX — первой половины XX века: гендерные аспекты» осуществлена гендерная интерпретация основных концептов политической философии российского консерватизма, исследована и критически проанализирована концепция «отеческого правления», раскрыты основания и способы легитимации женского правления, выявлена специфика решения «женского вопроса» в контексте консервативных теорий. В диссертации обосновывается положение, согласно которому теоретическое структурирование политического пространства, разделение его на публичную и приватную сферы в отечественной консервативной мысли неразрывно связано с решением проблемы половой идентификации, которое основано на фиксации принципиального различия природных и социальных характеристик мужчин и женщин.

Диссертация *М.У. Ибраева* (Республика Казахстан) «Государственность в политическом учении евразийства (классическая

традиция)» посвящена реконструкции взглядов классиков евразийства (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев) на сущность и специфические черты идеократического государства и проведению на этой основе комплексного теоретико-политологического анализа евразийской концепции государственности. В данной диссертации автор рассматривает евразийские трактовки российской государственности в различные периоды истории страны в сравнении с западноевропейскими формами государства, показывает концептуальное отличие идеократического государства евразийцев от аристократического и демократического типов государства.

Проблематика диссертаций Н.Н. Козловой и М.У. Ибраева представляется весьма актуальной в настоящее время, когда в отечественном политическом дискурсе консервативные и евразийские идеи и концепции вновь стали востребованными и злободневными.

В диссертации *Е.В. Бобровских* «Концепция “народности” в истории социально-политической мысли России XIX века» прослеживается история термина «народность» в русской общественно-политической лексике, анализируются дискуссии о «народности» в русской мысли середины XIX века, выделяются основные тезисы и характеристики концепции «народности».

Рассматривая диссертации, посвященные истории отечественной политической мысли, необходимо выделить те из них, которые рассматривают идеи отдельных мыслителей. Отметим диссертации *К.Р. Ситдыковой* («Политическая теория П.А. Кропоткина») и *А.С. Исмаилова* («Концепция “христианской демократии” Г.П. Федотова (политико-философский анализ)»). В первой диссертации автором проведен анализ мифологем, характерных для европейской политической культуры XVIII и XIX вв., оказавших значительное влияние на формирование концепции П.А. Кропоткина, выявлены идейные истоки анархистских представлений об общественном идеале, проанализированы концепты «взаимной помощи» и «общественной солидарности». В диссертации используются малоизвестные материалы и исследования доктрины русского анархизма. Во второй диссертации на основе изучения корпуса текстов Г.П. Федотова реконструируется и критически анализируется его полити-

ко-философская концепция «христианской демократии», проведено компаративистское исследование комплекса идей «Нового Града» и других политических проектов пореволюционных идейных течений Русского зарубежья. Достоинством диссертации является формулировка аргументированной авторской позиции в современной дискуссии вокруг политической концепции Г.П. Федотова.

Ряд диссертаций был посвящен вопросам методологии политической науки. В первую очередь здесь следует назвать докторскую диссертацию *М.М. Смирнова* «Контент-системный подход в политическом моделировании». В ней в ходе комплексного исследования возможностей, пределов и перспектив моделирования политических систем на базе синтеза системных структурно-функциональных теоретических моделей и технологий автору удалось разработать новое методологическое направление исследований в отечественной политической науке — контент-системный подход к политическому моделированию. Автором диссертации также разработана оригинальная классификация политических контентов, связанная с классификацией политических культур, предложена пошаговая модель идентификации гражданской политической культуры через политический контент, раскрыты новые аспекты феномена элитной политической субкультуры, уточнена область обоснованного применения и перспективность основных положений системной парадигмы в условиях новых информационных и коммуникационных технологий. По проблемам методологии защищена была также диссертация *А.Ю. Гайдт* «Сравнительный анализ политических систем: теоретико-методологический анализ», в которой раскрывается специфика сравнительных исследований политических систем на различных уровнях, определяются эвристические возможности сравнительной методологии в данной сфере.

Следует отметить ряд диссертаций, посвященных отдельным сложным теоретическим проблемам, которые актуальны не только для современной политической науки, но и для политической практики. Это, во-первых, диссертация *Е.В. Голошумова* «Национальная идея в современной России (теоретико-методологические аспекты)», в которой систематизируются концептуальные составляющие национальной идеи в России, выявляется значимость ме-

ханизма сцепления общемировых требований и социокультурных оснований политического процесса для выработки оптимальной интегральной идеологии, раскрывается мобилизующий потенциал национальной идеи, определяется ее связь с системой национально-государственных интересов в современной России.

Во-вторых, это диссертация *О.Г. Рюмковой* «Политический миф: теоретические основания и современная политическая практика», в которой определяется специфика содержания и процесса формирования политического мифа в условиях российских социально-политических трансформаций, выявлена роль архетипических элементов массового сознания в процессе современного российского мифотворчества, показаны возможности мифотворчества в стабилизации общества и преодолении кризисных явлений.

В-третьих, это диссертация *В.В. Федорова* «Теоретические аспекты изучения электорального поведения россиян в период формирования современной российской государственности», в которой показано, что синхронизация процессов социальной и политической трансформации является характерной чертой российской политической культуры, выявлена зависимость эффективности воздействия средств массовой коммуникации на поведенческие установки избирателей от моделей политической культуры, принимаемых на вооружение правящим классом; установлен циклический характер смены моделей политической культуры в российском обществе.

В-четвертых, это диссертация *А.В. Катасонова* «Политические концепции устойчивого развития: сопоставительный анализ современных версий», в которой на основе сравнительного анализа рассмотрены основные концептуальные схемы, используемые в научном и политическом дискурсе о стратегии устойчивого развития, выявлен их эвристический и методологический потенциал.

И наконец, в данном разделе следует выделить диссертацию *П.С. Зиноватного* «Теоретический анализ символических репрессий в современной политике», в которой проводится комплексное исследование наиболее крупных концепций символично-репрессивного подавления личности и их корреляции с политическими реалиями современности. В диссертации раскрыты социально-исторические предпосылки формирования концепции репрессивной цивилизации,

символического насилия и символических репрессий, исследована роль информационно-символического фактора в функционировании демократических политических систем и политической коммуникации в современных развитых обществах.

Отдельно в этом разделе следует выделить докторскую диссертацию *М.В. Яковлева* «Демократия как проблема политической мысли стран СНГ: теоретико-методологический анализ», в которой впервые разработаны концептуальные основы анализа теоретических представлений о демократии политической мысли стран СНГ, осуществлен сравнительный анализ концепций демократизации в приложении к социально-политическим и культурно-историческим условиям незападных стран. Автор диссертации приходит к важному выводу о том, что демократия представляет собой систему институциональных фактов, детерминированных историей и культурой нации, сконструированных как коллективные соглашения в ходе совместной жизнедеятельности индивидов, определяющих и обеспечивающих свободную общественно-политическую дискуссию и самостоятельный политический выбор народа.

## **2. Направление политической науки, связанное с развитием конкретных и отчасти прикладных проблем — 23.00.02**

*(политические институты и процессы, с 2001 г. — политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии)*

В качестве общей характеристики корпуса диссертаций по данному разделу (78 защит) следует выделить то, что большинство исследований посвящено анализу политических процессов и явлений в современной России, что указывает на вполне естественный доминирующий интерес молодых ученых-россиян к проблемам своей страны. Предметное поле специальности 23.00.02 всегда было широким, а с 2001 г. — в особенности, поэтому диссертации, защищенные на совете по этой специальности, можно тематически подразделить еще на несколько субнаправлений.

Так, заметным было субнаправление, которое можно обозначить как «Россия в мире и национальные интересы России». Диссертации по нему защищались практически в течение всего периода

существования в совете данной научной специальности. Одной из первых работ по данной тематике была диссертация *М.Л. Лебедевой* «Проблема “Россия-Восток” в контексте отечественной политической традиции». Ее автор поставила цель исследовать процесс влияния политических структур стран Востока на становление и развитие государственности России, определение характера русской цивилизации и политического потенциала модернизационных проектов ее будущего развития. В данной работе, в частности, предпринята попытка теоретического осмысления совокупности отношений России с политическим миром Востока в контексте всей динамики исторического развития. Среди выводов исследования — то, что российская политическая система несет в себе черты государственной организации восточного мира; и то, что взаимодействие с Востоком в свете задач реформирования современной России содержит в себе глубокий позитивный политический потенциал. В русле этой проблематики на совете были защищены работы, касающиеся российской геополитики. Так, *Д.В. Донченко* (Республика Казахстан) защитила диссертацию на тему «Геополитическая составляющая “русской идеи”». По мнению автора, вопрос о геополитической идентичности России аккумулирует и в конечном счете определяет общую направленность ее развития в мире. Целью диссертации стало осмысление «русской идеи» как духовно-идеологического основания построения геополитического пространства России и влияния ее традиции на формирование концепции новой российской государственности. Автор пришла, в частности, к выводам, что «русская идея» составила геополитическую концепцию Российского государства, а также что евразийское геополитическое пространство как географическое, территориально-пространственное начало, и «русская идея» — как духовно-идеологическое начало в истории России — стали условием ее национально-государственного существования в мире; и что в нынешних условиях исторически востребованным становится обращение к «русской идее», ее духовно-идеологическому и геополитическому потенциалу.

Тематически связана с работой *Д.В. Донченко* диссертация *А.Р. Устьяна* «Концептуальные основы внешнеполитической стратегии России в начале XXI века (геополитический аспект)». По

оценке автора, на рубеже веков происходит новый выбор концептуальных оснований развития России. Цель данной работы — современное переосмысление византийской концепции развития и раскрытие ее как одной из перспективных внешнеполитических концепций, учитывающих геополитический аспект развития России в XXI веке. В данной работе были впервые расширены содержательные рамки «византийской идеи» в отношении ее политического и геополитического измерения. Автором обоснованы выводы о том, что византийская концепция есть не только духовно-идеологическое, но и евразийское геополитическое начало в истории России; а также то, что в период глобализации геополитический потенциал концепции византизма возрастает.

Конкретной международно-политической проблеме была посвящена диссертация *В.К. Внука* «Балканский кризис в контексте распада биполярного мира». Автор показывает, что постбиполярный мир отличается более низким (по его мнению) уровнем глобальной военной угрозы, но и низкой стабильностью, а значит, и меньшей безопасностью на региональном уровне. Целью данной диссертации стал анализ влияния кризиса глобальной политической системы на региональную систему Балкан, а также явлений, сопровождавших этот процесс. Согласно выводам исследования, современный Балканский кризис стал результатом как противоречий внутри югославского государства, так и внешнего воздействия. По мере развития кризиса всесторонняя поддержка НАТО и ЕС определенных сторон конфликта, ставшая возможной в условиях распада биполярного мира, превратилась в основной фактор развития и углубления этого конфликта.

Политические проблемы международных отношений и внешней политики России, без сомнения, тесно связаны с проблемами национальной безопасности и национальных интересов России. В области исследования существа российских интересов примечательна диссертация *А.В. Федякина* «Национальные интересы России (теоретико-методологические аспекты политологического анализа)». Ее автор обосновывает позицию, что российское общество не сможет нормально развиваться, если не определит для себя систему ценностей, не осознает свои базовые потребности и не

сформулирует четкую стратегию их защиты и реализации. Цель работы, обозначенная автором, — выявить специфику «национальных интересов» как категории политической науки и определить базовые основания долгосрочных и жизненно важных национальных интересов России. Согласно выводам исследования, важнейшими характеристиками, раскрывающими сущность национальных интересов, являются их системность, причинная обусловленность, осознанность, интегративность и конкретно-историчность. Контуры же модели долгосрочных и жизненно важных национальных интересов России включают в себя поддержание национального единства, сохранение за Россией статуса великой державы, справедливое общественное устройство и национальное согласие.

В диссертации *А.В. Бубнова* «Информационная безопасность России в условиях глобализации» показывается, что в условиях глобализации обостряется борьба между отдельными странами за глобальное и региональное лидерство, а также за обладание различного рода ресурсами, что актуализирует исследование всех аспектов проблемы национальной безопасности. Информация же в условиях информационной революции становится едва ли не важнейшим властным ресурсом. В качестве цели исследования автор называет рассмотрение в теоретическом и практическом аспектах проблем информационной безопасности России в условиях глобализации, выявление угроз и путей их нейтрализации. На основе исследования он делает вывод, что основной информационной угрозой для России является информационное воздействие с целью ослабления страны и с перспективой распада государства, что соответствует стратегическим геополитическим установкам Запада, в связи с чем необходимо развивать и совершенствовать систему обеспечения информационной безопасности России.

Другое субнаправление в рамках данной научной специальности — исследование политических процессов, протекающих в современной России. В русле этого направления была защищена диссертация *А.А. Казаковой* «Роль женских общественных объединений в формировании гражданского общества в современной России». Автор показывает, что, несмотря на все трудности, гражданское общество в лице общественных объединений и организаций становится



ся постепенно относительно устойчивым явлением российской социально-политической жизни. В то же время процесс окончательной институционализации и идентификации, в частности, женских объединений и организаций осложняется наличием множества разнообразных факторов. Согласно выводам исследования, женские организации играют весьма заметную роль в процессе становления гражданского общества в современной России. В то же время еще далеко не исчерпан конструктивный и интегративный потенциал, который может быть использован для вовлечения российских женщин в общественно-политическую жизнь страны.

Ряд защищенных на совете диссертаций был посвящен проблемам субъектов политического процесса, групп давления и лоббистской деятельности в современной России. К их числу относится диссертация *Е.Н. Масловой* «Финансово-промышленные группы как субъект региональных политических процессов в современной России». Автор показала, что в условиях нашей страны ФПГ становятся проводниками государственной экономической политики, участвуют в реализации приоритетных направлений деятельности в общенациональной хозяйственной системе. Цель работы *Е.Н. Масловой* — выявить специфику ФПГ как объекта политологического анализа и определить основные принципы и механизмы участия ФПГ в региональных политических процессах в современной России. Автор пришла, в частности, к тому выводу, что непременным условием достижения ФПГ своих целей в российских регионах является доступ к государственным ресурсам, который обеспечивается мерами организационного, политического, финансового и коммуникативного взаимодействия с властью.

Две защищенных на совете одна за другой диссертации были посвящены разным аспектам проблемы лоббизма в современной России. *Е.А. Дмитриева* защитила диссертацию на тему «Особенности лоббирования корпоративных интересов в органах государственной власти современной России (1993–2005 гг.)», а *А.В. Табаков* на тему «Особенности лоббистской деятельности в современной России (региональный аспект)». В каждой из этих диссертаций подчеркивалась значимость механизмов неофициального, теневого влияния на политический процесс в условиях становления рыночных отношений.

При этом в диссертации Дмитриевой акцент был сделан на изучении лоббирования корпоративных интересов на центральном уровне государственной власти. Диссертант поставила цель показать характерные черты, особенности и механизмы лоббирования корпоративных интересов в российских органах государственной власти, а также выявить перспективы регулирования лоббистской деятельности в современной России. В данной работе был сделан вывод о том, что во взаимоотношениях государства и корпораций в современной России существует несколько проблемных зон: объективное возрастание роли корпораций в экономической и политической жизни; претензии корпораций на роль глобальных акторов, которые по мощи могут конкурировать с современными государствами; попытки лидеров таких корпораций стать значимыми политическими фигурами, соперничая с официальными лицами и институтами политической власти.

А.В. Табаков сформулировал цель выявить специфику лоббизма как общественно-политического явления и проанализировать особенности лоббистской деятельности в региональных политических процессах современной России. В результате проведенного исследования лоббизм был определен им как система реализации интересов различных групп и структур путем организованного легитимного или нелегитимного воздействия на органы, принимающие политико-властные решения. В качестве сущностных черт лоббизма диссертантом были выделены воздействие, осуществляемое преимущественно в теневых формах, корпоративный характер отстаиваемых интересов, прагматическая ориентация субъектов данной деятельности. В работе был сделан вывод о том, что наиболее распространенной формой на региональном уровне является экономический лоббизм, при этом его практика характеризуется преобладанием неформальных механизмов продвижения и согласования интересов различных экономических и политических субъектов деятельности. Был сделан также вывод, что непременным условием достижения лоббистами своих целей на региональном уровне является доступ к государственным ресурсам, который обеспечивается мерами организационного, политического, финансового и коммуникативного взаимодействия с властью.

Важным объектом исследования в данном направлении стали вопросы теории и истории политических процессов. Здесь следует выделить диссертацию *С.В. Анохина* «Поколение как субъект политического процесса в современной России», в которой выявляется политологическая природа понятия «поколение», определяются особенности влияния поколений на политический процесс в отличие от влияния других социальных групп, обозначаются ритмы преемственности поколений, влияющих на политическое развитие российского социума в 1990-е гг., раскрывается социальная дифференциация и политическая неоднородность постсоветского поколения.

Две диссертации посвящены анализу влияния глобальных процессов на политическую ситуацию в России. В первой из них — «Природа и исторические формы политического экстремизма (на примере политического развития России в XX веке)» *И.А. Сазонова* делается аргументированный вывод о том, что на современном этапе появляются новые виды экстремизма, исследуется их природа, идейные истоки и движущие силы. В диссертации на новом материале выявляется связь некоторых форм религиозного радикализма и политического экстремизма, анализируются тенденции и перспективы развития некоторых форм политического экстремизма. Во второй диссертации — «Миграционная политика России в условиях глобализации» *Е.В. Шереметьевой* методами политологического анализа проведено исследование качественных изменений, произошедших в период 1990-х — начала 2000-х гг. в содержании миграционной политики и в самих эмиграционных процессах в России, показана их взаимосвязь и взаимозависимость с процессами дезинтеграции и тенденциями усиления глобальной миграционной активности. В диссертации отдельно показаны качественные изменения в положении русскоязычного населения за рубежом.

В диссертации *И.А. Чихарева* «Хронополитика в теоретических исследованиях мировой политики» разрабатывается оригинальный подход к изучению общей структуры хронополитики на основе различения форм темпоральности. В рамках данного подхода уточняется общая роль и функции хронополитики в современной политологии, определяются роль и специфика исследований про-

блем времени в современной отечественной политической науке, проводится сравнительный анализ представлений о времени и изменчивости в основных концепциях мировой политики.

Три диссертации посвящены анализу природы и направленности политических изменений. В первой диссертации *И.Н. Игошина* «Институциональные деформации в политической сфере: российская специфика» предлагается методологическая концепция социально-политического анализа, позволяющая вычлнить и анализировать специфический объект социальной реальности — институциональные деформации. На основе этой концепции в исследовании выделяются принципы формирования стратегии институциональных реформ в российском обществе. Во второй диссертации *М.Г. Евтодьевой* «Политико-культурный и институциональный подходы к политическим изменениям: теоретический аспект» проводится анализ основных подходов к вопросу развития (эволюции) политических институтов и политической культуры, как в общетеоретическом аспекте, так и в контексте российской модернизационной практики, предлагается оригинальная интерпретация проблемы возникновения кризисов в институциональной системе общества и в сфере политической культуры, обосновывается динамическая модель соотношения политической культуры и политических институтов в контексте реальной практики. Наконец, в третьей диссертации *Д.А. Осипенко* «Политико-экономическая система современной России (механизмы функционирования, тенденции развития)» описывается базовая модель политико-экономической системы современного государства, раскрываются основные политические механизмы формирования курса социально-экономического развития страны. Особое внимание в диссертации уделяется анализу специфики переходных моделей политико-экономических систем, тенденциям и механизмам функционирования российского общества на современном этапе.

В качестве оригинального политико-компаративистского исследования следует выделить диссертацию *В.Д. Черепанова* «Демократические традиции в политическом менталитете восточных славян», в которой выявляются и анализируются элементы демократизма восточнославянского менталитета. Автор диссертации

рассматривает роль и значение в славяно-русской политической истории военной демократии, общинных и соборных оснований политической жизни восточных славян, первоначальных форм местного (земского) самоуправления. В диссертации показана актуальность обращения к демократическому началу в политических традициях восточных славян для современного развития правового государства и гражданского общества в России.

В диссертации *М.С. Филь* «Мусульманские общины в политической жизни современной России» предлагается оригинальная классификация мусульманских общественно-политических объединений в России в период 1991–2005 гг., определяются характер и возможные тенденции политического участия мусульманских общин на территории 16 субъектов Российской Федерации, исследованы факторы, способные повлиять на увеличение/уменьшение конфликтного потенциала исламских общин в современной России.

В диссертации *Лю И* (Китайская Народная Республика) «Современные административные реформы в России и Китае: сравнительный анализ (1993–2006 гг.)» проводится сравнительный анализ основных тенденций административных реформ в России и Китае на протяжении исследуемых автором шестнадцати лет, на основе которого были выявлены сходства и различия в этих реформах (основные этапы реформ, особенности кадровой политики, борьбы с коррупцией, модели государственной службы и административного управления).

### **3. Направление политической науки, связанное с развитием теоретических и прикладных проблем политической культуры и идеологий — 23.00.03 (политическая культура и идеологии)**

С 2013 г. на совете стали проводиться защиты по новой научной специальности 23.00.03 — политическая культура и идеологии (всего за это время проведено 8 защит диссертаций по данному направлению; интересно, что раньше, в конце 1990-х — начале 2000-х гг., среди научных специальностей уже существовала специальность с таким шифром, но название ее отличалось на одну букву — впрочем, букву, серьезно влиявшую на смысл: «Политическая культура и идеология» — в единственном числе).

Первой из защит по этой специальности стала защита кандидатской диссертации *И.В. Сизова* «Ценностные основания политического участия в современной России». Актуальность этой темы очевидна, поскольку в условиях российской политической системы ценностей очевидным образом влияют на политический процесс, а сами ценности претерпевали непростую эволюцию в последние десятилетия. Автор диссертации задался целью определить закономерности влияния ценностных оснований на формы и интенсивность политического участия граждан в современной России. Для этого им была разработана многомерная модель исследования влияния ценностей на политическое участие. Среди выводов исследования обращает на себя внимание тот, что ценностные основания политического участия могут быть исследованы в нескольких измерениях, соответствующих как субъективной, так и объективной природе ценностей, а также разной направленности и предметному содержанию рассматриваемых ценностей.

В 2013 г. была защищена и первая на совете докторская диссертация по этой специальности — диссертация соискательницы из Кубанского государственного университета *И.В. Самаркиной* «Политическая картина мира как компонент субъективного пространства политики». Автор определяет политическую картину мира как репрезентацию политического мира в индивидуальном и групповом сознании и исходит из предположения, что политическая картина мира как наиболее обобщенная характеристика субъективного восприятия политического может оказывать существенное влияние на политическое поведение. Для исследования этого явления, по убеждению автора, необходим феноменологический подход, способный к раскрытию интерпретации жизненного мира человека. Целью исследования *И.В. Самаркиной* является разработка целостной концепции политической картины мира как направления исследования субъективного пространства политики. Автор приходит, в частности, к разработке концепции политической картины мира как подвижной системы представлений о власти и политике, отражающей политический мир в когнитивной и образно-символической форме.

Кандидатская диссертация *Н.А. Маминой* «Влияние политических традиций на механизмы функционирования политических систем» делает акцент на изучении такого элемента политической культуры, как политические традиции и их роль в современной политической жизни. Политические традиции, согласно оценке автора, через менталитет и систему ценностей воздействуют на формирование политического сознания и мотивации политического поведения индивидов и социальных групп. Цель исследования *Н.А. Маминой* — комплексный анализ содержательных и функциональных сторон политических традиций и особенностей их воздействия на механизмы функционирования политических систем. Автор показывает, что влияние традиций на политическую систему может иметь как функциональный, так и дисфункциональный характер. Диссертант уделяет специальное внимание анализу того, что мешает росту гражданского потенциала в нашей стране.

На совете была защищена также диссертация *А.М. Черданцевой* «Политические ценности современных парламентских партий России и Германии». В ней, так же, как и, например, в диссертации *И.В. Сизова*, идет речь о ценностных основаниях политического процесса. Однако важные особенности работы составляет то, что, во-первых, речь идет в ней о ценностях только парламентских партий, а во-вторых, работа носит сравнительный характер. Работа *А.М. Черданцевой* имеет основательную эмпирическую базу: собственные опросы, которые автор проводила как в России, так и в Германии. Автор ставит целью выявить содержательное наполнение политических ценностей современных парламентских партий России и Германии, определить иерархию ценностей у каждой из партий. Диссертант вводит категорию «партийно-политических ценностей» и разрабатывает концептуальную модель для анализа таких ценностей. Политические ценности при этом рассматриваются автором комплексно: на уровне партийных программных документов, в сознании партийных лидеров и рядовых партийцев. Важным представляется также вывод автора, что в структуре партийно-политических ценностей можно выделить устойчивое идеологическое ядро и изменчивую периферию.

Следует выделить и диссертацию *Г.И. Рамалданова* «Ценности и представления в структуре политического менталитета жителей республики Дагестан». К жителям республики Дагестан в этой работе автором отнесены и те, кто прошел лишь период формирования и первичной политической социализации в Дагестане, а ныне проживает в «московском регионе». Цель работы Г.И. Рамалданова состоит в сравнительном анализе политических ценностей и представлений дагестанцев, живущих в Дагестане и в московском регионе, а с другой стороны — политических ценностей дагестанцев разных поколений. При этом элементы политического менталитета анализируются Г.И. Рамалдановым комплексно — и в политико-культурном, и в политико-психологическом аспектах. В ходе выполнения данного исследования автором впервые были эмпирически изучены когнитивные компоненты политического менталитета жителей Дагестана. Среди наиболее значимых выводов автора отметим тот, что основные ценности дагестанцев очень устойчивы и мало коррелируют с возрастом или местом проживания, а политические представления, наоборот, подвергаются существенной трансформации в двух направлениях: временном (поколенческом) и пространственном (региональном).

Думается, значительный интерес представляет и защищенная на совете докторская диссертация *А.В. Щипкова* «Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе». Автор убедительно показывает, что либеральная идеология, претендующая на универсализм и всеохватность, сегодня переживает многосторонний кризис, а это рождает запрос общества на новую адекватную времени идеологию. Такому запросу, согласно выводам автора, может отвечать социал-консерватизм — идеологическое направление, которое впервые получает в данной работе комплексное осмысление. Основанием социал-консерватизма выступает новое отношение к традиции в духе «левых» политических ценностей и в рамках системного традиционализма. Общий же смысл социал-консерватизма и системного традиционализма автор видит в том, чтобы поставить исторический опыт людей на службу их социальному освобождению.



#### 4. Направление политической науки, связанное с развитием теоретических и прикладных проблем политической психологии — 19.00.12 (политическая психология)

С 2001 г. впервые в истории советов под руководством Е.Н. Мошелкова начались защиты по политической психологии, что было связано с созданием на философском факультете кафедры политической психологии под руководством видного политического психолога, доктора философских наук, профессора Елены Борисовны Шестопал. Постепенно под руководством Елены Борисовны сложилась целая научная школа изучения массового политического сознания, работавшая в главных чертах по единой научной методике. Эмпирической базой работ этой школы выступали собственные конкретно-психологические исследования их авторов. В целом по этой специальности на нашем совете было защищено 34 кандидатские диссертации. Остановимся подробнее на некоторых из них.

В 2001 г. состоялась защита диссертации *С.В. Нестеровой* «Политико-психологический анализ восприятия российских политических лидеров (1996–1999)». В этой работе были изучены механизмы восприятия массовым сознанием политических лидеров (в качестве примеров были проанализированы образы в массовом сознании таких политических деятелей, как Г.А. Явлинский, Г.А. Зюганов, Ю.М. Лужков, А.И. Лебедь). Диссертант ставила целью исследовать, как воспринимают политических лидеров в современной России, какие качества им приписывают, почему одни из них вызывают больше симпатии и поддержки. Акцент в исследовании был сделан на психологических механизмах взаимоотношений лидеров и последователей. Была построена объяснительная модель, позволяющая описать, как складываются образы политических лидеров в массовом сознании и от каких факторов зависит их динамика. Автор пришла, в частности, к выводу, что в оценке политиков в современной России очень важную роль играют моральные факторы и что конкретные черты восприятия того или иного политика массовым сознанием невозможно объяснить только рациональными факторами.

Содержательно связана с этим исследованием и диссертация *Л.А. Пресняковой* «Влияние авторитарного синдрома на индиви-

дуальное восприятие политической власти в России (1990-е годы)». В ней также шла речь о восприятии власти, персонифицированной в трех политических деятелях: Г.А. Зюганове, Г.А. Явлинском, В.В. Путине. Однако акцент делался уже не на психологических механизмах взаимодействия лидеров и последователей, а на влиянии личностных черт воспринимающего на восприятие власти. Среди личностных факторов здесь вычленялся для анализа так называемый авторитарный синдром, выявленный в свое время школой Т. Адорно, точнее, влияние этого синдрома на характер восприятия политической власти в современной России. Автором диссертации была предложена собственная модель авторитарного синдрома в структуре личности.

В продолжение этой содержательной линии на совете была защищена диссертация *Т.Н. Пищевой* «Восприятие кандидатов в президенты: коммуникативные аспекты избирательных кампаний 1996, 2000 и 2004 годов». Эта работа была связана уже с исследованиями избирательных кампаний по выборам Президента России. В более конкретном виде предметом авторского анализа стали коммуникативные аспекты образа кандидата в этих кампаниях. В данной работе автором впервые были использованы методология политико-психологических исследований образов кандидатов в президентских кампаниях, а также коммуникативный подход к исследованию политического восприятия. При этом исследовались не кандидаты как личности, а кейсы их избирательных кампаний и коммуникативные барьеры, влияющие на восприятие кандидатов. Автор обосновала, в частности, выводы о том, что в президентских кампаниях особую роль играют институциональный дизайн и политическая традиция, а также что особенности коммуникаций политика и его избирателей влияют на эмоциональные и когнитивные аспекты образа данного политика.

В русле этой тематики позднее была защищена также диссертационная работа *М.В. Суслиной* «Роль семьи в формировании образа политической власти (политико-психологический анализ)». Здесь также речь шла в значительной мере о восприятии политической власти, но под несколько иным углом зрения: о формировании образа власти и роли семьи в этом процессе. Автор исходи-

ла из не вызывающего сомнений тезиса, что именно в семье закладываются основы мировоззрения личности, ее исходные политические взгляды и представления. Работа М.В. Суслиной явилась первым в отечественной политической науке всесторонним исследованием формирования в семье политических представлений личности и образа политической власти. Автором была разработана модель политико-психологического анализа целостного влияния семьи как института политической социализации на формирование образа политической власти. В данной работе было также показано, как стиль семейного воспитания влияет на сознание детей и способствует формированию определенных политических представлений.

В рамках данной научной специальности защищались диссертации и по несколько иной тематике — как, например, диссертация *О.А. Молчановой* «Политическая социализация в современной российской школе (политико-психологический анализ)». Нет, наверно, необходимости говорить о том, насколько актуальна эта тематика. Ведь она непосредственно выходит на проблему формирования гражданина в условиях современной России. Автор работы подчеркивала: сложность проблемы и в том, что старшее поколение не может сегодня передать младшему какую-то устоявшуюся политическую культуру, поскольку и само находится в процессе перехода. Главная же цель новой модели политической социализации виделась автору в том, чтобы способствовать формированию политических представлений, которые отвечали бы требованиям демократического государства. Автор исследовала влияние школы на формирование у учеников политических представлений. Один из выводов диссертации состоял в том, что в современной России отсутствует государственная политика по формированию политических представлений в школе; в этих условиях слишком многое зависит от личной инициативы учителя.

Очень актуальной представляется также тема кандидатской диссертации *А.В. Селезневой*: «Поколения в российской политике: политические представления и ценности». Здесь был поставлен важный вопрос о ценностных основаниях социальных и политических практик. В диссертации А.В. Селезневой был также исследован вопрос о специфике влияния процессов социализации и ресоциализации

граждан на системы политических представлений и ценностей разных поколений. С методологической стороны работу отличало использование сочетания количественных и качественных методов исследования. В результате исследования автором была установлена связь между условиями политической социализации и политическими представлениями личности, а также то, что в процессе ресоциализации у человека могут происходить частичные изменения в системах политических представлений, но такие, которые не затрагивают системы политических ценностей.

Предметом диссертации *В.В. Тумова* «Формирование национально-государственной идентичности молодежи в современной России (политико-психологический анализ)» стала самоидентификация российской молодежи с образом России, в особенности — формирование этой самоидентификации как процесс взаимодействия значимых элементов политического сознания молодежи. Автором были разработаны политико-психологическая модель исследования национально-государственной самоидентификации и подход, позволяющий изучать содержание национально-государственной самоидентификации молодежи в контексте динамической триады «образы — фреймы — ценности».

На ином материале была написана диссертация *Н.Б. Боковой* «Политико-психологический анализ образа России в массовом сознании граждан КНР». Она явилась результатом специального изучения массового сознания граждан Китая, проведенного автором во время достаточно продолжительной стажировки в КНР. Автор исходила из того предположения, что образы стран оказывают влияние на формирование отношений между государствами. Она разработала специальную схему анализа образа другой страны. В результате исследования автор пришла, в частности, к выводу, что среди факторов восприятия другой страны в массовом сознании важную роль играют особенности политической культуры воспринимающей страны. Другим важным выводом стала констатация сложности и неоднозначности образа России в сознании жителей Китая, зависимости этого образа как от разницы национальных традиций, так и от реальной политики современной России.

С важнейшим вопросом о формировании национальной элиты была связана диссертация *В.В. Трофимовой* «Политико-психологический анализ процесса рекрутирования политической элиты федерального уровня в современной России». Важность этой темы трудно переоценить — ведь от характера рекрутирования элит в очень существенных чертах зависит качество политического управления государством и обществом. В результате исследования автор пришла, в частности, к тому выводу, что тип рекрутирования политических элит в современной России тяготеет к гильдийному и содержит ряд устоявшихся неформальных практик.

Особое место среди защищенных в совете диссертаций занимает работа *М.А. Аль-Дайни* «Манипулятивный характер идеологий в современной России: политико-психологический анализ». Автор не побоялась сделать предметом политико-психологического изучения реально существующие в современной России идеологии и дать им по итогам исследования критическую оценку. Автором была разработана модель политико-психологического анализа, позволяющая осуществить изучение когнитивных, перцептивных и коммуникационных аспектов функционирования идеологии на уровне массового сознания. Среди важнейших выводов автора исследования — что характерной особенностью идеологий в современной России является манипулятивная форма их функционирования, а также что в современной России сформировались два преобладающих типа политического поведения — деструктивный конформизм и протестный автоматизм — и что распространение манипулятивных идеологий в политической практике современной России расширяет зону политических рисков.

\* \* \*

Представляется, что проведенный краткий обзорный анализ более 60 диссертаций, защищенных в совете Д 501.002.14 философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в период с 1998 по 2017 г. в целом отражает как основные тенденции и достижения в развитии некоторых направлений отечественной политической науки, так и наиболее существенные тренды политической практики в России и в мире за последние два десятилетия.

## ПРИЛОЖЕНИЕ 4

### Выпускники кафедры философии политики и права (2012–2018)

#### 2012 год (специалисты)

	<i>ФИО выпускника</i>	<i>ТЕМА выпускной квалификационной работы</i>	<i>Научный руководитель</i>
1.	КАРАБЛИНА Наталя Юрьевна	Концепции глобальной справедливости в современном политико-философском дискурсе	доцент СЫТИН А.Г.
2.	ТОМЕЙ Александра Игоревна	Эволюция трактовки политики в прагматизме: от Дж. Дьюи к Р. Рорти	профессор БОЙЦОВА О.Ю.
3.	ФИЛИПЕНКО Евгений Валерьевич	Идентичность сообществ с позиций мир-системного анализа	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.
4.	ЕВДОКИМОВА Ксения Андреевна	Манипулирование массовым сознанием как политико-философская проблема	научный сотрудник КИЙЧЕНКО К.И.
5.	ФОКША Ирина Владимировна	Концепции свободы в современном либерализме и республиканизме (сравнительный анализ)	доцент СЫТИН А.Г.

#### 2013 год (специалисты)

	<i>ФИО выпускника</i>	<i>ТЕМА выпускной квалификационной работы</i>	<i>Научный руководитель</i>
1.	АНДРЕЕВА Виктория Викторовна	Проблема суверенитета в латиноамериканской политико-философской мысли XX века	доцент СЫТИН А.Г.
2.	ТЮРИКОВА Екатерина Евгеньевна	Политическое участие как теоретическая проблема (на примере философии коммунитаризма XX в.)	профессор БОЙЦОВА О.Ю.
3.	ХАЕЦКАЯ Виктория Викторовна	Экстремизм как общественное явление (философско-политический анализ)	профессор МОЩЕЛКОВ Е.Н.
4.	АРТЕМКИН Антон Николаевич	Философия политического успеха	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.
5.	ОСИПОВ Александр Александрович	Современные концепции мультикультурализма и их реализация в европейской политической практике	доцент СИМОНОВ К.В.

### 2014 год (специалисты)

	<i>ФИО выпускника</i>	<i>ТЕМА выпускной квалификационной работы</i>	<i>Научный руководитель</i>
1.	БУТОВ Юрий Владимирович	Взаимодействие философии и юриспруденции в учениях античных мыслителей	профессор ШАМШУРИН В.И.
2.	ЖУКОВ Константин Геннадьевич	Валеология: критический анализ политико-философских основ	профессор МОЦЕЛКОВ Е.Н.
3.	ЖУКОВА Лада Вячеславовна	Универсализм как философско-методологическое основание идеологии глобализма	доцент СИМОНОВ К.В.
4.	СОЛОВЬЕВА Анастасия Андреевна	Локальные цивилизации и модели их взаимодействия (сравнительный анализ концепций С. Хантингтона и Н.Н. Моисеева)	доцент СЫТИН А.Г.
5.	СТРУГОВ Михаил Васильевич	Идеологемы национально-культурной интеграции советского периода (политико-философский анализ)	доцент АЛАСАНИЯ К.Ю.
6.	СУСЛОВ Алексей Владимирович	Концепция запрета на «агрессивное насилие» в политической философии либертаризма	доцент СОЛОВЬЕВ А.В.
7.	ТУХВАТУЛИНА Лиана Анваровна	Нормативизм и децизионизм в философии права (сравнительный анализ концепций Г. Кельзена и К. Шмитта)	профессор БОЙЦОВА О.Ю.
8.	ТЮРИН Иван Владимирович	Переход к прямой демократии в современных политических системах: философские проблемы	доцент СИМОНОВ К.В.
9.	ФАСТОС Вита Витальевна	Страх как фактор управления массами (политико-философский анализ)	профессор МОЦЕЛКОВ Е.Н.

### 2015 год (специалисты)

	<i>ФИО выпускника</i>	<i>ТЕМА выпускной квалификационной работы</i>	<i>Научный руководитель</i>
1.	ПЕРЕПЕЛКИНА Ольга Эдуардовна	Морально-правовая концепция И. Канта: основные проблемы и характеристики	профессор МОЦЕЛКОВ Е.Н.
2.	МИЩЕНКО Анна Дмитриевна	Теория евразийства в трудах А.С. Панарина	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.
3.	ГЕЛЛЕР Вера Матвеевна	Проблема истинности во французской политической философии на примере работ Р. Барта и Ж. Бодрийяра	доцент АЛАСАНИЯ К.Ю.

4.	ПИРОГОВ Сергей Михайлович	Трансформация идей свободы и равенства в западноевропейской политико-философской мысли XVIII — первой половины XIX века	доцент СЫТИН А.Г.
5.	КИРЕЧКО Екатерина Михайловна	Латиноамериканский альтерглобализм: философский анализ основных идей	доцент СЫТИН А.Г.
6.	ЗАРНИЦКАЯ Мария Григорьевна	Философские основания идей правового государства в трудах французских мыслителей эпохи Просвещения: Руссо, Вольтер, Монтескье	доцент АЛАСАНИЯ К.Ю.
7.	ПЯТКОВСКАЯ Мария Викторовна	Понятие свободы у Ханны Арендт: философско-политический анализ	доцент НИКАНДРОВ А.В.
8.	ЯКОВЛЕВА Анастасия Михайловна	Концепт «врага» в философии политики: XIX–XX века	доцент СОЛОВЬЕВ А.В.
9.	ЦЫБАНКОВ Вадим Андреевич	Природа и функции государства в политической философии Карла Шмитта	профессор БОЙЦОВА О.Ю.
10.	ГРЕКОВА Алена Алексеевна	Современное евразийство: философско-мировоззренческие основания	научный сотрудник КИЙЧЕНКО К.И.
11.	ДЕГТЯРЕВ Михаил Михайлович	Политико-правовая культура России в трудах А.С. Хомякова и М. Вебера: философский анализ	профессор ШАМШУРИН В.И.
12.	СЫЧЕВА Екатерина Валерьевна	Цивилизационный подход в глобальном политическом прогнозировании: философские основания	научный сотрудник КИЙЧЕНКО К.И.
13.	ФУФОРЕВА Татьяна Сергеевна	Философско-методологические аспекты глобального политического прогнозирования	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.
14.	ЛЕКАРЕВА Анна Олеговна	Проблема личности в философии естественного права русской государственной школы: П.И. Новгородцев	профессор ШАМШУРИН В.И.
15.	ЛУКАРЕВСКАЯ Елизавета Викторовна	«Четвертая политическая теория» Алена де Бенуа: политико-философский анализ	доцент СЫТИН А.Г.

### 2015 год (бакалавры: первый выпуск)

	<i>ФИО выпускника</i>	<i>ТЕМА выпускной квалификационной работы</i>	<i>Научный руководитель</i>
1.	КАРАЙСЕНЛИ Евгений Николаевич	Личность и государство в философии права Б.Н. Чичерина	профессор МОЩЕЛКОВ Е.Н.



2.	КОРОТЕЕВА Полина Дмитриевна	Роль символа в политической идеологии: политический анализ	доцент АЛАСАНИЯ К.Ю.
3.	МАСЛИКОВА Анастасия Сергеевна	Правосознание как категория философии политики И.А.Ильина	доцент СЫТИН А.Г.
4.	ТЮРИНА Полина Юрьевна	Философско-политические основы национализма во Франции XX–XXI вв.	доцент СОЛОВЬЕВ А.В.
5.	АЗАРОВ Игорь Владимирович	Теории постиндустриального и посткапиталистического общества: сравнительный философско-политологический анализ	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.
6.	РОМАШКИНА Альбина Бариевна	Понимание свободы в философских учениях общественного договора XVIII века	профессор БОЙЦОВА О.Ю.
7.	ТРУСОВ Юрий Александрович	Философско-политическая концепция И. Бёрлина	доцент НИКАНДРОВ А.В.
8.	НОВОДВОР- СКИЙ Илья Сергеевич	Теоретико-философские основания мультикультурализма и политическая практика	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.

### 2016 год (бакалавры)

	<i>ФИО выпускника</i>	<i>ТЕМА выпускной квалификационной работы</i>	<i>Научный руководитель</i>
1.	АРГУН Лаура Лариковна	Специфика законодательной власти в философии Вольтера	профессор БОЙЦОВА О.Ю.
2.	ЛЕВЧЕНКО Сергей Олегович	Принцип системности в философии политики: постсоветский опыт	профессор ШАМШУРИН В.И.
3.	МАКУШЕВ Максим Алек- сандрович	Философия войны как направление философии политики	доцент СОЛОВЬЕВ А.В.
4.	МАТЕВОСЯН Анна Торгомовна	Философия свободы в западных теориях демократии	доцент АЛАСАНИЯ К.Ю.
5.	СКЛЯНКИН Вя- чеслав Алексан- дрович	Теоретический анализ проблемы свободы в политической философии неопрагматизма	доцент НИКАНДРОВ А.В.
6.	ЧАНГЛЯН Лилия Давидовна	Философско-политические аспекты идеологии панисламизма XIX–XX веков	доцент СЫТИН А.Г.

### 2017 год (магистры: первый выпуск)

	<i>ФИО выпускника</i>	<i>ТЕМА выпускной квалификационной работы</i>	<i>Научный руководитель</i>
1.	ТРУСОВ Юрий Александрович	Проблема универсализма ценностей в западной философии второй половины XX века	доцент НИКАНДРОВ А.В.
2.	НОВОСЕЛОВ Сергей Сергеевич	Философское осмысление концепта консервативной революции в конце XX — начале XXI века	доцент НИКАНДРОВ А.В.
3.	КАРАЙСЕНЛИ Евгений Николаевич	Онтологические аспекты философского осмысления войны в работах Н.А. Бердяева	доцент АЛАСАНИЯ К.Ю.
4.	КОРОТЕЕВА Полина Дмитриевна	Философские проблемы информационной войны в эпоху глобализации	доцент АЛАСАНИЯ К.Ю.
5.	МАСЛИКОВА Анастасия Сергеевна	Неинституциональные факторы политики в философии И.А. Ильина	доцент СЫТИН А.Г.
6.	РОМАШКИНА Альбина Бариевна	Трактовка власти в философии Г. Спенсера	профессор БОЙЦОВА О.Ю.
7.	ШМАНЦАРЬ Юлия Александровна	Философские аспекты проблемы политического суверенитета	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.

### 2017 год (бакалавры)

	<i>ФИО выпускника</i>	<i>ТЕМА выпускной квалификационной работы</i>	<i>Научный руководитель</i>
1.	ЦЫГАНОВА Анастасия Александровна	Философские интерпретации проекта вечного мира И. Канта в современной европейской мысли	профессор БОЙЦОВА О.Ю.
2.	УТУДЖАН Аница Татосовна	Интерпретации феномена терроризма в постмодернистской философии	доцент АЛАСАНИЯ К.Ю.
3.	МУСИНА Даниела Дамировна	Философские интерпретации большевизма в эмигрантской мысли 1920–1940-х годов	научный сотрудник КИЙЧЕНКО К.И.
4.	БАБИЙ Анастасия Юрьевна	Философия эгалитарного либерализма Д. Роулза и Р. Дворкина	доцент СОЛОВЬЕВ А.В.
5.	ПАНФЕРОВА Анжелика Александровна	Концепция демократии в политической философии Ш.-Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо	доцент СОЛОВЬЕВ А.В.
6.	ВЫСОЧИНА Ангелина Юрьевна	Философско-политический и социокультурный анализ глобализма	профессор ШАМШУРИН В.И.

7.	СИХАРУЛИДЗЕ Елизавета Тенгизовна	Философский анализ цивилизационного выбора России	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.
8.	ПАПЧЕНКОВА Александра Николаевна	Философская интерпретация концепта восстания масс в XX веке	доцент НИКАНДРОВ А.В.
9.	МАКАРОВ Павел Дмитриевич	Философско-политические аспекты теории цивилизации О. Шпенглера	профессор МОЩЕЛКОВ Е.Н.
10.	РУДАКОВ Алексей Алексеевич	Философские основания учения И.А. Ильина о монархии и республике	доцент СЫТИН А.Г.

### 2018 год (магистры)

	<i>ФИО выпускника</i>	<i>ТЕМА выпускной квалификационной работы</i>	<i>Научный руководитель</i>
1.	АРГУН Лаура Ларионовна	Право и закон в философии неокантианства: Рудольф Штаммлер и Густав Радбрух	профессор БОЙЦОВА О.Ю.
2.	ЛЕВЧЕНКО Сергей Олегович	Теория институциональных изменений Дугласа Норта: социально-философский анализ	доцент КРЖЕВОВ В.С.

### 2018 год (бакалавры)

	<i>ФИО выпускника</i>	<i>ТЕМА выпускной квалификационной работы</i>	<i>Научный руководитель</i>
1.	АБАЛИМАСОВА Дарья Александровна	Проблемное поле политической философии с точки зрения ценностного подхода	доцент СЫТИН А.Г.
2.	СВЯТЕНКО Олег Александрович	Осмысление феномена политической манипуляции в философии XX – начала XXI века	доцент АЛАСАНИЯ К.Ю.
3.	БАТУНОВА Мария Иликовна	Философия власти в американской политической традиции	профессор ШАМШУРИН В.И.
4.	ЗЛОБИН Илья Геннадьевич	Философско-политический анализ и критика западоцентризма Сэмюэла Хантингтона	доцент НИКАНДРОВ А.В.
5.	ЛАЗУТИНА Юлия Эдуардовна	Философские основания концепции политической власти Гарольда Лассуэлла и Арнольда Роугоу	доцент СОЛОВЬЕВ А.В.
6.	ТОРБИК Маргарита Васильевна	Цивилизационное измерение национальной политики: философско-политический аспект	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.
7.	ТОРОПОВ Егор Андреевич	Философия американского консерватизма Рассела Кирка	доцент НИКАНДРОВ А.В.

### Общая статистика выпускников кафедры

Год	Специалисты	Бакалавры	Магистры
2012	5	–	–
2013	5	–	–
2014	9	–	–
2015	15	8	–
2016	–	6	–
2017	–	10	7
2018	–	7	2
<b>ВСЕГО</b>	<b>34</b>	<b>31</b>	<b>9</b>

Всего выпускников — **74**.

## ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Аспиранты и соискатели кафедры  
философии политики и права,  
защитившие кандидатские и докторские  
диссертации (2008–2018)

№	ФИО соискателя	Тема диссертации, номер специальности	Научный руководитель (консультант)
<b>2008–2010 гг.</b>			
1.	КАСАТОНОВ Антон Владимирович	Политическая концепция устойчи- вого развития: сопоставитель- ный анализ современных версий (23.00.01)	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.
2.	ЗИНОВАТНЫЙ Павел Сергеевич	Теоретический анализ символических репрессий в современной политике (23.00.01)	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.
3.	ГОРДЕЕВ Илья Валерьевич	Глобализация в парадигме пост- модерна (теоретико-политологи- ческий анализ) (23.00.01)	доцент СОЛОВЬЕВ А.В.
4.	ФЕДОРОВ Валерий Валерьевич	Теоретические аспекты изучения электорального поведения рос- сиян в период становления со- временной российской государ- ственности (23.00.01)	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.
5.	БЕЛОВ Виктор Васильевич	Теоретико-политологический анализ становления бизнес-элит в современной России (23.00.01)	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.
6.	ЧИБИКЕЕВ Сергей Михайлович	Политические идеи и проекты М.М. Сперанского в контексте ис- тории российских реформ (23.00.01)	профессор МОЦЕЛКОВ Е.Н.
7.	ПОДВОЙСКАЯ Наталья Леонидовна	Концепт политического ментали- тета в американской политологии второй половины XX века (23.00.01)	профессор МОЦЕЛКОВ Е.Н.
8.	ДАМИРЧИЕВ Эмир Исахан оглы (Азербайджан)	Империя как политический фено- мен: теоретико-методологические аспекты исследования (23.00.01)	профессор ШАМШУРИН В.И.
9.	ЧАМАЕВА Наталья Александровна	Политическая теория Майкла Джозефа Оукшотта (1901–1990) (23.00.01)	профессор БОЙЦОВА О.Ю.

10.	ЕРМОЛИНА Анастасия Сергеевна	Концепция взаимоотношений правителя и подданных в русской политической мысли середины — второй половины XVI века (23.00.01)	профессор ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ С.В.
<b>2011–2012</b>			
11.	ШУРАН Татьяна Игоревна	Политико-философские идеи Д.Л. Андреева (1906–1959) (23.00.01)	доцент СЫТИН А.Г.
12.	РЯБКОВА Светлана Александровна (соискат.)	Теоретико-политологическое обоснование стратегии устойчивого развития в контексте глобализации (23.00.01)	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.
13.	ВОРОПАЕВ Дмитрий Сергеевич	Социокультурные основания китайской модели политической модернизации (23.00.01)	профессор РАСТОРГУЕВ В.Н.
14.	СМОЛЯНИНОВ Евгений Викторович	Распределение политических ресурсов в современных демократических системах (23.00.02)	доцент СОЛОВЬЕВ А.В.
15.	ЧЕРНЕЦКА Агнешка Александровна	Трансстрановые трубопроводы как инструмент реализации национальных интересов в современном мире: политологический анализ (23.00.04)	доцент СИМОНОВ К.В.
16.	ЗЕНКОВ Рудольф Владимирович	Феномен социальной революции как объект политико-философского анализа (23.00.01)	профессор БАРИС В.В.
17.	ЗАРИПОВ Дмитрий Андреевич	«Здоровое общество» как проект воплощения идей позитивной свободы (политико-философская концепция Эриха Фромма) (23.00.01)	доцент СЫТИН А.Г.
<b>2013–2014</b>			
18.	ВОРОБЬЕВА Юлия Игоревна	Политический медиадискурс и легитимность власти (23.00.01)	доцент СОЛОВЬЕВ А.В.
19.	ИСМАЙЛОВ Алексей Станиславович	Концепция «христианской демократии» Г.П. Федотова (политико-философский анализ) (23.00.01)	доцент СЫТИН А.Г.
20.	СМИРНОВ Михаил Михайлович	Контент-системный анализ в политическом моделировании (23.00.01); <b>Докторант</b>	профессор ШАБРОВ О.Ф.
21.	СИЗОВ Илья Владимирович	Ценностные основания политического участия в современной России (23.00.03)	доцент СОЛОВЬЕВ А.В.

22.	НИКАНДРОВ Алексей Всеволодович	Роль интеллектуалов в политике: концепция Норберто Боббио (1909–2004) (23.00.01)	профессор МОЩЕЛКОВ Е.Н.
23.	ИВАНОВ Евгений Олегович	Теоретико-методологические аспекты стратегического политического планирования (23.00.01)	профессор ШАМШУРИН В.И.
24.	МАТВЕЕВ Илья Александрович	Ангажированность как характеристика политического знания (концепции Л. Альтюссера, М. Фуко, Ч.Р. Миллса) (23.00.01)	профессор БОЙЦОВА О.Ю.
25.	ЧЕРНЯХОВСКАЯ Юлия Сергеевна	Политико-философское осмысление проблем общественного развития в творчестве А. и Б. Стругацких (23.00.01)	доцент СЫТИН А.Г.
26.	САМАРКИНА Ирина Владимировна	Политическая картина мира как компонент субъективного пространства политики (23.00.03); <b>докторант</b>	профессор МОРОЗОВА Е.В.
27.	НАСКИНА Ирина Андреевна	Политико-философские идеи А. Кожева (23.00.01)	доцент СОЛОВЬЕВ А.В.
<b>2015–2017</b>			
28.	КОЗЛОВА Наталия Николаевна	Политическая философия российского консерватизма XIX — первой половины XX века: гендерные аспекты (23.00.01) <b>докторант</b>	профессор МОЩЕЛКОВ Е.Н.
29.	ИБРАЕВ Марат Умербаевич (Республика Казахстан)	Государственность в политическом учении евразийства (классическая традиция) (23.00.01)	профессор МОЩЕЛКОВ Е.Н.
30.	ГАЙДТ Анна Юрьевна	Сравнительный анализ политических систем: теоретико-методологический анализ (23.00.01)	профессор ШАМШУРИН В.И.
31.	ЩИПКОВ Александр Владимирович	Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе (23.00.03) <b>докторант</b>	нет
32.	ЯКОВЛЕВ Максим Владимирович	Демократия как проблема политической мысли стран СНГ: теоретико-методологический анализ (23.00.01); <b>докторант</b>	профессор МОЩЕЛКОВ Е.Н.

**ВСЕГО: 5 докторов наук и 27 кандидатов наук**

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<p>АЛАСАНИЯ Кира Юрьевна alasanianak@yandex.ru</p>	<p>кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова</p>
<p>АРТЁМКИН Антон Николаевич aanton5@narod.ru</p>	<p>выпускник аспирантуры кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова</p>
<p>БОЙЦОВА Ольга Юрьевна olga.boitsova@gmail.com</p>	<p>доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова</p>
<p>ЛЕКАРЕВА Анна Олеговна a.lekareva@gmail.com</p>	<p>выпускница кафедры философии политики и права, аспирантка кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова</p>
<p>МИРОНОВА Дагмар</p>	<p>кандидат философских, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова</p>
<p>МОЩЕЛКОВ Евгений Николаевич enm@inbox.ru</p>	<p>доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова</p>
<p>НИКАНДРОВ Алексей Всеволодович bobbio71@mail.ru</p>	<p>кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова</p>
<p>РАСТОРГУЕВ Валерий Николаевич rv1812@yandex.ru</p>	<p>доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова</p>



СОЛОВЬЕВ Алексей Васильевич alexol.ross.msc@mail.ru	кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
СЫТИН Андрей Георгиевич a_syтин@mail.ru	кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
ШАМШУРИН Виктор Иванович shamshuriny2@mail.ru	доктор социологических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
ЩИПКОВ Александр Владимирович av@shchipkov.ru	доктор политических наук, соискатель кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
ЮРИНА Наталья Сергеевна nato_2008@mail.ru	выпускница аспирантуры кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
ЯКОВЛЕВ Максим Владимирович maxvuz@mail.ru	доктор политических наук, выпускник докторантуры кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

## SUMMARY

The ninth edition of the year-book “The Changes in Philosophy: XXI century” (2018) is devoted to the 10-th anniversary of the department of philosophy of politics and law. This edition publishes the articles of the department’s lecturers, candidates and PhD students, where the authors introduce their achievements in special scopes of philosophy of politics and law. Nowadays, philosophy of politics and law has to turn towards the urgent issues of the modern world and, primarily, to politics, analysis and interpretations of tremendous political processes lately increasing in the world development.

The year-book can be useful for everybody interested in current philosophical and political problematics.